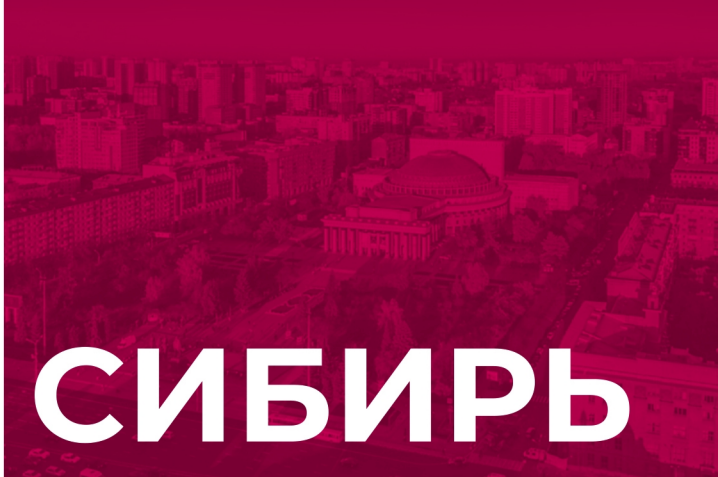

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

НОВОСИБИРСК

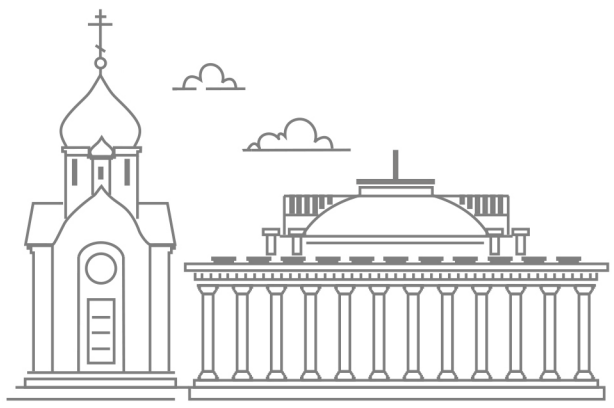

СИБИРЬ

ГУМАНИТАРНАЯ

Siberia humanitaria

2026 №2 (14)
ISSN 2949-1568

SIBERIA HUMANITARIAN

2026

№ 2 (14)

Scientific-practical journal
Published 4 times a year

Founded
in 2022

EDITORIAL BOARD

Vladimir E. Zubov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Novosibirsk, Russia
Anna A. Izgarskaya, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Novosibirsk, Russia
Tatiana S. Ilarionova, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Moscow, Russia
Elena V. Kiseleva, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Novosibirsk, Russia
Dmitry A. Mikhailov, Candidate of Sciences (History), Novosibirsk, Russia
Vladimir P. Motrevich, Doctor of Sciences (History), Professor, Yekaterinburg, Russia
Türkan Olcay, Doctor of Sciences (Philology), professor, Istanbul, Republic of Turkey
Valentina S. Pel, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Novosibirsk, Russia
Andrei I. Savin, Candidate of Sciences (History), Novosibirsk, Russia
Dmitry A. Savchenko, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Moscow, Russia
Alexander S. Smykalin, Doctor of Sciences (Law), Professor, Ekaterinburg, Russia
Marina Yu. Sorokina, Candidate of Sciences (History), Moscow, Russia
Elena E. Tikhomirova, Candidate of Sciences (Cultural Studies), Associate Professor, Novosibirsk, Russia
Oleg D. Fedorov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Sochi, Russia
Boris L. Khavkin, Doctor of Sciences (History), Professor, Moscow, Russia
Denis V. Chernov, Candidate of Sciences (History), Novosibirsk, Russia
Marina V. Shakurova, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Voronezh, Russia

EDITION

Editor in Chief Natalia M. Markdorf, Doctor of Sciences (History), Associate Professor
Executive Secretary S.M. Koba
Editors: N.A. Zolotenina, N.A. Vnukova
Technical Editor O.A. Gladunova

Editorial office address: Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102. Tel. +7 (383) 373-13-24, sib.gum@siu.ranepa.ru

Founder — Federal State-funded Educational Institution of Higher Education “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration”, 119571 Moscow, internal territory of the city, municipal district Tro-parevo-Nikulino, Vernadsky Ave., 82, building 1, +7 (499) 956-99-99, information@ranepa.ru

The Journal is included in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media Register. Register number and date of registration: *III № ΦC77-83738* dated August 5, 2022.

The point of view of the editorial board may not coincide with the point of view of the authors.
Link to the journal “Siberia Humanitarian” is mandatory when materials are used.

Release date 23.06.2026. OCE print. Format 70×108 1/16. Conventional printed sheet 14,00. Publisher's signature 15,20. Edition of 500 copies. Order 14.

SibAGS Publishing House. Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.
Printed on the printing facility of the Siberian Institute of Management — a branch of RANEPa. Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.

Subscription price 180.

© Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2026
© Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, 2026

It is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Зубов Владимир Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, Новосибирск, Россия
Изгарская Анна Анатольевна, доктор философских наук, доцент, Новосибирск, Россия
Иларионова Татьяна Семеновна, доктор философских наук, профессор, Москва, Россия
Киселева Елена Васильевна, доктор педагогических наук, доцент, Новосибирск, Россия
Михайлов Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, Новосибирск, Россия
Мотревич Владимир Павлович, доктор исторических наук, профессор, Екатеринбург, Россия
Олджай Тюркан, доктор филологических наук, профессор, Стамбул, Турецкая Республика
Пель Валентина Степановна, кандидат педагогических наук, доцент, Новосибирск, Россия
Савин Андрей Иванович, кандидат исторических наук, Новосибирск, Россия
Савченко Дмитрий Александрович, доктор юридических наук, доцент, Москва, Россия
Смыкалин Александр Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, Екатеринбург, Россия
Сорокина Марина Юрьевна, кандидат исторических наук, Москва, Россия
Тихомирова Елена Евгеньевна, кандидат культурологии, доцент, Новосибирск, Россия
Федоров Олег Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, Сочи, Россия
Хавкин Борис Львович, доктор исторических наук, профессор, Москва, Россия
Чернов Денис Владимирович, кандидат исторических наук, Новосибирск, Россия
Шакурова Марина Викторовна, доктор педагогических наук, профессор, Воронеж, Россия

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор *Наталья Михайловна Маркдорф*, доктор исторических наук, доцент
Ответственный секретарь *С. М. Коба*
Редакторы: *Н. А. Золотенина, Н. А. Внукова*
Технический редактор *О. А. Гладунова*

Адрес редакции: 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6. Тел. +7 (383) 373-13-24, sib.gum@siu.ranepa.ru

Учредитель — ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 119571, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино, пр-кт. Вернадского, д. 82, стр. 1, +7 (499) 956-99-99, information@ranepa.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер и дата регистрации: *ПИ № ФС77-83738 от 5 августа 2022 г.*

Точка зрения редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов.

При использовании материалов журнала «Сибирь гуманитарная» ссылка на журнал обязательна.

Дата выхода в свет 23.06.2026. Печать ОСЕ. Формат 70×108 1/16. Усл. п. л. 14,00. Уч.-изд. л. 15,20. Тираж 500 экз. Заказ 14.

Издательство СибАГС, 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.
Отпечатано на полиграфической базе Сибирского института управления — филиала РАНХиГС. 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.

Цена по подписке 180 руб.

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы, 2026

© Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

EDITORIAL COUNCIL

Maria A. Abramova
Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Russia, Novosibirsk

Marina N. Wolf
Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Novosibirsk, Russia

Arkady A. Herman
Doctor of Sciences (History), Professor, Saratov, Russia

Emrah Gaznevi
Doctor of Sciences (Philology), Professor, Associate Professor, Istanbul, Republic of Turkey

Victor Denninghaus
Doctor of Sciences (History), Professor, Lüneburg, Germany

Olga V. Zinevich
Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Novosibirsk, Russia

Stefan Karner
Doctor of Sciences (History), Professor, Graz, Austria

Viktor M. Kirillov
Doctor of Sciences (History), Professor, Nizhny Tagil, Russia

Anatoly S. Kolesnikov
Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, St. Petersburg, Russia

Anatoly G. Kosichenko
Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Almaty, Kazakhstan

Nikolay I. Krasniakov
Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Novosibirsk, Russia

Gulnara M. Mendikulova
Doctor of Sciences (History), Professor, Almaty, Kazakhstan

Igor V. Poberezhnikov
Doctor of Sciences (History), Professor, Ekaterinburg, Russia

Alexander M. Sidorkin
PhD, Professor, Sacramento, USA

Tatiana B. Smirnova
Doctor of Sciences (History), Professor, Omsk, Russia

Gulnaz K. Tleuzhanova
Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Karaganda, Kazakhstan

Dmitry A. Funk
Doctor of Sciences (History), Professor, Moscow, Russia

Lazar S. Heifets
Doctor of Sciences (History), Professor, St. Petersburg, Russia

Irina V. Cherkazyanova
Doctor of Sciences (History), St. Petersburg, Russia

Alexey A. Chernobrov
Doctor of Sciences (Philology), Professor, Novosibirsk, Russia

Vladimir N. Shaidurov
Doctor of Sciences (History), Associate Professor, St. Petersburg, Russia

Lubinka Shkodric
PhD, Doctor of Sciences (History), Belgrade, Serbia

Irina I. Shulga
Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Novosibirsk, Russia

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Абрамова Мария Алексеевна

доктор педагогических наук, профессор, Новосибирск, Россия

Вольф Марина Николаевна

доктор философских наук, профессор, Новосибирск, Россия

Герман Аркадий Адольфович

доктор исторических наук, профессор, Саратов, Россия

Газневи Эмрах

доктор филологических наук, доцент, Стамбул, Турецкая Республика

Дённингхаус Виктор

доктор исторических наук, профессор, Люнебург, Германия

Зиневич Ольга Владимировна

доктор философских наук, профессор, Новосибирск, Россия

Карнер Стефан

доктор исторических наук, профессор, Грац, Австрия

Кириллов Виктор Михайлович

доктор исторических наук, профессор, Нижний Тагил, Россия

Колесников Анатолий Сергеевич

доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербург, Россия

Косиченко Анатолий Григорьевич

доктор философских наук, профессор, Алматы, Казахстан

Красняков Николай Иванович

доктор юридических наук, доцент, Новосибирск, Россия

Мендикулова Гульнара Малбагаровна

доктор исторических наук, профессор, Алматы, Казахстан

Побережников Игорь Васильевич

доктор исторических наук, профессор, Екатеринбург, Россия

Сидоркин Александр Михайлович

PhD, профессор, Сакраменто, США

Смирнова Татьяна Борисовна

доктор исторических наук, профессор, Омск, Россия

Тлеужанова Гульназ Кошкимбаевна

кандидат педагогических наук, доцент, Караганда, Казахстан

Функ Дмитрий Анатольевич

доктор исторических наук, профессор, Москва, Россия

Хейфец Лазарь Соломонович

доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербург, Россия

Черказьянова Ирина Васильевна

доктор исторических наук, Санкт-Петербург, Россия

Чернобров Алексей Александрович

доктор филологических наук, профессор, Новосибирск, Россия

Шайдуров Владимир Николаевич

доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия

Шкодрич Любинка

PhD, доктор истории, Белград, Сербия

Шульга Ирина Ивановна

доктор педагогических наук, профессор, Новосибирск, Россия

CONTENTS

Editorial	8
SOCIETY AND POLITICS.....	10
Ilarionova T.S.	
Is the State Beyond Judgment? On the 80th Anniversary of the Nuremberg Tribunal's Verdict	10
Vlasov A.V.	
Soviet Patriotism in Everyday Life of Employees of the Central Office of the Soviet Military	
Administration in Germany	28
HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES	43
Markdorf N.M.	
The Nuremberg Trials: Historiography, Sources and Significance for History	43
Simakova S.A.	
“I Was a Stranger Among My Own People”: Key Themes and Self-Esteem	
in the Autobiographical Legacy of Russian German Special Settlers	57
STATE AND LAW	77
Khodkevich K.O.	
University Disciplinary Courts Institution in the Russian Empire in Comparative Study	77
SCIENCE AND CULTURE.....	86
Yurchenko M.A., Fomina E.B., Belkovets M.S., Stelmashenko D.A.	
Collective Consciousness in a Crisis: The Transformation of Individual Values	
(Based on Remarque's All Quiet on the Western Front)	86
Kranchev D.A.	
Museums of Khakassia as a Space for Intercultural Dialogue	99
Shulga D.P.	
A study of Siberian influence on the art of the Scythian Western Rong in Chinese archaeology	
(based on materials from the Majiayuan burial ground)	111
Savina T.V., Illarionova K.I.	
Between Entertainment and Didactics: Chinese Drama as a State-Ordered Broadcaster.....	123
EDUCATION AND UPBRINGING	133
Bober A.E., Ustimenko Ya.I.	
Comparative Analysis of National Historical Enlightenment Paradigms	
of the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran	133
PRESERVATION OF HISTORICAL MEMORY: THE RUSSIAN TRACE.....	144
Talalay M.G.	
Russian Garibaldian Anatoly Tarasov, “Russian son” of Alcide Cervi	144
AUTHOR AFFILIATIONS	153
INFORMATION FOR AUTHORS	154

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	8
ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА	10
Иларионова Т. С. Государство неподсудно? К 80-летию оглашения приговора Нюрнбергского трибунала	10
Власов А. В. Советский патриотизм в повседневности сотрудников центрального аппарата Советской военной администрации в Германии	28
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	43
Маркдорф Н. М. Нюрнбергский процесс: историография, источники и значение для истории	43
Симакова С. А. «Я был чужим среди своих»: ключевые темы и самооценка в автобиографическом наследии российских немцев-спецпоселенцев	57
ГОСУДАРСТВО И ПРАВО	77
Ходкевич К. О. Сравнительное исследование института университетских дисциплинарных судов в Российской империи	77
НАУКА И КУЛЬТУРА	86
Юрченко М. А., Фомина Е. Б., Белковец М. С., Стельмашенко Д. А. Коллективное сознание в условиях кризиса: трансформация ценностных ориентиров личности (по материалам романа Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен»)	86
Кранчев Д. А. Музеи Хакасии как пространство межкультурного диалога	99
Шульга Д. П. Исследование сибирских влияний на искусство скифоидных западных жунов в китайской археологии (по материалам могильника Мацзяюань)	111
Савина Т. В., Илларионова К. И. Между развлечением и дидактикой: китайская дорама как транслятор государственного заказа	123
ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ	133
Бобер А. Е., Устименко Я. И. Сравнительный анализ национальных парадигм исторического просвещения Российской Федерации и Исламской Республики Иран	133
СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: РУССКИЙ СЛЕД	144
Талалай М. Г. Русский гарибальдиец Анатолий Тарасов, «русский сын» Альчиде Черви	144
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	152
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	154

От редакции

Новый номер журнала «Сибирь гуманитарная» выходит в год 80-летия оглашения приговора Нюрнбергского трибунала, что не осталось без внимания наших авторов. Значение Нюрнберга невозможно переоценить. Он утвердил принцип неотвратимости наказания, отвергнув саму возможность укрыться за государственным суверенитетом или слепым следованием преступным приказам, а также доказал, что возмездие за идеологию ненависти и насилия неизбежно. Трибунал поставил перед мировым сообществом вопрос о необходимости контроля над институтами власти, следствием чего стало формирование новой концепции отношений между человеком и государством. Требование ответственного и справедливого управления оказалось связанным с наследием Нюрнберга. Главный урок Нюрнберга обращен в будущее: неофашизм, в каком бы обличье он ни появлялся, сегодня не менее опасен, чем десятилетия назад. Он несет угрозу человечеству и самой цивилизации. Авторы акцентируют внимание читателей также на историографических и источниковедческих вопросах Нюрнбергского процесса. Однако Нюрнберг интересен не только как прецедент суда над вчерашними преступниками. Он показал, что послевоенное устройство мира держалось на людях — на тех, кто восстанавливал разрушенное, кто в повседневном труде искал пути к примирению.

Кроме того, на страницах номера авторы обращаются к повседневности — к жизни обычных людей на изломе эпох. Одни исследуют будни сотрудников военных администраций, судьбы тех, кто на руинах Германии строил новую жизнь и заново открывал для себя смысл патриотизма. Другие анализируют трагический опыт российских немцев-спецпоселенцев, оказавшихся «чужими среди своих»: их автобиографии раскрывают боль и стойкость целого народа, пережившего депортацию. Трагедия «чужих среди своих», трансформация ценностных ориентиров личности под грузом войны и насилия — эти жизненные сюжеты находят отклик в романах Э. М. Ремарка, а также перекликаются с судьбами наших соотечественников, сражавшихся за свободу чужой земли. Удивительная судьба русского гарибальдийца, ставшего национальным героем Италии, напоминает нам о том, что история соткана из поступков отдельных людей, чья храбрость и благородство способны перешагнуть через государственные границы, а также повествует потомкам о примерах подлинного мужества и героизма.

Особое место в номере занимают исследования на стыке истории, археологии и культурной антропологии. Авторы, исследуя археологические памятники на территории современных Китая, Южной Сибири и Восточного Казахстана, показывают взаимосвязь и взаимовлияние древних культур народов Евразии. Другие исследователи пишут, как музеи российской провинции становятся пространством подлинного межкультурного диалога, соединяя наследие разных народов.

В поле зрения авторов номера попадают и современные медиа. Так, китайские телевизионные драмы за последние годы превратились в глобальный медиафеномен, при этом их коммерческий успех неразрывно связан с идеологической функцией: государство использует этот массовый продукт для трансляции актуальных политических и социальных нарративов.

Проведенное сравнительное исследование дисциплинарных университетских судов в Российской империи позволяет сделать вывод о пройденном ими пути от квазисудебного органа до корпоративного суда.

Завершают номер материалы, посвященные сравнительному анализу национальных парадигм исторического просвещения. Как изучать историю? Этот вопрос сегодня стоит как никогда остро, потому что именно школьное историческое образование формирует способность молодого поколения распознавать угрозы неофашизма, ксенофобии и реваншизма.

Мы надеемся, что синтез истории права, социальной психологии, культурной антропологии, педагогики, а также размышления о границах права и морали, представленные в номере, помогут читателю не только глубже понять прошлое, но и видеть логику настоящего.

Третий выпуск журнала будет посвящен юбилеям Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) и ее филиала — Сибирского института управления (СИУ). История Академии неразрывно связана с эволюцией отечественной системы подготовки государственных служащих: от партийных школ советского периода до современного многопрофильного образовательного учреждения, признанного лидера в области подготовки кадров для государственного и муниципального управления. Юбилей — это возможность осмыслить пройденный путь, сохранить историческую память о предшественниках (преподавателях и выпускниках партийных школ), а также показать, как традиции прошлого преобразуются в современные образовательные стандарты. Номер посвящен диалогу поколений: воспоминаниям ветеранов, преемственности в подготовке кадров, роли сибирской школы управления в кадровом обеспечении регионов. Мы убеждены, что понимание истории родного вуза формирует профессиональную идентичность и ответственность будущих управленцев. Тематика номера: преемственность поколений и трансформация управленческого образования в России: от партийных школ к современной модели подготовки кадров.

Мы акцентируем внимание авторов на вопросах, которые могут найти отражение на страницах третьего номера нашего журнала:

- историография государственной службы и управления;
- подготовка управленческих кадров от партийных школ, институтов марксизма-ленинизма до современной многопрофильной Академии;
- подготовка управленцев в России и за рубежом;
- эволюция управленческого образования в Сибири, традиции прошлого и современность;
- управленческая элита Сибири, роль сибирской школы управления в кадровом обеспечении регионов;
- управленческие кадры, преподаватели и выпускники РАНХиГС и его филиалов;
- воспоминания ветеранов, интервью с ветеранами, преподавателями и выпускниками партийных школ, в том числе Новосибирской высшей партийной школы, Академии;
- трансформация образовательных стандартов подготовки госслужащих;
- воспитательная миссия вуза: от советской номенклатурной школы к современному вузу;
- научные школы СИУ РАНХиГС: традиции и новые направления;
- династии в Академии;
- повседневность вуза раньше и теперь: быт, традиции, ритуалы;
- архивные находки: редкие документы, фотографии, учебные планы прошлых лет.

Приглашаем авторов к обсуждению предложенных вопросов на страницах нашего журнала.

Н. М. Маркдорф, главный редактор

ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА SOCIETY AND POLITICS

Сибирь гуманитарная. 2026. № 2. С. 10—27.
Siberia Humanitarian. 2026;(2):10—27.

Общество и политика

Научная статья
УДК 344.312(430)"1945/46":341.21
EDN ZHHERM

Государство неподсудно? К 80-летию оглашения приговора Нюрнбергского трибунала

Татьяна Семеновна Иларионова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, ilarionovat@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8615-5374>

Аннотация. В статье с опорой на опубликованные источники — материалы заседаний Международного военного трибунала в Нюрнберге в 1945—1946 гг., прежде всего обвинительное заключение и приговор, анализируется деятельность государственных органов рейха как участников совершенных нацистами злодеяний, исследуются причины, по которым, несмотря на выдвинутое обвинение против имперского кабинета министров, генерального штаба и верховного командования вермахта, эти государственные структуры так и не были признаны виновными ни в военных преступлениях, ни в преступлениях против гражданских лиц. Автор показывает, что трибунал, сформированный государственными органами стран — победительниц фашистской Германии, исходил из тезиса о существовании заговора нацистов, руководителей Национал-социалистической рабочей партии Германии, по захвату власти в Германии, что не органы государства были инициаторами совершенных злодеяний и развязывания мировой войны. Тем не менее именно Нюрнберг поставил перед мировой общественностью вопрос о необходимости контроля над институтами легитимной власти. Следствием этого, по мнению автора, стало принятие Всеобщей декларации прав человека, формирование новой концепции отношений человека и государства в современном мире. Делается вывод, что теория «хорошего управления» неразрывно связана с наследием Нюрнберга.

Ключевые слова: Международный военный трибунал, Нюрнбергский процесс, государство, фашизм, права человека

Для цитирования: Иларионова Т. С. Государство неподсудно? К 80-летию оглашения приговора Нюрнбергского трибунала // Сибирь гуманитарная. 2026. № 2. С. 10—27. EDN ZHHERM.

Society and politics

Original article

Is the State Beyond Judgment? On the 80th Anniversary of the Nuremberg Tribunal's Verdict

Tatiana S. Ilarionova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation, ilarionovat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8615-5374>

Abstract. This article, drawing on published sources the proceedings of the International Military Tribunal in Nuremberg in 1945–1946, primarily the indictment and verdict analyzes the activities of Reich state bodies as participants in Nazi atrocities. It examines the reasons why, despite the indictment against the Reich Cabinet, the General Staff, and the High Command of the Wehrmacht, these state bodies were never found guilty of war crimes or crimes against civilians. The author demonstrates that the tribunal, formed by the state bodies of the countries that defeated Nazi Germany, assumed a conspiracy by the Nazis, the leaders of the National Socialist German Workers' Party, to seize power in Germany, and that it was not state bodies that initiated the atrocities committed and the outbreak of the world war. Nevertheless, it was Nuremberg that raised the question of the need for control over the institutions of legitimate power before global public opinion. The author believes that this resulted in the adoption of the Universal Declaration of Human Rights and the formation of a new concept of the relationship between the individual and the state in the modern world. The author concludes that the theory of “good governance” is inextricably linked to the legacy of Nuremberg.

Keywords: International Military Tribunal, Nuremberg Trials, state, fascism, human rights

For citation: Ilarionova T.S. Is the State Beyond Judgment? On the 80th Anniversary of the Nuremberg Tribunal's Verdict. *Siberia Humanitarian*. 2026;(2):10—27. (In Russ.). <https://elibrary.ru/zhherm>.

Введение

Актуальность исследования. Международный военный трибунал, заседавший после разгрома гитлеровской Германии в Нюрнберге в 1945—1946 гг. и вынесший свой приговор осенью 1946 г., стал epochальным событием всемирной истории. Обвинительное заключение было выдвинуто против 24 бывших руководителей Третьего рейха, руководителей Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП), а также ряда политических организаций (СС, СА, СД), гестапо и институтов нацистского государства — имперского кабинета министров, генерального штаба и верховного командования вермахта.

Историки большое внимание уделяли осуждению руководителей Третьего рейха, однако для современного общества, как представляется, особое значение имеет рассмотрение дела против организационных структур и собственно нацистского государства. На Нюрнбергском процессе впервые в истории был поставлен вопрос о виновности перед гражданами страны и внешним миром конкретной политической силы — партии, также впервые была сделана попытка призвать к ответу институты государства, которое позволило такой силе, как НСДАП, укрепиться у власти и от имени всей нации начать террор против населения, геноцид национальных общин, осуществить холокост, развязать самую кровопролитную из всех войн — Вторую мировую.

И хотя Международный военный трибунал не признал правительство рейха и вермахт виновными в преступлениях против человечности, процесс переосмысления роли и места государства в современном мире было уже не остановить.

Опыт Нюрнберга автор видит в разработке и принятии Всеобщей декларации прав человека, где в глобальном масштабе была предложена новая концепция государственного устройства (подчиненность, подотчетность гражданину легитимных институтов управления, вознесение прав и свобод конкретного человека над всей конструкцией государства) на основании того, что от государства может исходить угроза миру и стабильности, что само государство может быть узурпировано деструктивными силами, что оно способно выйти за пределы собственных полномочий и ограничений, использовать террор, стать угрозой для своих же граждан и соседей.

Целью исследования стало выявление приемов и методов овладения партией с чужоконеврической идеологией, какой, по приговору Нюрнбергского трибунала, была Национал-социалистическая немецкая рабочая партия, институтами государства с проведением в последующем нацистского курса в угоду преференциальным группам населения; выяснение причин, по которым институт государства оказался неспособным к сопротивлению, к защите граждан от тоталитарных внутриполитических практик и войны, а также определение влияния знания о преступном заговоре нацистов по захвату и использованию власти, полученного в ходе процесса в Нюрнберге, на формирование новой глобальной концепции общественных отношений — утверждение примата прав и свобод человека над интересами и политикой государства.

Задачи настоящего исследования — понять значение приговора Нюрнбергского трибунала для оценки роли государственных органов в создании системы тотального контроля над обществом и репрессий; выявить механизмы государственного управления Третьим рейхом, позволившие проводить акции, подобные «окончательному решению еврейского вопроса»; определить, почему государственные институты, такие как правительство, вермахт, были заинтересованы в войне вместо того, чтобы работать над созданием систем безопасности и рачительным, по-немецки ответственным расхождением богатств страны для укрепления Германии. Принципиальной задачей стало уяснение причин освобождения трибуналом имперского кабинета министров, генерального штаба и верховного командования

вермахта от ответственности, а также анализ послевоенного восстановления и развития государственных структур по всему миру под влиянием принятой в 1948 г. Всеобщей декларации прав человека.

Объектом исследования стали решения Нюрнбергского трибунала о роли государственных институтов Третьего рейха в совершении преступлений против человечности. Предметом исследования явилось установление на основе материалов Нюрнберга приемов и методов практической деятельности органов государственной власти в нацистской Германии, а также направлений развития государственных институтов после войны.

Эмпирической базой были документы самого Международного военного трибунала. Огромный вклад в разъяснение сути процесса 80-летней давности внес юрист, писатель и кинорежиссер Александр Звягинцев, который под впечатлением судьбы членов своей семьи особым образом воспринимал все, что было связано с Великой Отечественной и в целом со Второй мировой войной. Его огромный труд «Нюрнберг. Высший суд» стал не просто обобщением фактов истории и попыткой вернуть новые поколения к проблеме искоренения фашизма, но и глубоким научным исследованием того, что есть вообще преступление и наказание конкретного человека в условиях тоталитарного государства [1]. Книга содержит полнотекстовые версии выступлений участников процесса, что дает возможность не только опираться на мнение А. Звягинцева по тем или иным аспектам самого дела и хода судебных заседаний, но и выносить самостоятельные суждения.

Материалы суда в Нюрнберге на русском языке были опубликованы в конце 1950 — начале 1960-х гг.¹ Сегодня они доступны в Интернете², в том числе полнотекстовая версия приговора трибунала, подготовленная на основе архивных документов³.

Значительным материалом для исследования стали речи государственных деятелей США⁴ и Великобритании⁵, а также оценка политики рейха советскими руководителями, прежде всего И. В. Сталиным, который критиковал попытки Гитлера жонглировать лексикой социальной справедливости и защиты пролетариата, в то время как его партия насаждала националистические, шовинистические взгляды и практики [2]. Особое место занимают книги нацистских бонз⁶, исследования об их преступных деяниях [3], а также труды ученых о самой НСДАП [4].

Научной основой стали многочисленные публикации по истории Третьего рейха. Наиболее сильное впечатление на автора произвела

¹ См.: Нюрнбергский процесс : в 7 т. М. : Госполитиздат, 1957—1961.

² См.: Нюрнберг Z.0. Без срока давности. URL: <https://numberg1945.ru/> (дата обращения: 16.04.2026).

³ См.: Приговор Международного военного трибунала. Нюрнберг, 1 октября 1946 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/163756-prigovor-mezhdunarodnogo-voennogo-tribunala-nyurnberg-1-oktyabrya-1946-g#mode/inspect/page/3/zoom/4> (дата обращения: 16.04.2026).

⁴ См.: Рузвельт Ф. Д. Беседы у мантии. М. : ИТРК, 2003. 408 с.

⁵ См.: Черчилль У. Вторая мировая война : в 3 т. / сокр. пер. с англ. ; под ред. А. С. Орлова. М. : Воениздат, 1991 ; Черчилль У. Никогда не сдаваться! Лучшие речи Черчилля / речи отобраны и отредактированы его внуком, Уинстоном Черчиллем ; пер. с англ. С. Чернина. 3-е изд. М. : Альпина нон-фикшн, 2014. 644 с.

⁶ См., например: Гудериан Г. Танки — вперед!. М. : Воен. изд-во М-ва обороны Союза ССР, 1957. 260 с.

вышедшая на русском языке в 1997 г. небольшая по своему объему книга британского историка Яна Кершоу [5]. Именно в этом труде в центр внимания были поставлены вопросы: как с использованием государственных институтов нацистской Германии могли создаваться такие «фабрики» уничтожения людей, как концлагеря, как могли поощряться «научные» исследования по созданию ядовитых газов и заказы предпринимателям на изготовление передвижных душегубок и крематориев для концлагерей, как могли издаваться государственными органами приказы, распоряжения, методические пособия по уничтожению людей? Позже Я. Кершоу с разных сторон исследовал феномен германского фашизма, что дополняло картину злодеяний этого режима [6 ; 7]. Важные сведения о подчинении государственных институтов политике НСДАП содержатся в трудах таких авторов, как З. Цельнхельфер [8] и Р. Эванс [9 ; 10]. Ими подробно рассмотрено то, как прицельно работала нацистская партия с отдельными социальными группами Германии, в том числе с государственными служащими, показано, как эта консервативная среда, не забывшая дореволюционные имперские времена, сама была готова к тому, чтобы с восторгом воспринять нацистские кличи и активно участвовать в перенастройке институтов государства под идеологию Гитлера.

Труды таких мыслителей, как Питирим Сорокин [11] и Ханна Арендт [12 ; 13], стали основой для выбора автором точки зрения на государственные институты как таковые, без привязки к политическому режиму, особенно к их экзистенции в условиях кризиса, на их способность к быстрому и фатальному изменению от дружественных отношений с гражданами к подавлению всякой инициативы и свободы.

Методами исследования были избраны историзм и компаративный анализ.

Результаты исследования

Питирим Сорокин метко замечал: «Если бедствие носит сложный характер и складывается из таких составляющих, как голод, эпидемия, революция и война, то усиление диктатуры и регламентации принимают поистине энциклопедический размах и распространяются фактически на все области социальных отношений. Население или беспрекословно повинует распоряжениям, или заключается в тюрьмы и концентрационные лагеря, или же отправляется на гильотину, виселицу, идет под расстрел» [11, с. 130].

Нюрнбергский трибунал исследовал в том числе то, как Гитлер, его партия, его подручные воспользовались социальной фрустрацией немцев в начале 1930-х гг. и, внедряя в повседневность насилие, парамилитарные методы принуждения простых граждан к приятию расовых теорий, поощряя самые низменные желания и практики людей, захватили государственные органы, закрепились у власти, сначала совершали свои злодеяния в отношении сотен тысяч собственных сограждан, а потом и развязали мировую войну.

Идея проведения суда над нацистскими руководителями, над нацизмом содержала в себе не только практическое, но и мировоззренческо-философское, символическое начало. Союзники договорились о наказании военных преступников еще в Ялте, во время встречи

И. В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля. Восьмого августа 1945 г. правительства СССР, США, Великобритании и Франции учредили Международный военный трибунал, процесс начался 20 ноября того же года [1, с. 22—23].

Однако цель провести суд, придать наказанию преступников международно-правовой характер имела еще и библейский смысл. Приговор как результат состязательности сторон (а в процессе принимали участие и адвокаты представших перед судьями лиц) должен был показать, что Победа над германским фашизмом — не только результат военного успеха, но и моральное торжество добра над злом. Трибунал открыл такие стороны гитлеровского режима, о которых широкая общественность не знала, длительное время отказывалась знать, даже сами судьи, получавшие в ходе заседаний доказательства чудовищных по своим масштабам злодеяний, не сразу были готовы верить представленным фактам.

В Нюрнберге было раскрыто то, как действовала машина смерти, которую создал гитлеровский фашизм. Так, в подготовительных материалах и в судебных заседаниях содержались результаты научных изысканий и обобщений самых разных сторон этой «работы»: ведение нацистской партией пропаганды человеконенавистнической идеологии, подавление с помощью насилия воли отдельных социальных групп и страт, проведение кадровой политики для пополнения и партийных, и государственных органов лояльными людьми, готовыми к выполнению любого приказа фюрера. Кошмарные свидетельства были представлены суду после «полевых» исследований из Бабьего Яра, где были расстреляны десятки тысячи невинных; из Освенцима, где без усталости работали печи и газовые камеры, в которых закончились дни миллионов людей разных стран, национальностей, гражданского состояния, возраста и пола; из анатомического института в Данциге, сотрудники которого были «изобретателями» мыла из человеческих трупов. Международный военный трибунал не только мыслился, но и стал Высшим судом, воздавшим кару за чудовищные преступления, совершенные конкретными людьми против мира, против человечности.

В то же время сам Нюрнберг был продуктом 1940-х гг. Его судьи вовсе не были намерены выносить вердикт государству как институту. Напротив, уже со второго дня заседаний трибуналом было установлено, что свидетели должны приносить присягу в соответствии с практикой того государства, откуда они прибыли и какое они представляли. Исключение делалось только для тех, кто, сообразно своим религиозным воззрениям, хотел удостоверить свое намерение говорить только правду, поклявшись «Богом, всемогущим и всеведущим» [1, с. 84].

Уже одно это предопределяло, на наш взгляд, отношение трибунала к структурам государства. Основной тезис трибунала — Гитлер и его партия организовали заговор с целью захвата власти, что и случилось в январе 1933 г., когда НСДАП набрала большинство голосов на общенациональных выборах, вследствие чего фюрер получил пост канцлера. Его книга «Майн кампф», как доказал трибунал, была основным идеологическим руководством для овладения германским государством и германской нацией с помощью внушения народу

идеи о преимуществах и историческом праве немцев на жизненное пространство за счет других народов.

Вся линия обвинения, построенная советской стороной, также базировалась на этом тезисе: заговорщики во главе с Гитлером захватили власть в Германии с целью ведения агрессивных войн. Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко в своей речи 29—30 июля 1946 г. говорил: «Когда же возник этот план или заговор? Конечно, установить точную дату, день и час, когда подсудимые договорились совершить свои преступления, вряд ли возможно. Мы не можем и не будем основывать свои выводы и утверждения на догадках и предположениях. Но с полной несомненностью следует считать установленным, что с того момента, когда фашисты захватили в Германии государственную власть, они приступили к реализации своих преступных планов, они использовали власть для подготовки агрессивной войны» [1, с. 632].

Впрочем, в этой позиции впервые собравшегося подобного судебного органа не было ничего особенного. Международный военный трибунал состоял из представителей государств — победителей в войне, что специально подчеркивалось во всех документах.

Уже в обвинительном заключении Международного военного трибунала, которое было оглашено 18 октября 1945 г. на распорядительном заседании, особое внимание было привлечено к тому, как оказавшиеся на скамье подсудимых составили заговор для овладения структурами германского государства и использовали впоследствии эти структуры для развязывания агрессивных войн, физического уничтожения гражданского населения и военнопленных.

Исследовалась история формирования и восхождения к власти нацистской партии. Методы, которыми она действовала, были неприемлемы для политической практики Европы, в частности Германии, и государственные органы не противостояли им: террор военизированных групп в городах и сельской местности страны в сочетании с наступательной пропагандой превосходства германской нации над прочими народами, использованные для давления на немцев, дали голоса за Гитлера. Он же, став 30 января 1933 г. канцлером, воспользовался поджогом рейхстага 28 февраля 1933 г. для того, чтобы отменить все положения о гражданских правах и свободах, содержащиеся в Конституции Веймарской республики, запретить все партии, кроме нацистской. Партия стала правящей, а весь состав правительства был заменен на членов НСДАП или тех, кто был ей близок. Кроме того, демагогические лозунги, такие как «Ты — ничто, народ — все!» [8, с. 199], эффективно действовали для подчинения масс НСДАП.

Седьмого апреля 1933 г. был принят закон о реорганизации государственной службы, который дал возможность нацистскому правительству устранить всех чиновников и учителей, «занимающихся подрывной деятельностью и неблагонадежных в политическом отношении»¹.

В обвинительном заключении особо подчеркивалось, что «захватив таким образом государственный аппарат, нацистские заговорщики приступили к усилению своей власти внутри Германии, уничтоже-

¹ Приговор Международного военного трибунала. Нюрнберг, 1 октября 1946 г.

нию возможного сопротивления внутри страны и к переводу германского народа на военную ногу»¹.

Как практически это было сделано? Парламент — рейхстаг — наполнился ставленниками Гитлера, была проведена административная реформа с целью назначения людей из числа преданных НСДАП на государственные должности, в том числе и новые, ранее не существовавшие. После смерти президента страны фон Гинденбурга в 1934 г. Гитлер объединил должности президента и канцлера страны, прошла широкая чистка среди гражданских служащих: изгонялись евреи и коммунисты, а суд низвели до положения обслуживающей нацистский режим структуры. Создавались новые государственные и партийные организации с охватом всей страны, государственные органы и учреждения были подчинены партийным органам.

Материалы судебных заседаний трибунала позволяют увидеть, как нацистская партия создала несколько особо зловещих органов, которые взяли на себя самые отвратительные по своей бесчеловечности и подлости карательные операции: СС (Schutzstaffeln — охранные отряды) и СД (Sicherheitsdienst — служба безопасности). Возникнув как подразделения Национал-социалистической немецкой рабочей партии, позже они стали вровень с государственными органами. Это произошло в тот момент, когда такой преданный Гитлеру человек, как Г. Гиммлер, помимо должности рейсфюрера СС, стал еще и имперским министром внутренних дел. Показательно, что государственный орган гестапо (Gestapo, сокр. от нем. Geheime Staatspolizei — тайная государственная полиция) был фактически в подчинении у СС, он также вошел в структуру Главного управления имперской безопасности (РСХА).

В тексте приговора трибунала подробно рассматривается история возникновения этого спрута. «Объединение полиции безопасности — государственной организации и СД — партийной организации под руководством Гейдриха было оформлено декретом от 27 сентября 1939 г., объединявшим различные государственные и партийные учреждения, подведомственные Гейдриху как начальнику полиции безопасности, и СД в одно административное целое — главное управление имперской безопасности (РСХА), которое одновременно являлось одним из главных управлений СС, подведомственных Гиммлеру как рейхсфюреру СС, и управлением министерства внутренних дел, подведомственного Гиммлеру как начальнику немецкой полиции»². В приговоре подчеркивалось, что в ноябре 1939 г. полиция безопасности была координирована с СС путем производства всех чиновников гестапо и уголовной полиции в звания СС, соответственно занимаемым ими постам. Причем эта координация деятельности с разграничением функций среди высших полицейских чиновников осуществлялась не только на уровне рейха, но и на местах. Позже на оккупированных территориях взаимодействие между частями гестапо, уголовной полиции и СД стало еще теснее. «Они были организованы в местные отряды полиции безопасности и СД и находились

¹ Обвинительное заключение Международного Военного Трибунала // Нюрнберг Z.0. Без срока давности. URL: <https://nurnberg1945.ru/posts/obvinitelnoe-zaklyuchenie-nyurnberg> (дата обращения: 16.04.2026).

² Приговор Международного военного трибунала. Нюрнберг, 1 октября 1946 г.

под контролем как РСХА, так и высшего руководителя СС и полиции, который назначался Гиммлером в аппарат оккупационных властей»¹.

Эта дуальная система управления с переплетением полномочий и функций партийных нацистских ячеек и собственно государственных органов с приматом в принятии решений мнения именно партийных руководителей, с включением партийных структур в государственные (как в случае с СС и гестапо) свидетельствовала о государстве необычного типа, порожденном XX в., где отдельные представители общества, сплотившись вокруг вождя, используя самые разные методы, не действуют в солидарных интересах, а навязывают свою волю большинству.

Трибунал установил, как нацистские заговорщики совершили расправу над свободными профсоюзами, церковными организациями, пацифистскими группами, а также отдельными общностями, прежде всего евреями.

В приговоре Международного военного трибунала отсутствовал социально-психологический подход к исследованию пути Гитлера к власти, этот пробел восполняют исследования историков. «Класс» чиновников в Пруссии был традиционно привилегированным и осознававшим себя как столп общества. Как правильно замечает исследователь О. Ю. Пленков, для него разрушающими и оказались изменения времен Веймарской республики, касавшиеся не столько экономических или политических обстоятельств развития, что также было немаловажным, сколько возможного участия в партийных организациях тех, кто состоял на государственной службе [14, с. 236].

В свою очередь, Р. Эванс справедливо пишет, что гитлеровцы презирали Веймарское государство, вообще государство демократического типа. В их представлении, общество должно быть устроено по принципу фюрерства. Именно так следовало строить и структуры власти — на основании полного и безоговорочного принятия власти вождя, а не посредством законов или признания легитимности управленческих структур [9, с. 52—53], как было до момента, пока не принимается решение участвовать в выборах 1932 г., до момента, пока нацисты не набирают необходимого для законного прихода к власти количества голосов избирателей. Нацисты «оседлали» структуры государства, использовали институты демократии, чтобы потом немедленно их упразднить.

В Нюрнберге было установлено также, что никакого контроля за внешней политикой со стороны каких бы то ни было общественных, гражданских институтов после 1933 г. уже не существовало. Фактически коммуникации рейха с внешним миром были в единоличном управлении Гитлера. Именно он вступал в переговоры с партнерами, по его поручению действовал министр иностранных дел фон Риббентроп. Показательны были обнародованные на процессе записи допроса советскими следователями румынского диктатора Иона Антонеску. В ноябре 1940 г. он встречался в Берлине с Гитлером, в результате четырехчасовых переговоров было достигнуто соглашение, а вернее, оба контрагента вступили в сговор, что Румыния будет на стороне

¹ Приговор Международного военного трибунала. Нюрнберг, 1 октября 1946 г.

Германии, вознамерясь Гитлер пойти войной на Восток. Это сыграло свою роль в подготовке планов нападения на СССР [1, с. 150].

Показательно отношение Гитлера и его приспешников к другим государствам, в первую очередь к СССР. Ненависть вызывала не просто большевистская идея или коммунистическая партия, а, как свидетельствовали документы рейха, само советское государство. Так, в предъявленных трибуналу «Указаниях о применении пропаганды по варианту „Барбаросса”», подготовленных в июне 1941 г., стояло: «Противниками Германии являются не народы Советского Союза, а исключительно еврейско-большевистское советское правительство со своими чиновниками и коммунистическая партия, работающие на мировую революцию» [1, с. 171].

В ходе Нюрнбергского процесса было установлено также, что все военные действия — это беспрекословное выполнение государственной машиной рейха приказов политического руководства, Гитлера и его приспешников, занявших высшие посты в рейхе. Так, после нападения вермахта на СССР все вопросы снабжения армии, организации жизни населения на оккупированных территориях, политики в отношении военнопленных решались через государственные органы — соответствующие министерства и ведомства рейха. Например, заниженные рационы питания для военнопленных, как свидетельствовал ход процесса, устанавливались именно имперским министерством продовольствия и сельского хозяйства. От военных шли указания, как именно обращаться с гражданским населением на территориях, захваченных вермахтом. В частности, главнокомандующий генерал-фельдмаршал фон Рейхенау выпустил директиву «О поведении войск на Востоке», в которой говорилось: «Снабжение питанием мирных жителей и военнопленных является ненужной гуманностью» [1, с. 202]. В результате таких установок пленных пытали, морили голодом, лагеря не отапливались, над людьми ставились опыты, практиковались массовые расстрелы. Факты, приведенные в ходе заседаний трибунала, ужасают. Кажется, не было предела изобретательности палачей в поисках форм и методов умерщвления людей. Даже организованные в концентрационных лагерях лазареты служили не цели помочь заболевшим, а выполнению задания сократить численность содержащихся там пленных. Цепь злодеяний, как подчеркивал на процессе главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко, тянулась «от рук палачей до министерских кресел» [1, с. 250].

То, что это было единой политикой в масштабах страны, доказывал помощник главного обвинителя от СССР Л. Н. Смирнов: «Единство приемов умерщвления: одно и то же устройство газовых камер, массовая штамповка круглых банов с отравляющим веществом „циклоном А” или „циклоном Б”, построенные по одним и тем же типовым проектам печи крематориев, одинаковая планировка „лагерей уничтожения”, стандартная конструкция зловонных „машин смерти”, которые немцы называли „газенвагенами”, а наши люди „душегубками”, техническая разработка передвижных мельниц для размалывания человеческих костей — все это указывало на единую злую волю, объединяющую отдельных убийц и палачей» [1, с. 250].

На заседаниях 14, 15 и 18 февраля 1946 г. были рассмотрены преступления против мирного населения и сделаны выводы относи-

тельно роли государственных органов Германии в этих злодеяниях. Внимание было обращено на подготовку в рейхе кадров для подобных акций, на процесс совершенствования лагерной системы и средств истребления узников. Подчеркивалось, что была создана сеть учебных заведений, в которых специально готовились те, кто потом должен был безжалостно проводить экзекуции в концлагерях, на оккупированных территориях [1, с. 252].

Ужасающие подробности были предъявлены трибуналу о иных изощренных злодеяниях гитлеровцев. Так, было оглашено свидетельство препаратора анатомического института в Данциге, непосредственного участника изготовления мыла из человеческих трупов. Он свидетельствовал, что в этот институт для ознакомления с экспериментами по производству мыла приезжали министр просвещения Руст, министр здравоохранения Конти, гауляйтер Данцига Форстер, они брали куски мыла с собой на пробу, на память [1, с. 302].

Помощник главного обвинителя от СССР Л. Р. Шейнин представил трибуналу неопровержимые свидетельства грабежа, расхищения и присвоения материальных ресурсов оккупированных территорий. Демонстрируя многочисленные специальные инструкции, справочники и указания, он доказывал, что правительство рейха и верховное командование германской армии «наряду с заблаговременной подготовкой военной агрессии против Чехословакии, Польши, Югославии и СССР также заблаговременно разработали план массового расхищения и разграбления частной, общественной и государственной собственности на территории этих государств» [1, с. 333].

В сообщении Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников «О чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме» отдельно указывалось, что «автором» лагеря смерти был рейхсфюрер СС Гиммлер [1, с. 442—460]. Освенцим стал апогеем политики преследования евреев в рейхе. Именно государственные органы — полиция и имперское министерство юстиции — ответственны за планомерное уничтожение любых проявлений еврейской жизни, как и самих евреев после так называемой хрустальной ночи 1938 г. Убийство в Париже секретаря посольства Германии стало поводом для прошедших по всей стране в ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. погромов, а полиция была уполномочена закрывать синагоги, изымать находившиеся там ценности, задерживать не виновников погромов, а их жертв — евреев, отправлять их в тюрьмы и концлагеря.

Двадцатого января 1942 г. начальник Главного управления имперской безопасности Гейдрих провел в пригороде Берлина Гросс-Ванзее совещание, на котором было принято решение об «окончательном решении еврейского вопроса» [1, с. 521—531]. В принятии решения участвовали высокопоставленные чиновники, представители имперских министерств (для оккупированных восточных областей), внутренних дел, иностранных дел, юстиции, полиции, главных управлений по вопросам расы и переселения, безопасности, а также уполномоченный по четырехлетнему плану. То есть одно из самых злодейских решений было государственным актом рейха.

Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко подчеркивал, что тем, кто был в Нюрнберге на скамье подсудимых, не было никакой нужды

самим, своими руками, расстреливать, вешать, душить людей. Они отдавали приказы. Их приказы исполнялись беспрекословно теми, кто был поставлен на эту «черную работу». Представшие перед трибуналом нацисты занимали ключевые государственные посты в рейхе. Герман Геринг — председатель совета министров по обороне Германской империи, диктатор по руководству германской экономикой, генеральный уполномоченный по четырехлетнему плану и главнокомандующий военно-воздушными силами. Рудольф Гесс делал партийную карьеру, помогал Гитлеру в подготовке книги «Майн кампф», как руководитель партийного аппарата НСДАП подписывал вместе с другими руководителями Третьего рейха ключевые правовые акты империи, в том числе такие, как закон об охране крови и чести от 14 сентября 1935 г., указ от того же числа о лишении евреев права голоса и права работы в общественных учреждениях и др. Иоахим фон Риббентроп был одним из вдохновителей и руководителей германской внешней политики. Как член гитлеровского правительства, как член имперского совета, по обороне империи, как член тайного совета, он участвовал в разрешении всего комплекса вопросов, связанных с подготовкой агрессивных войн [1, с. 640—651].

Предъявление доказательств и речи сторон закончились 31 августа 1946 г. Состоялось 403 открытых судебных заседания трибунала; 33 свидетеля обвинения дали устные показания против отдельных подсудимых; кроме 19 подсудимых, был допрошен 61 свидетель защиты. Еще 143 свидетеля защиты дали показания путем представления письменных ответов на опросные листы. Трибунал назначил уполномоченных для подбора доказательств, относящихся к организациям, 101 свидетель защиты дал показания уполномоченным, было представлено 1 809 письменных показаний других свидетелей, а также шесть отчетов, резюмирующих содержание большого числа других письменных показаний, 38 000 письменных показаний, подписанных 155 000 человек, было представлено по делу политических руководителей; 136 213 — по делу СС; 10 000 — по делу СА; 7 000 — по делу СД; 3 000 — по делу генерального штаба и ОКБ и 2 000 — по делу гестапо. Трибунал сам заслушал 22 свидетеля по делу организаций¹.

Приговор был оглашен 1 октября 1946 г. Основная вина в подготовке заговора возлагалась на нацистскую партию. Она в течение восьми лет после опубликования «Майн кампф» настойчиво работала над достижением поставленной цели — захватом власти в Германии. В целом, как установил трибунал, период продолжительностью в четверть века (1919—1945) был периодом целенаправленного заговора по захвату власти в Германии, установлению террора, развязыванию войны.

Однако трибунал не согласился с первоначально выдвинутым обвинением против государственных структур: «Обвинение назвало как преступную организацию правительственный кабинет (рейхсрегирунг), состоявшую после января 1933 г. из членов самого кабинета, членов совета министров по обороне империи и членов тайного совета. Трибунал считает, что решение о признании преступного

¹ См.: Приговор Международного военного трибунала. Нюрнберг, 1 октября 1946 г.

характера правительственного кабинета не должно быть вынесено по двум причинам:

1) потому, что не доказано, что после 1937 года он фактически действовал в качестве группы или организации;

2) потому, что группа лиц, против которой здесь выдвинуто обвинение, является настолько малочисленной, что без каких-либо затруднений члены ее могут предстать индивидуально перед судом без вынесения решения о том, что кабинет, членами которого они были, являлся преступной организацией»¹.

Итак, констатировалось, что на деле правительство не представляло собой руководящего органа: после 1937 г. не было ни одного заседания правительственного кабинета, а «законы принимались от имени одного или более членов кабинета». Нельзя было отрицать очевидного, что члены правительства были напрямую замешаны в принятии репрессивных решений, но они, как полагал трибунал, действовали «как отдельные лица, и не имеется никаких доказательств того, что кабинет как группа или организация принимал какое-либо участие в этих преступлениях»¹. Примерно такой же вердикт был в отношении генерального штаба и верховного командования.

Советская сторона в лице члена Международного военного трибунала И. Т. Никитченко высказала особое мнение по поводу того, что от осуждения был освобожден правительственный кабинет рейха. Никитченко ссылаясь на то, что в ходе процесса были установлены многочисленные преступления, которые совершались от имени и с помощью государственных институтов [1, с. 706—715].

Трибунал своим приговором фактически вытащил из дуальной системы гитлеровской власти партийную составляющую, оставив такие традиционные государственные институты, как правительство и силовой отряд государства — вооруженные силы, вермахт, без осуждения, без наказания. Все приведенные факты участия государственных чиновников, а также государственных органов под их руководством, были отставлены в сторону.

Конечно, трибунал ставил перед собой цель оценить, насколько велика коллективная вина причастных к той или иной организации. Он исходил и из того, что в любом случае не структуры сами по себе повинны в злодеяниях, а люди, которые в этих структурах готовили приказы и исполняли их.

Понимание того, что в последующем только на одном том основании, что конкретный человек, ранее принадлежавший к организации, объявленной преступной, может понести наказание без детального разбора индивидуальной вины, безусловно, останавливало членов трибунала от безоговорочного осуждения государственных структур в преступлениях нацизма.

Однако такая позиция оставляла серьезный зазор между реальной картиной совершенных злодеяний, в которых далеко не пассивными участниками, а самыми что ни на есть инициаторами выступали государственные чиновники и органы власти, и стремлением сохранить каркас общественного устройства — институт легитимной власти не только для Германии, но и для всего мира.

¹ Приговор Международного военного трибунала. Нюрнберг, 1 октября 1946 г.

Несмотря на то, что государственные институты не были подвергнуты остракизму, сама постановка в обвинительном заключении трибунала вопроса об ответственности правительства, вооруженных сил за результаты внутренней политики в рейхе, за Вторую мировую войну не остались без общественной переработки и осмысления. Глорификация государства, какая была присуща 1920—1930 гг. в самых разных странах, уже не кажется ни необходимой, ни очевидной, ни оправданной. Государство, прежде всего Третий рейх, в глазах мировой общественности стало источником величайшей из трагедий в истории человечества. Причем такое отношение формируется в разных обществах: как в странах — победительницах фашизма, так и в Германии. «В американцах и англичанах прочно укоренилась вера в то, что наши родители и деды сражались за „справедливость”» [15, с. 11]. У немцев: «Дети с антиавторитарными взглядами испытывали настолько сильную неприязнь к поколению своих отцов, — к которым и правда было трудно испытывать большую симпатию, — а их критика была настолько изощренной, что миф об удушающей все живое злости, которую они, молодые, стремились побороть, до сих пор определяет образ пятидесятых» [16, с. 14].

На эту почву ложится новый опыт — принимается Декларация прав человека, которая фактически предлагает миру совершенно новую концепцию отношений государства и гражданина. Больше нет никакого респекта по отношению к власти. Власть мыслится как сервис, как организация, над действиями которой должен быть установлен жесткий общественный контроль. В этом подходе такие, на первый взгляд, различные силы, как гражданин и государство, не просто ставятся на одну доску, уравниваются в своем положении, но верх берет человек, гражданин. Один. Со своим комплексом прав и свобод, он начинает возвышаться над коллективными правами и возможностями мощного, не сказать всемогущего, института — государства.

Но здесь, в отличие от Нюрнбергского трибунала, СССР продемонстрировал совершенно иной подход к проблеме. Так, А. Я. Вышинский, который представлял Советский Союз при обсуждении проекта декларации 9 декабря 1948 г. на Генеральной Ассамблее ООН, высказывался о необходимости «абстрактные» статьи уточнить таким образом, чтобы в них именно перед государством была поставлена задача защиты прав и свобод человека и гражданина. Так, если речь идет о праве человека на жизнь, то следует добавить, что государство обязано обеспечить это право каждому; если говорится о защите от преступных посягательств на гражданина, то именно государство должно эту защиту обеспечить и т. д.¹. Эти предложения приняты не были, потому что весь дух и буква декларации был как раз о необходимости ограничить прежде всего государство в его власти над самыми разными сферами общественного бытия. В этой максиме — весь опыт противостояния здоровых сил антигитлеровской коалиции совершившему злодеяния рейху, прикрывавшемуся именем нации, действовавшему якобы в коллективных интересах, сдавшемуся пар-

¹ См. об этом: Ибраев Г. Сталинские поправки в Декларации прав человека // Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2020/06/26/1118?ysclid=mo0z3mw9yy741644961> (дата обращения: 16.04.2026).

тии, которая пропагандировала изуверское насилие, но оказалась способной реализовать свой потенциал ненависти к согражданам и миру только благодаря тому, что овладела структурами государства.

Декларация сформировала подход к тому, что позже теоретики назовут компактным государством (*schalker Staat*) [17 ; 18]. Теперь органы власти должны были ограничиваться только теми компетенциями, что им приданы законом. Более того, институты власти — законодательной, исполнительной или судебной — обязаны были оставаться открытыми для общества, подотчетными ему.

Эти идеи, только в зародыше представленные после Нюрнбергского трибунала во Всеобщей декларации прав человека, стали находить свое воплощение постепенно от страны к стране в реальной политике. Значительным этапом на этом пути стала студенческая «революция» 1968 г., прокатившаяся по странам Европы [19]. Протест против прежних, не искорененных до конца методов слежки за населением, в какой-то степени был символической революцией, как о ней писал П. Бурдые [20]. Но она имела и практические последствия. На европейском уровне принимаются документы по защите персональных данных¹, о доступе к правительственной информации².

Дальше теоретическая мысль возвращается к тому, что рассматривалось в Нюрнберге. К лицам, находящимся на государственной службе, предъявляются совершенно иные требования, чем к обычным гражданам. Эти лица рассматриваются как фактически пораженные во многих правах: принадлежность к корпусу власти определяет не только права, гарантии и компенсации, но и обязанности, ограничения и запреты. Именно вследствие этого, как представляется, позже в большинстве стран мира начинает развиваться национальное законодательство о противодействии коррупции, значительный импульс этому процессу придала Конвенция ООН против коррупции³.

В Конвенции ООН против коррупции был поставлен и еще один вопрос относительно государства, который немногим ранее был определен в европейской Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию ETS № 174 от 4 ноября 1999 г. (Россия к ней не присоединилась). Появляются положения об ответственности за понесенный гражданами ущерб от коррупции государства, именно государства, а не самих коррупционеров (что очевидно и регулируется многими международными актами и национальными системами права). Государство начинает рассматриваться как юридическое лицо с обязательствами по отношению к гражданину: ст. 26 Конвенции устанавливает ответственность юридических лиц — уголовную, гражданско-правовую и административную, т. е. может выявляться

¹ См.: Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных : заключена в г. Страсбурге 28 янв. 1981 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121499/cde09a2cd0c411568920b76ce394a82dfaae5045/?ysclid=mo0zu2tbed500411197 (дата обращения: 16.04.2026).

² См.: Сводные версии Договора о Европейском союзе и Договора о функционировании Европейского союза // European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12012M%2FTXT> (дата обращения: 16.04.2026).

³ См.: Конвенция ООН против коррупции : принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 окт. 2003 г. // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 16.04.2026).

коллективная, корпоративная вина, за которую назначается соответствующая кара. Под такую ответственность легко подводятся органы государственной власти, допустившие коррупцию.

Заключение

Нюрнберг не остался одиночным событием в истории XX в. За ним последовали многочисленные локальные «нюрнберги». Самым громким и значимым стал процесс над одним из главных организаторов холокоста А. Эйхманом в Иерусалиме, о чем подробно написала Ханна Арендт. Суд над пойманным в Аргентине и вывезенным в Израиль преступником в 1961 г. потряс мировую общественность, что, к сожалению, не может быть признано полным восстановлением справедливости и воздаянием за злодеяния. Как отмечали исследователи, многие из тех, кто «трудился» в администрациях концлагерей, кто входил в осужденную трибуналом организацию СС, не понесли заслуженного наказания. По данным британского исследователя Л. Риса, 85 % эсэсовцев, служивших в Освенциме и переживших войну, избежали наказания [21, с. 401].

Немецкие историки отмечали, что «засилье представителей старой национал-социалистической элиты в различных ведомствах новой республики не могло не вызвать возмущения, как и легкость, с которой нацистские преступники получили амнистию» [16, с. 14—15].

Эти факты говорят о том, что преодоление последствий Второй мировой войны не было легким. Более того, с полным основанием можно утверждать, что по сей день человечество не избавилось полностью от бациллы фашизма, который, меняя обличье, остается частью нашей современности. Но символично, что положения Всеобщей декларации прав человека мы находим в конституционных актах по всему миру. Они были также восприняты и российским Основным законом, принятым всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. А новой теорией, все больше получающей распространение, становится теория «хорошего управления» (Good Governance) [22], в которой центральное место занимает идея открытости государства обществу и гражданам и его ответственности за принимаемые решения.

Список источников

1. Звягинцев А. Г. Нюрнберг. Высший суд. М. : Эксмо, 2023. 928 с.
2. Осин Р. С. И. В. Сталин и критика фашизма: теория, история, современность // Власть. 2023. Т. 31, № 2. С. 214—219.
3. Молодяков В. Риббентроп. Упрямый советник фюрера. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, [2008]. 496 с.
4. Гейден К. Путь НСДАП: история германского фашизма. М. : Родина, 2025. 652 с.
5. Кершоу Я. Гитлер. Ростов-н/Д : Феникс, 1997. 320 с.
6. Kershaw I. To Hell and Back. Europe, 1914—1949. London : Penguin Books, 2016. 593 s.
7. Kershaw I. Der Hitler Mythos. Führerkult und Volksmeinung. 3 Auflage. München : Pantheon, 2018. 431 s.
8. Zelnhelfer S. Die Reichsparteitage der NSDAP in Nürnberg. Nürnberg : Nürnberger Presse, 2002. 330 s.
9. Эванс Р. Третий рейх. Дни триумфа: 1933—1939. Екатеринбург : У-Фактория ; М. : Астрель, 2011. 958 с.

10. Эванс Р. Третий рейх. Дни войны: 1939—1945. Екатеринбург : У-Фактория ; М. : Астрель, 2011. 942 с.
11. Сорокин П. А. Человек и общество в условиях бедствий. Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. М. : Академический проект, 2022. 399 с.
12. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М. : Скрипториум, 2020. 672 с.
13. Арндт Х. Эйхман в Иерусалиме. Банальность зла. М. : Скрипториум, 2023. 248 с.
14. Пленков О. Ю. Катастрофа 1933 года: немецкая история и приход нацистов к власти. М. : Вече, 2021. 472 с.
15. Хейстингс М. Вторая мировая война: ад на земле. М. : Альпина нон-фикшн, 2020. 794 с.
16. Йенер Х. Волчье время. Германия и немцы: 1945—1955. М. : Individuum, 2024. 480 с.
17. Lindemann P. Schlanker Staat und Justiz // Zeitschrift fuer Rechtspolitik. 1995. No. 5. S. 200—205.
18. Schlanker Staat: Wege in die zukunftsorientierte Verwaltung // Kongreßdokumentation / Kongreß des Sachverständigenrats «Schlanker Staat» (19—20 Februar 1997). Düsseldorf : UN Miller Freeman, 1997. 259 s.
19. Пленков О. Ю. «Революция» 1968-го: эпоха, феномен, наследие. СПб. : Владимир Даль, 2023. 544 с.
20. Бурдые П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989—1992). М. : Дело, 2017. 720 с.
21. Рис Л. Освенцим: нацисты и «окончательное решение еврейского вопроса». М. : Ко-Либри, Азбука-Аттикус, 2019. 448 с.
22. Human rights and good governance: Building bridges / ed. by Hans-Otto Sano a. Gudmundur Alfredsson. The Hague, Nijhoff, Cop, 2002, 261 p.

References

1. Zvyagintsev A.G. Nuremberg. Supreme Court. Moscow, Eksmo, 2023, 928 p.
2. Osin R.S. I.V. Stalin and the Critique of Fascism: Theory, History, and Modernity, Vlast, 2023, vol. 31, no. 2, pp. 214-219.
3. Molodyakov V. Ribbentrop: The Fuhrer's Stubborn Advisor. Moscow, AST-PRESS KNIGA, [2008], 496 p.
4. Geiden K. The Path of the NSDAP: The History of German Fascism. Moscow, Rodina, 2025, 652 p.
5. Kershov Ya. Hitler. Rostov-na-Donu, Feniks, 1997, 320 p.
6. Kershaw I. To Hell and Back. Europe, 1914-1949. London, Penguin Books, 2016, 593 p.
7. Kershaw I. The Hitler myth. Cult of leadership and popular opinion. 3 Auflage. München, Pantheon, 2018, 431 p.
8. Zelnhefer S. The Nazi Party Party Days in Nuremberg. Nürnberg, Nürnberger Presse, 2002, 330 p.
9. Evans R. The Third Reich. Days of Triumph: 1933—1939. Yekaterinburg, U-Faktoriya, Moscow, Astrel, 2011, 958 p.
10. Evans R. The Third Reich. Days of War: 1939—1945. Yekaterinburg, U-Faktoriya, Moscow, Astrel, 2011, 942 p.
11. Sorokin P.A. Man and Society in Times of Disaster. Impact of War, Revolution, Famine, and Epidemics on Human Intelligence and Behavior, Social Relations, and Cultural Life. Moscow, Akademicheskii proekt, 2022, 399 p.
12. Arendt Kh. The Origins of Totalitarianism. Moscow, Skriptorium, 2020, 672 p.
13. Arendt Kh. Eichmann in Jerusalem: The Banality of Evil. Moscow, Skripto-rium, 2023, 248 p.
14. Plenkov O.Yu. The 1933 Catastrophe: German History and the Nazi Rise to Power. Moscow, Veche, 2021, 472 p.
15. Kheistings M. World War II: Hell on Earth. Moscow, Alpina non-fikshn, 2020, 794 p.
16. Yener Kh. Wolf Time. Germany and the Germans: 1945—1955. Moscow, Individuum, 2024, 480 p.

17. Lindemann P. Leaner State and Justice, *Journal of Legal Policy*, 1995, no. 5, pp. 200-205.
18. Lean state: Paths to future-oriented administration, detailed documentation, Congress of the Expert Council "Lean State" (19-20 Februar 1997). Düsseldorf, UN Miller Freeman, 1997, 259 p.
19. Plenkov O.Yu. "Revolutsiya" 1968-go: epokha, fenomen, nasledie. Saint Petersburg, Vladimir Dal, 2023, 544 p.
20. Burde P. On the State: Lecture Course at the Collège de France (1989-1992). Moscow, Delo, 2017, 720 p.
21. Ris L. Auschwitz: The Nazis and the "Final Solution to the Jewish Question". Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus, 2019, 448 p.
22. Sano H-O., Alfredsson G. (eds.) Human rights and good governance: Building bridges. The Hague, Nijhoff, Cop, 2002, 261 p.

Информация об авторе

Иларионова Татьяна Семеновна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: ilarionovat@mail.ru

Information about the author

Tatiana S. Ilarionova — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Professor of the Department of State and Municipal Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. E-mail: ilarionovat@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.04.2026; одобрена после рецензирования 10.04.2026; принята к публикации 27.02.2026.

The article was submitted 13.04.2026; approved after reviewing 10.04.2026; accepted for publication 27.04.2026.

Советский патриотизм в повседневности сотрудников центрального аппарата Советской военной администрации в Германии

Алексей Владимирович Власов

Институт истории и международных отношений, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Российская Федерация, aleksvlasov3007@gmail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2453-0255>

Аннотация. Статья посвящена исследованию концепции советского патриотизма в повседневной жизни и дискурсивном пространстве сотрудников центрального аппарата Советской военной администрации в Германии (СВАГ). На основе архивных материалов, источников личного происхождения и публикаций газеты «Советское слово» анализируется актуальность чувства связи с СССР для советских граждан, находившихся в капиталистическом окружении. В работе рассматривается идеологическая эволюция советского патриотизма в послевоенный период, его этатистский характер и конструирование через противопоставление буржуазному миру. Особое внимание уделено деятельности газеты «Советское слово» как ключевому инструменту пропаганды советского образа жизни и связи с Родиной, а также кризисным явлениям в этой пропаганде, проявившимся в ходе кампании по борьбе с космополитизмом. Отдельно изучен опыт взаимодействия сотрудников СВАГ с русскими эмигрантами, который обнажил разрыв идентичностей и стал проверкой на прочность официальной советской идеологии. Автор приходит к выводу, что культивирование образа Родины являлось насущной необходимостью для поддержания дисциплины сотрудников и советской идентичности за границей.

Ключевые слова: Советская военная администрация в Германии, советский патриотизм, образ Родины, газета «Советское слово», повседневность

Для цитирования: Власов А. В. Советский патриотизм в повседневности сотрудников центрального аппарата Советской военной администрации в Германии // Сибирь гуманитарная. 2026. № 2. С. 28—42. EDN VHYZG.

Soviet Patriotism in Everyday Life of Employees of the Central Office of the Soviet Military Administration in Germany

Alexey V. Vlasov

Institute of History and International Relations, Chernyshevsky Saratov State University, Saratov, Russian Federation, aleksvlasov3007@gmail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2453-0255>

Abstract. This article explores the concept of Soviet patriotism in the everyday lives and discursive spaces of employees of the central apparatus of the Soviet Military Administration in Germany (SMAG). Using archival materials, personal sources, and publications from the newspaper *Sovetskoe Slovo*, the article analyzes the relevance of a sense of connection to the USSR for Soviet citizens living in a capitalist environment. The paper examines the ideological evolution of Soviet patriotism in the postwar period, its statist nature, and its construction through opposition to the bourgeois world. Particular attention is paid to the activities of *Sovetskoe Slovo* as a key instrument for promoting the Soviet way of life and connection to the Motherland, as well as the crisis phenomena in this propaganda that emerged during the campaign to combat cosmopolitanism. A separate study examines the interactions of SMAG employees with Russian émigrés, which revealed a rift in identities and became a test of the strength of official Soviet ideology. The author concludes that cultivating the image of the Motherland was essential for maintaining employee discipline and Soviet identity abroad.

Keywords: Soviet Military Administration in Germany, Soviet patriotism, image of the Motherland, *Sovetskoye Slovo*, everyday life

For citation: Vlasov A.V. Soviet Patriotism in Everyday Life of Employees of the Central Office of the Soviet Military Administration in Germany. *Siberia Humanitarian*. 2026;(2):28—42. (In Russ.). <https://elibrary.ru/vhyxzg>.

История повседневной жизни сотрудников Советской военной администрации в Германии (СВАГ) оказалась в поле зрения исследователей лишь недавно. «Архивная революция» 1990—2000-х гг. сделала доступными многие темы, связанные с историей Советской военной администрации в Германии и советским присутствием в этой стране [1]. Новый эмпирический материал в первую очередь коснулся отраслевых и институциональных объектов исследования [2—4]. Так, в период «больших проектов» было опубликовано свыше 10 документальных сборников [5] и значительное количество монографий и статей на русском, английском [6] и немецком языках [7]. Только в 2010-е гг. акцент в изучении этой проблемы сместился к микроисторическим и антропологическим вопросам. В публикациях Н. П. Тимофеевой впервые нашли отражение проблемы восприятия немецкого населения и индивидуального самоопределения сотрудников [8], а в трудах Р. Ю. Болдырева, В. А. Козлова и М. Е. Козловой важное место отводилось различным вопросам проживания сотрудников в Восточной Германии [9 ; 10].

Пребывание в капиталистическом окружении, чужеродном для сотрудников Советской военной администрации в Германии, актуализировало образ Родины не только как чего-то близкого, успокаивающего и воодушевляющего, но и как символа окончания войны и возвращения к мирной нормальности (или создания новой). Для советского руководства образ Родины являлся одним из центральных элементов формируемого для сотрудников дискурсивного пространства.

Если встреча с репатриантами, остарбайтерами и военнопленными представляла собой один опыт (они все были непосредственно знакомы с советской действительностью), то знакомство с российскими эмигрантами было другой практикой, вызывало иные эмоции, представляя собой столкновение с «прошлой Россией». Все это являлось элементом повседневной жизни советских граждан в послевоенной Германии.

Образ Родины являлся важным концептом в составе советского патриотизма. В 1930-е гг. в дискурсивном пространстве СССР произошел значительный сдвиг от пролетарского интернационализма к советскому патриотизму. Трансформация дискурсивного пространства и институциональные изменения 1930-х гг.¹ создали основу для формирования гражданского патриотизма, ставшего одним из мощнейших проявлений национального самосознания советского народа, что ярко было продемонстрировано в годы Великой Отечественной войны [11—15]. Если до 1941 г. в СССР доминировал лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», который в годы Великой Отечественной войны был заменен на «Смерть немецким оккупантам!», то после 1945 г. стал печататься лозунг «За нашу Советскую Родину!» [16].

Если патриотизм является результатом примордиальных ощущений, связанных с местом рождения и ранней социализацией личности (малая Родина), а также с целевой индоктринацией через воспитательный процесс, пропаганду и социально-политическое воздействие, включая воздействие на взрослое население, то чувство сопричастности и принадлежности к советской Родине являлось результатом усвоения представлений об этике коллективизма и дружбе советских народов, о неизбежной победе социализма во всем мире, о создании первого социалистического государства (СССР), которое проложило путь для всех стран, став оплотом борьбы трудящихся против эксплуататоров, о превосходстве марксистско-ленинской идеологии над империалистической и капиталистической идеологией, о миссии СССР защищать угнетенные народы и нести в мир идею равенства и братства людей труда через систему образования, общественных организаций, СМИ (печать и радио), идеологические и политические

¹ Так, введение единой паспортной системы в 1932 г. закрепляло правовой статус гражданина СССР, воспитанный еще в 1929 г. В. В. Маяковским. В 1933 г. прозвучала первая сталинская здравица: «За великий русский народ!». В 1934 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», что привело к введению курса гражданской истории и восстановлению исторических факультетов в вузах. В том же году в правительственной телеграмме в честь летчиков, спасших челюскинцев, была упомянута «наша великая Родина». Прославление образов защитников и собирателей родной земли (Александр Невский, Дмитрий Донской, Иван Грозный, Петр Первый и т. д.) нашло отражение в появившихся романах, фильмах, пьесах и т. д. Объектами коммеморации стали памятные даты, связанные с юбилеями деятелей культуры, дни воинской славы и т. д.

кампании, общественные и культурные ритуалы, художественную литературу и изобразительное искусство [15, с. 7—11 ; 17—20].

Патриотическая мобилизация 1930-х гг. и военных лет не могла не получить своего дальнейшего развития в послевоенное время. Прежде всего стал усиливаться этатистский и государственно-патерналистский характер советского патриотизма¹. Острие этой внеклассовой и внеэтнической мобилизации было направлено на борьбу с «буржуазным национализмом», «пресмыкательством перед заграницей», «проявлениями низкопоклонства перед буржуазной культурой», «раболопием перед иностранщиной», «безродным космополитизмом», «местными националистами» и т. д., на противодействие западному влиянию на советских граждан, определение сущности советского патриотизма, в том числе через его противопоставление западным капиталистическим ценностям и определение его через «Другого», которым выступал буржуазный и капиталистический мир.

Убедительным примером всех этих идей является формулировка из установочной статьи 1950 г.: «Источник советской национальной гордости — в глубоком понимании советскими людьми превосходства социалистического общественного строя над буржуазным строем, нашей плановой экономики — над капиталистической экономикой, советской культуры — над буржуазной культурой, морали социалистического общества — над звериной моралью капитализма, превосходства советского человека над любым, даже самым высокопоставленным чинушей в капиталистических странах. Это не обычная национальная гордость, которая свойственна всем народам и которая была присуща и нашему народу до Октябрьской социалистической революции. Советская национальная гордость — это гордость высшего порядка» [22, с. 416—417].

Эльке Шерстяной, изучая письма советских солдат весны 1945 г., пришла к выводу о том, что в них «не содержится даже намек на то, что их авторам было присуще политическое миссионерское сознание» социалиста, что нет никаких сведений о действиях, которые «как-то были ориентированы на строительство там социализма». По ее мнению, «у всех была единственная цель — уничтожить фашизм, победить в войне. Лозунг „На Берлин!“ для каждого советского солдата внутренне дополнялся словами „и потом домой“» [23, с. 151 ; 24].

Концепция советского патриотизма с ее центральным элементом в виде образа Родины стала особенно востребованной для формирования дискурсивного пространства сотрудников СВАГ, поддержания советской идентичности во время службы за границей и защиты советских граждан от «тлетворного влияния буржуазной культуры». Эту идейно-воспитательную индоктринацию, наряду с другими институтами, с мая 1947 г. проводила газета «Советское слово». На примере публикации газеты можно проследить культивирование образа Родины и советского патриотизма среди сотрудников СВАГ. Решение о создании этой ежедневной русскоязычной газеты для сотрудни-

¹ «Советский патриотизм, т. е. беспредельная любовь к социалистическому отечеству и неукротимая ненависть к его врагам, безграничная преданность великому делу партии Ленина — Сталина, активное участие в строительстве коммунизма, неустанная забота о процветании Родины, об укреплении ее военного и экономического могущества, большевистская бдительность есть неотъемлемая черта морального облика советских людей» [21, с. 63].

ков СВАГ и членов их семей было принято в январе 1947 г.¹ Тираж был установлен в 30 тыс. экземпляров, а цена месячной подписки — в 8 марок. Газета должна была не только осуществлять идейно-воспитательную работу, но и информировать советских граждан о событиях, происходящих в СССР, советской оккупационной зоне (СОЗ), других оккупационных зонах и противостоянии прогрессивных (социалистических) и реакционных (буржуазных) начал в международных отношениях. «Обширное представление успехов социалистического строительства в СССР благодаря редакции „Советского слова“ было направлено на развитие советского патриотизма среди служащих и сотрудников СВАГ, на воспитание гордости за достижения советского рабочего класса и советского народа» [25, с. 187—197]. Газета подчинялась политуправлению СВАГ. С мая 1947 по ноябрь 1949 г. было издано 780 номеров, в дальнейшем она издавалась уже в рамках Советской контрольной комиссии в Германии (образована в 1949 г. вместо СВАГ) до июня 1953 г. [26, с. 65—71]

В редакции газеты «Советское слово» существовал отдел пропаганды жизни Советского Союза / советской жизни. Из-за войны и послевоенной службы многие сотрудники СВАГ не видели свой дом и свои родные места по шесть-семь лет, что и обусловило объем материалов о жизни в СССР и достижениях социалистического строя в газете — около трети всей газетной площади (1,5—2 страницы из 4)². В ходе личных бесед с вновь прибывшими офицерами сотрудники политотделов должны были им сообщить о том, что их обязанностью является «чувствовать неразрывную связь с Родиной»³. Многочисленные разговоры о невероятно длительной службе и желании съездить домой фиксировались политуправлением СВАГ. Так, в одном из донесений приводилось заявление солдата Б. из военной комендатуры Потсдама: «Нас в Германии держат чуть ли не как заключенных, нельзя никуда выйти, всегда скованы надзором. Будет ли нам замена? Когда нас отправят в Советский Союз? Познакомиться и погулять не с кем. Кругом одни немцы»⁴. По меткому замечанию одного из сотрудников газеты на партсобрании накануне первого выпуска, задачами издания были: «...оградить их [советских людей] от тлетворного буржуазного влияния» и «протянуть духовные нити между Родиной и советской колонией в Германии»⁵. Необходимость «выраженной антибуржуазной линии» газеты была обусловлена и тем фактом, что, в отличие от аудитории газеты «Советская армия», предназначенной для Группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ), ее читатель находился в буржуазной среде, а не за «стенами казармы»⁶.

Необходимость постоянно напоминать о Родине отразилась появлением рубрики «Вести с Родины», которая присутствовала как мини

¹ До 28 апреля 1947 г. имела название «Новости дня». См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 43. Л. 159—163; ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 45. Л. 306—312.

² См. об этом: Бубнов Н. А. Три года в Карлсхорсте : воспоминания // ГАРФ. Ф. Р-8127. Оп. 1. Д. 33. Л. 234—236.

³ ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 1. Л. 13—15.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 5. Л. 125.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 91. Л. 8.

⁶ См.: ГАРФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Л. 9—10, 12.

мум в половине выпусков газеты. Красноречивым был и один из заголовков первого выпуска: «На просторах Родины чудесной» (Кремлевские звезды, на Урале, на берегах Днепра, в Белоруссии, у подножья Арарата, в песках Кара-Кума)¹. В газете публиковались статьи о ходе четвертой пятилетки и восстановлении страны. В 1947 г. был сделан также упор на 800-летний юбилей столицы СССР — Москвы, которая использовалась как символ («сердце») Родины².

В июле 1947 г. к обязанностям главного редактора газеты приступил Н. А. Бубнов, который сразу отметил неготовность значительной части сотрудников редакции к воспитанию советского патриотизма вдали от Родины, в Германии («впечатление тяжелое, налицо разброд и шатания»). В августе 1947 г. состоялось партсоборание. О содержании состоявшейся на нем дискуссии известно главным образом из дневников Н. А. Бубнова. Высказывались мнения о нежелании работать в Германии: «Советский человек проклинает Германию за то, что ему приходится быть здесь, а не на Родине», «...зачем и ради чего нам гореть на работе?», «...у жен имеются настроения: хватит, за войну поработались...». Были сделаны выводы, что «такие настроения порождают праздность, барство и стяжательство», «отрыв от Родины ведет некоторых наших людей к барству, а это в свою очередь, к преклонению перед буржуазной культурой»^{3,4}.

В обсуждении воспитания советского патриотизма присутствовало и определение его через «Другого» — капиталистический буржуазный мир. Показывать и пропагандировать превосходство социализма над капитализмом было необходимым для выработки иммунитета против влияния буржуазной культуры запада: «Показывая прогресс нашей страны, надо показывать регресс буржуазных стран»⁵. Ведущую роль на страницах газеты с августа стала играть рубрика «Глазами советского человека», введенная Н. А. Бубновым⁶. В статьях этой рубрики проводился глубокий водораздел между социалистической и буржуазной моралью, обществом гуманизма и обществом наживы, равенством и эксплуатацией и т. д. Так, в первой статье из этой рубрики «Блэк энд уайт» говорилось о существовании расовой дискриминации в США и ее распространении вслед за американскими войсками в Европе, а также о том, как афроамериканец Джим Паттерсон обрел в СССР настоящую Родину⁶. «Под этой рубрикой публиковались статьи, выражающие взгляды советских людей на нравы буржуазного общества. И хотя в советской зоне происходили изменения в сознании людей, моральные принципы, традиции, привычки и обычаи держались довольно крепко. Тем более что совсем рядом с советской зоной капитализм сохранялся в нетронutom виде»⁷. В некоторых случаях рубрика вызывала и критику, так как описание несовершенств буржуазного общества выглядело как их пропаганда.

¹ См.: Советское слово. 1947. 1 мая.

² См.: Советское слово. 1947. 5 авг.; Советское слово. 1947. 13 авг.

³ ГАРФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 91. Л. 37—40.

⁴ Бубнов Н. А. Дневник военного редактора: воспоминания, копии дневниковых записей // ГАРФ. Ф. Р-8127. Оп. 1. Д. 33. Л. 349—350; Бубнов Н. А. Три года в Карлсхорсте... Л. 16—18.

⁵ См.: Бубнов Н. А. Дневник военного редактора... Л. 347, 361; ГАРФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 93. Л. 23.

⁶ Советское слово. 1947. 9 авг.

⁷ Бубнов Н. А. Три года в Карлсхорсте... Л. 221—223.

Ежедневные сведения об СССР на полях газеты «Советское слово» не только подпитывали связь советской колонии в Германии с Родиной. По мысли руководства СВАГ и партийных органов, они также должны были дисциплинировать сотрудников СВАГ в их служебной, общественной и личной жизни, мотивировать их к дальнейшей работе. Укрепить этот эффект были призваны также лекции о советском патриотизме, преимуществах социалистического строя, реакционной сущности буржуазной культуры и т. д. На партсобрании в июле 1948 г. один из офицеров высказал мнение, что отправление на Родину разложившихся под буржуазным воздействием сотрудников не наказание, а забота об их духовном здоровье и коллективе. В пересказе главного редактора эта реплика сводилась к следующему: «За границей нельзя нянчиться с морально разложившимися и политически неустойчивыми людьми, пусть они едут *лечиться от пороков в свои родные места* (курсив мой. — А. В.)»¹.

Важным инструментом поддержания связи с Родиной и советского патриотизма была публикация на страницах газеты «Советское слово» творчества сотрудников СВАГ, воспевающих в поэзии и прозе свою советскую Родину и родные места², а также писем из СССР, которые получала редакция газеты и сотрудники СВАГ. Публиковались лишь письма, преисполненные позитивом и описывающие успехи советского народа, так как проходили цензурирование редакцией. Если же обратиться к документам политуправления СВАГ, то письма от близких и друзей из СССР к сотрудникам содержали описание множества послевоенных проблем, что только обостряло желание сотрудников СВАГ вернуться на Родину и часто склоняло их к девиантному поведению³.

Спустя годы в своих воспоминаниях Н. А. Бубнов будет критично осмыслять свое участие в пропаганде советского патриотизма и объяснять свои действия ярким служением культу личности И. В. Сталина: «В 1947 году Советский Союз переживал огромные трудности, а мы писали об успехах советского народа только в превосходной степени: „величайший“, „богатырский“, „блистательный“, „совершеннейший“, „первоклассный“, „небывалый“, „гигантский“ и т. п. Убедительность высокопарных фраз не могла быть высокой. Если же мы писали о капитализме, то не придерживались доказательного тона. Считалось патриотичным, если стоящий на посту солдат комендатуры только и думал о родном Ленинграде, а не о выполнении своей боевой задачи»⁴.

На воспитание советского патриотизма и советской национальной гордости были нацелены рубрики «Радостные вести» и «В моем родном краю», которые содержали не только письма, но и рассказы отпускников, которые посещали свою родину⁵. Так, в одной из публикаций сообщалось: «О своей горячей любви к Родине говорит

¹ Бубнов Н. А. Дневник военного редактора... Л. 365.

² См., например: Советское слово. 1947. 13 июля.

³ См., например: ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 5. Л. 215—217, 222—236; ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 19. Л. 134—151; ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 20. Л. 42—62.

⁴ Бубнов Н. А. Три года в Карлсхорсте... Л. 241а—242.

⁵ См.: Бубнов Н. А. Дневник военного редактора... Л. 370.

в письме боец Сидоренко. Он пишет: „Увидев и узнав ближе капиталистическое общество, в котором человек человеку волк, я с особенной теплотой думаю о своей Родине, где меня всегда ждет желанный труд на общее дело построения коммунизма!”¹. Тон публикаций в этой рубрике был подчеркнут восторженный и воодушевляющий. «Радостные вести» должны были переломить негативную информацию, часто поступающую в письмах из СССР, несмотря на военную цензуру. Образ Родины транслировался с упором на описание «родных березок» и полей, символических мест городов, послевоенного подъема хозяйства («Жить стало лучше, жить стало веселее!») и т. д.

Не всегда впечатления от поездки в отпуск сотрудников, в том числе сотрудников газеты «Советское слово», совпадали с описанием в газете. Так, сотрудник редакции газеты К., вернувшийся из СССР после отпуска и поделившийся впечатлениями о поездке с главным редактором Н. А. Бубновым, вынужден был выступить на партсобрании: «Слова докладчика в мой адрес явились для меня как снег на голову. Везде и всюду я считаю себя советским человеком. Судя по выступлению т. Бубнова, что, побывав в отпуске, я морально не зарядился. Я безгранично радовался Родине. Был на площади Маяковского. Я бы рассказал о многом т. Бубнову, но, к сожалению, не было времени. Я сказал, что в Таганроге перебои с хлебом. Но в чем причина, я не успел ему рассказать. Я уверен, что, побывав на Родине, зарядился и прошу партсобрание поверить мне»². Еще 30 мая 1946 г. начальник политотдела штаба СВАГ генерал-майор Андреев разослал указание начальникам управлений и отделов, парторгам, заместителям по политчасти о необходимости проводить беседы с сотрудниками, вернувшимися из отпуска: «Политотделу стало известно, что возвращавшиеся из отпусков некоторые военнослужащие и вольнонаемные сотрудники в своих разговорах и беседах об условиях жизни в Советском Союзе положение дел рисуют в сгущенных и пессимистических тонах. Предлагаю: в каждом отдельном случае Вам лично беседовать с сотрудником, возвратившимся из отпуска, внимательно его выслушать и помочь правильно разобраться и сориентироваться в обстановке. Когда будет вызываться необходимостью, за помощью обращаться в местные советские и партийные органы, чтобы устранить тот или иной недостаток, касающийся семьи военнослужащего или вольнонаемного, занятого работой в СВАГ»³.

Культмассовые поездки советских делегаций в Германию для сотрудников СВАГ также формировали чувство сопричастности Родине. Подобные поездки и празднества, устраиваемые и союзниками СССР, оставляли глубокий след в душе сотрудников, которые постигали новый для себя мир и узнавали традиции других стран. Свои впечатления передает нам В. В. Чубинский: «Мы восторгали, в буквальном смысле слова восторгали берлинцев своими многочисленными танцевальными ансамблями и хорами. Наиболее шумный успех сопровождал выступления ансамбля Александрова и хора Свешникова. Англичане учинили же летом 1947 года нечто совершенно необыч

¹ Советское слово. 1948. 23 нояб.

² ГАРФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 95. Л. 42-44.

³ ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 14. Д. 6. Л. 74.

ное. Это „нечто” называлось „Tattoo” (что означает сигнал вечерней зари), а на деле было ежегодным празднеством, традиционно проводимым в английской армии и длящимся целую неделю»¹. В 1948 г. руководство СВАГ выразило благодарность Краснознаменному ансамблю песни и пляски Советской армии им. А. В. Александрова за большое количество концертов для личного состава СВАГ и ГСОВГ и 21 концерт для немецкого населения во время своей гастрольной поездки².

Тон редакционных обсуждений воспитания советского патриотизма на рубеже 1948—1949 гг. начал меняться. Атмосфера подозрительности, повышенной бдительности, влияние идеологических кампаний обостряло отношения между людьми как в служебной, так и во внеслужебной жизни. На партсобрании января 1949 г., темой которого была пропаганда успехов СССР, ярко проявились редакционные разногласия (работа с авторами из СССР, общая характеристика и т. д.), соперничество отделов и личностное неприятие³.

Серьезным ударом по сплоченности коллектива редакции газеты «Советское слово» стала кампания по борьбе с «безродными космополитами», которая к тому же укладывалась в русло воспитания советского патриотизма и советской национальной гордости. Борьба с космополитизмом в областях литературы, театрального искусства, кино, различных отраслей науки должна была преодолеть «реакционно-нигилистическое отношение к советской Родине» [21, с. 60—61]. Критике стали подвергаться результаты творческой деятельности советских граждан еврейской национальности, которые недавно превозносились как достижение советского народа и за которые были вручены государственные награды. Эта кампания обнажила пределы воспитания самого советского патриотизма императивными методами советского руководства в стенах самой редакции, что является показательным для всех интеллектуальных подразделений СВАГ.

Публикация истории вопроса о «безродных космополитах» в «Советском слове» в январе 1949 г. привела к появлению стихийной дискуссии, «проходившей даже в автобусах, на которых сотрудники ездили на работу»⁴. В марте 1949 г. на партсобрании после доклада В. Н. Собко «О задачах пропаганды успехов советской культуры на страницах газеты и в коллективе» разгорелась бурная дискуссия о космополитизме и поиске космополитов в самой редакции. В самом же докладе В. Н. Собко говорил, «что он беседовал с шестью коммунистами и только один из них мог объяснить, что такое космополитизм»⁵. Непонимание сущности космополитизма, а точнее границ его распространения, компенсировалось у сотрудников своими представлениями. «Мне наплевать на то, что о книгах думают другие, у меня свое мнение. Пусть они даже удостоены Сталинской премии, я считаю их плохими произведениями и мне никто не запретит давать

¹ Чубинский В. В. Моя «оккупация Германии». Русский офицер в Берлине и окрест. 1946—1950. СПб. : Образование — Культура, 2005. С. 191.

² ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 8. Д. 16. Л. 291—292.

³ См.: ГАРФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 95. Л. 1—4 ; Бубнов Н. А. Дневник военного редактора... Л. 371.

⁴ Бубнов Н. А. Три года в Карлсхорсте... Л. 242—244.

⁵ Бубнов Н. А. Дневник военного редактора... Л. 372—373.

им такую оценку»; «Мне, если нравится, то пусть хоть кто ее критикует, а я держусь своего мнения»; «ТАСС — самое захудалое агентство в мире» и т. д. Борьба с космополитами, по сути, открывала охоту на ведьм в самой редакции: стали искать того, кто пишет в статьях одно, а думает иначе: «А. К. говорит, что в моей наружности есть что-то от космополита, а затем из фамилии Коссаковский сделала Космополитский» и т. д.¹

Итог партсобраний в марте 1949 г. обстоятельно отражен в воспоминаниях главного редактора Н. А. Бубнова: «Плачевные результаты обсуждения вопроса выяснились при голосовании резолюции, в которой назывались фамилии двух сотрудников „не сразу, понявших значение борьбы с космополитизмом“. Не буду описывать картину горячих и нервных споров по резолюции. За ее принятие голосовало 13 коммунистов, против — 12. Партийный коллектив раскололся пополам, раскололся политически и, что еще хуже, по национальному признаку. Обсуждение итогов собрания на партийном бюро не привело к единству взглядов, хотя один из „космополитов“, он же член партбюро, признавался в односторонности своих отзывов о произведениях литературы. Не было оснований обвинять его в антипатриотизме, а предложение о выводе его из состава бюро коммунисты отвергли. <...> Редакционный кризис, разразившийся в марте 1949 года, мы преодолели удивительно быстро. Правда, произошли некоторые изменения в коллективе, но это делали за нас другие инстанции»². В рабочем же дневнике Н. А. Бубнов о заседании партбюро оставил знаковую фразу: «Кампания против космополитов в Москве — одно, а критика в парторганизации — другое»³.

Годы, проведенные в послевоенной Германии, наполнялись содержанием встреч не только с немцами, но и с союзниками по антигитлеровской коалиции и с бывшими соотечественниками, эмигрировавшими из Российской империи и СССР. В. А. Ермолаев вспоминал: «Отношения с союзниками оказались очень милыми. Как-то Картерон устроил у себя *soirée* с легким вином и танцами. Здесь я познакомился с Николаем Николаевичем Юматовым — эмигрантом и теперь переводчиком у французов, человеком с интересной биографией, который сразу же понравился мне своей воспитанностью и интеллигентностью»⁴. Военный прокурор СВАГ Николай Михайлович Котляр в воспоминаниях писал: «За время пребывания в Мюнхене мы заметили, что в различных военных американских учреждениях работает большое количество немцев и русских эмигрантов. Особенно их много на должностях переводчиков, секретарей и машинисток. Некоторые переводчицы и секретари окончили специальные немецкие учебные заведения — институты иностранных языков, и, как рассказывала одна из переводчиц, их готовили для работы в Англии после того, как она будет захвачена немцами. Многие переводчики и секретари до войны жили в Америке или Англии, но были оттуда как не-

¹ ГАРФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 95. Л. 5—13.

² Бубнов Н. А. Три года в Карлсхорсте... Л. 244—248 ; ГАРФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 96. Л. 9—13.

³ Бубнов Н. А. Дневник военного редактора... Л. 375.

⁴ Ермолаев В. А. «Без гнева и пристрастия»: записки историка. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2009. С. 248.

благонадежные высланы на родину в Германию. С приходом американских войск в Мюнхене их охотно взяли на работу, как хорошо знающих английский язык. Переводчики и секретари получали довольно высокие оклады и хорошие продовольственные пайки»¹. Однако общение со своими бывшими соотечественниками не всегда могло быть приятным и желательным. Здесь сказывался и советский курс на дискредитацию эмигрантов, и взаимное отдаление двух социальных групп, которые имели уже свою отличную от другой историю и историческую память. Сами же представители «старой России» становились мифическими образами, сотканными из советской пропаганды: «Никто из нас не видел настоящего живого графа, князя или царского генерала, да и дворян-то мы видели только в кино. Для нас это были тени далекого прошлого»².

Например, различие между группами ярко проявлялись в языке: «Американец говорит по-русски лучше, если можно так выразиться, чем мы сами. Видимо он покинул Россию тридцать лет назад и его речь осталась абсолютно без изменений — такой, как говорили раньше в России в аристократических кругах. Наш же язык изменялся вместе с ломкой жизненного и социального укладов в Советской России, он засорен жаргоном и пересыпан неологизмами. Американец говорит заспиртованным языком мертвой России»³. Бытовые различия, диссонанс в культуре, попытки эмигрантов угодить военным служащим вызывали у них негативное отношение и отторжение. В эти же ситуации вмешивались проявления фронтовых пережитков.

Тоску по Родине и русскому обществу у эмигрантов они воспринимали как их двуличность и фальшь: «Мы, разумеется, усадили за стол и хозяев, которые, как оказалось, совсем не страдали отсутствием аппетита. После второй рюмки водки хозяйка покраснела, потом заплакала — и стала причитать мне на ухо: „Господи, вот это по-нашему, по-русскому. За столько лет хоть душу отвела, поела досыта... У немцев так не покушаешь! Немцы за свой стол не усадят... А пригласят в гости, так за вечер больше одной чашки кофе не предложат”. <...> Поздно, по-моему, она вспомнила о Родине»⁴. Заносчивость и высокомерие эмигрантов при встрече с рабоче-крестьянской Россией только подтверждали сталинскую теорию ужесточения классовой борьбы. Упование на свой патриотизм вместе с ненавистью к советской власти вызывало иронию у военнослужащих: «В один из вечеров во Фридрихсхафене мы были приглашены на ужин к коменданту города, генералу французских оккупационных войск. Он был женат на русской — то ли княгине, то ли графине. Но в ее графском или княжеском происхождении я засомневалась, когда она рассказывала о невоспитанности их недавних гостей — советских офицеров, чавкавших во время обеда. Княжеское ли это дело — замечать такие вещи? Чтобы сгладить неловкость, муж перевел разговор на их сына Игоря, который в Париже каждый раз запивался от радости, когда советские войска отвоевывали наши города, хотя всеми

¹ Котляр Н. М. Именем закона. М. : Воениздат, 1981. С. 202—203.

² Там же. С. 114.

³ Климов Г. Песнь победителя. 3-е изд. Краснодар : Пересвет, 2002. С. 213—214.

⁴ Вайс Г. Л. Утром, после войны... : очерки. М. : Сов. писатель, 1977. С. 114.

фибрами души ненавидел советскую власть. Этот парадокс был мне симпатичнее»¹.

Таким образом, поддержание советского патриотизма и культивирование образа Родины для советского руководства было необходимо с целью мобилизации сотрудников Центрального аппарата СВАГ, которые по долгу службы находились в инокультурном буржуазном окружении, вынуждающем советских граждан трансформировать свои повседневные практики. Запуск кампаний по борьбе с космополитизмом и «преклонением перед иностранщиной» должен был поддерживать советскую идентичность за границей и укреплять ее через противопоставление буржуазной культуре и западному империализму. Одним из главных инструментов проведения этих мероприятий стала газета «Советское слово», на страницах которой постоянно сообщалось о неразрывной связи «советской колонии» с ее метрополией. Серьезным испытанием также стало знакомство сотрудников Центрального аппарата СВАГ с русскими эмигрантами, которые представляли для них пример иной русской идентичности, не затронутой советской индоктринацией.

Список источников

1. Филитов А. М. Германия в советском внешнеполитическом планировании, 1941—1990. М. : Наука, 2009. 331 с.
2. Семиряга М. И. Как мы управляли Германией. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1995. 349 с.
3. Болдырев Р. Ю. Советская оккупационная политика в Восточной Германии (1945—1949 гг.): экономический аспект : дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Архангельск, 2004. 245 с.
4. Ложкин А. Г. Право победителей: правовая деятельность Советской военной администрации в Германии, 1945—1949 гг. М. : АИРО-XXI, 2006. 143 с.
5. Захаров В. В. Серийное издание о деятельности Советской военной администрации в Германии // Отечественные архивы. 2012. № 6. С. 44—51.
6. Naimark N. The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945—1949. Harvard : Belknap Press of Harvard University Press, 1997. 586 p.
7. Foitzik J. Sowjetische Militäradministration in Deutschland (SMAD) 1945—1949: Struktur und Funktion. Berlin : Akademie Verlag, 1999. 544 s.
8. Тимофеева Н. П. Немцы «свои» и «чужие» — в политике СВАГ 1945—1949 гг. // Германия и Россия в судьбе историка : сб. ст., посвященный 90-летию Я. С. Драбкина. М. : Собрание, 2008. С. 344—351.
9. Болдырев Р. Ю. Повседневная жизнь советских военнослужащих по материалам полуправления СВАГ // Люди между народами. Действующие лица российско-германской истории XX в. : материалы конф. рос. и немец. историков (Тутцинг, ФРГ, 25—29 апр. 2009 г.). М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 141—154.
10. Козлов В. А., Козлова М. Е. «Маленький СССР» и его обитатели: очерки социальной истории советского оккупационного сообщества в Германии. 1945—1949. М. : Новое литературное обозрение, 2021. 288 с.
11. Аманжолова Д. А. Патриотический подъем народов в борьбе с фашизмом в 1941—1945 гг.: общее и особенное // Патриотизм — составляющая государственной национальной политики России: теория, практика. М. : Голден Би, 2010. С. 143—190.

¹ Кацева Е. А. Мой личный военный трофей: повесть о жизни. СПб. : Изд-во Сергея Ходова, 2005. С. 39—40.

12. Бугай Н. Ф., Зубкова Е. Ю. Этнополитика в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период (1941—1960-е годы) // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции Российского государства. М. : Новый хронограф, 2012. С. 263—331.
13. Сениявский А. С., Сениявская Е. С. Трансформация советской идеологии в период Великой Отечественной войны и ее влияние на психологию народа // Труды Института российской истории. Вып. 10. М., 2012. С. 155—176.
14. Вдовин А. И. Великая Отечественная война и новая национальная политика СССР // Свободная мысль. 2015. № 6 (1654). С. 93—114.
15. Тишков В. А. Великая Победа и советский народ: антропологический анализ // Вопросы философии. 2020. № 8. С. 5—19.
16. Лукашин А. В ознаменование победы // Историк. 2015. № 6. URL: <https://историк.рф/journal/post/5277> (дата обращения: 25.04.2026).
17. Бранденбергер Д. Л. Кризис сталинского агитпропа. Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927—1941. М. : РОССПЭН, 2017. 365 с.
18. Кларк К. Москва, четвертый Рим: сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931—1941). М. : Новое литературное обозрение, 2018. 520 с.
19. Добренко Е. А. Поздний сталинизм: эстетика политики. Т. 1. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 704 с.
20. Добренко Е. А. Поздний сталинизм: эстетика политики : Т. 2. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 593 с.
21. Соболев А. И. Советский патриотизм — патриотизм высшего типа // О советском патриотизме : сб. ст. / [под ред. Н. П. Васильева и Ф. Д. Хрустова] ; Акад. наук СССР. Ин-т философии. М. : Госполитиздат, 1950. С. 63—117.
22. Ковалёв С. М. Советская национальная гордость и борьба против низкопоклонства перед буржуазной иностранщиной // О советском патриотизме : сб. ст. / [под ред. Н. П. Васильева и Ф. Д. Хрустова] ; Акад. наук СССР. Ин-т философии. М. : Госполитиздат, 1950. С. 416—417.
23. Шерстяной Э. Германия и немцы в письмах красноармейцев весной 1945 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 137—151.
24. Scherstjanoi E. Rotarmisten schreiben aus Deutschland. Briefe von der Front (1945) und historische Analysen. München : De Gruyter Saur, 2004. 449 s.
25. Bednarek H. «Sovjetskoje Slovo», die Tageszeitung der Sowjetischen Militäradministration in Deutschland // Die Entwicklung der freundschaftlichen Beziehungen zwischen der DDR und der UdSSR. Berlin, 1977. S. 187—197.
26. Захаров В. В., Филипповых Д. Н., Хайнеманн М. Материалы по истории советской военной администрации в Германии 1945—1949 гг. : научно-справочное издание. Вып. 1: Политические структуры СВАГ. М. : [б. и.], 1998. 247 с.

References

1. Filitov A.M. Germany in Soviet Foreign Policy Planning, 1941–1990. Moscow, Nauka, 2009, 331 p.
2. Semiryaga M.I. How We Ruled Germany. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 1995, 349 p.
3. Boldirev R.Yu. Soviet Occupation Policy in East Germany (1945–1949): Economic Aspect. Cand. history. sci. diss, 07.00.02. Arkhangelsk, 2004, 245 p.
4. Lozhkin A.G. The Law of the Victors: Legal Activities of the Soviet Military Administration in Germany, 1945–1949. Moscow, AIRO-XXI, 2006, 143 p.
5. Zakharov V.V. Serial Publication on the Activities of the Soviet Military Administration in Germany, Domestic archives, 2012, no. 6, pp. 44–51.
6. Naimark N. The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949. Harvard, Belknap Press of Harvard University Press, 1997, 586 p.
7. Foitzik J. Soviet Military Administration in Germany (SMAD) 1945–1949: Structure and Function. Berlin, Akademie Verlag, 1999, 544 p.

8. Timofeeva N.P. Germans “Ours” and “Strangers” in the Politics of the SVA 1945-1949, Germany and Russia in the Fate of a Historian, sb. st., posvyashchennii 90-letiyu Ya.S. Drabkina. Moscow, Sobranie, 2008, pp. 344-351.
9. Boldirev R.Yu. Everyday Life of Soviet Military Personnel based on Materials from the Political Department of the SMAG, People between Nations. Characters of Russian-German History in the 20th Century, materiali konf. ros. i nemets. istorikov (Tuttsing, FRG, 25-29 April 2009). Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2010, pp. 141-154.
10. Kozlov V.A., Kozlova M.Ye. “Little USSR” and Its Inhabitants: Essays on the Social History of the Soviet Occupation Community in Germany, 1945–1949. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2021, 288 p.
11. Amanzholova D.A. Patriotic Upsurge of Peoples in the Fight against Fascism in 1941-1945: General and Specific, Patriotism is a Component of the State National Policy of Russia: Theory, Practice. Moscow, Golden Bi, 2010, pp. 143-190.
12. Bugai N.F., Zubkova Ye.Yu. Ethnopolitics during the Great Patriotic War and in the Post-war Period (1941-1960s), Ethnic and Religious Factors in the Origin and Evolution of the Russian State. Moscow, Novii khronograf, 2012, pp. 263-331.
13. Senyavskii A.S., Senyavskaya Ye.S. Transformation of Soviet Ideology during the Great Patriotic War and its Influence on the Psychology of the People, Proceedings of the Institute of Russian History, iss. 10. Moscow, 2012, pp. 155-176.
14. Vdovin A.I. The Great Patriotic War and the New National Policy of the USSR, Free Thought, 2015, no. 6 (1654), pp. 93-114.
15. Tishkov V.A. The Great Victory and the Soviet People: An Anthropological Analysis, Issues of Philosophy, 2020, no. 8, pp. 5-19.
16. Lukashin A. In Commemoration of Victory, Historian, 2015, no. 6. Available at: <https://istorik.rf/journal/post/5277> (accessed: 25.04.2026).
17. Brandenberger D.L. The Crisis of Stalin's Agitprop: Propaganda, Political Education, and Terror in the USSR, 1927–1941. Moscow, ROSSPEN, 2017, 365 p.
18. Klark K. Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism, and the Evolution of Soviet Culture (1931–1941). Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2018, 520 p.
19. Dobrenko Ye.A. Late Stalinism: The Aesthetics of Politics, vol. 1. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2020, 704 p.
20. Dobrenko Ye.A. Late Stalinism: The Aesthetics of Politics, vol. 2. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2020, 593 p.
21. Sobolev A.I. Soviet Patriotism is Patriotism of the Highest Type, On Soviet Patriotism, sb. st. Moscow, Gospolitizdat, 1950, pp. 63-117.
22. Kovalyov S.M. Soviet National Pride and the Struggle Against Grovelling Before Bourgeois Foreignism, On Soviet Patriotism, sb. st. Moscow, Gospolitizdat, 1950, pp. 416-417.
23. Sherstyanoi E. Germany and the Germans in Letters of the Red Army Soldiers in Spring of 1945, Modern and Contemporary History, 2002, no. 2, pp. 137-151.
24. Scherstjanoi E. Red Army Soldiers Write from Germany. Letters from the Front (1945) and Historical Analyses. München, De Gruyter Saur, 2004, 449 p.
25. Bednarek H. “Sovyetskoye Slovo”, the daily newspaper of the Soviet Military Administration in Germany, The development of friendly relations between the GDR and the USSR. Berlin, 1977, pp. 187-197.
26. Zakharov V.V., Filippovikh D.N., Khainemann M. Materials on the history of the Soviet military administration in Germany 1945-1949, nauchno-spravochnoe izdanie, iss. 1: Politicheskie strukturi SVAG. Moscow, 1998, 247 p.

Информация об авторе

Власов Алексей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и историографии, Институт истории и международных отношений, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Российская Федерация. E-mail: aleksvlasov3007@gmail.ru

Information about the author

Aleksey V. Vlasov — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian History and Historiography, Institute of History and International Relations, Chernyshevsky Saratov State University, Saratov, Russian Federation. E-mail: aleksvlasov3007@gmail.ru

Статья поступила в редакцию 02.03.2026; одобрена после рецензирования 15.04.2026; принята к публикации 27.04.2026.

The article was submitted 02.03.2026; approved after reviewing 15.04.2026; accepted for publication 27.04.2026.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

Сибирь гуманитарная. 2026. № 2. С. 43—56.
Siberia Humanitarian. 2026;(2):43—56.

Историография и источниковедение

Научная статья
УДК 344.312(430)"1945/46":930.2
EDN LCHAAM

Нюрнбергский процесс: историография, источники и значение для истории

Наталья Михайловна Маркдорф

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация, markdorf-nm@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0442-8453>

Аннотация. Нюрнбергский процесс оказал большое влияние на развитие исторической науки, способствуя становлению критического источниковедения, истории памяти, устной истории. Настоящая статья представляет собой историографический обзор (далеко не полный), включающий анализ изменения подходов к изучению Нюрнбергского процесса и итогового обвинительного заключения, рассмотрение используемых исследователями источников разных стран и новых направлений последних лет. Важное место в статье отведено исследованию значения Нюрнберга для исторической науки. Анализируя научную литературу о Международном военном трибунале в Нюрнберге (1945—1946), автор систематизировал публикации по основным этапам изучения процесса и его документов: 1946—1960-е гг.; 1960—1970-е гг.; 1980—1990-е гг.; 2000—2026 гг. Проанализирована источниковая база, включая архивные фонды, цифровые проекты, стенограммы, периодическую печать. Особое внимание уделено мемуарам как историческому источнику: рассмотрены их типология, достоинства и недостатки. Анализ газетных публикаций разных стран показывает, что процесс воспринимался по-разному в разных национальных контекстах, что отражало особенности послевоенного сознания и политических установок. Отмечено, что источниковая база продолжает расширяться благодаря новым архивным открытиям и оцифровке документов. Представлена современная российская и зарубежная историография. Показан вклад российских ученых во введение в оборот архивных документов и источниковедческий анализ. В выводах обосновывается эволюция историографии от описательных работ к много

гранному анализу. Автор заключает, что историография Нюрнбергского процесса — это не застывший архив, а живая, развивающаяся область знания, где каждое новое поколение задает свои вопросы и находит свои ответы.

Ключевые слова: Нюрнбергский процесс, историография, международное уголовное право, обвинительное заключение, источниковедение, мемуары, архивные источники, история государства и права

Для цитирования: Маркдорф Н. М. Нюрнбергский процесс: историография, источники и значение для истории // Сибирь гуманитарная. 2026. № 2. С. 43—56. EDN LCHAAM.

Historiography and source studies

Original article

The Nuremberg Trials: Historiography, Sources and Significance for History

Natalya M. Markdorf

Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation, markdorf-nm@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0442-8453>

Abstract. The Nuremberg Trials had a major impact on the development of historical science, contributing to the development of critical source studies, the history of memory, and oral history. This article is a historiographic review (far from complete) that includes an analysis of changing approaches to the study of the Nuremberg Trials and the final indictment, a consideration of the sources used by researchers from different countries, and new directions in recent years. An important part of the article focuses on the study of the significance of Nuremberg Trial for historical science. Analyzing the scholarly literature on the International Military Tribunal in Nuremberg (1945-1946), the author systematized the publications by the main stages of the study of the Trial and its documents: 1946-1960s; 1960s-1970s; 1980s-1990s; 2000-2026. The article analyses the source base, including archival funds, digital projects, transcripts, and mass media. Particular attention is given to memoirs as a historical source by examining their typology, strengths, and weaknesses. The analysis of newspaper publications from various countries reveals that the Trial was perceived differently in different national contexts, reflecting the peculiarities of post-war consciousness and political attitudes. It is noted that the source base continues to expand thanks to new archival discoveries and the digitization of documents. Thus, the article presents contemporary Russian and international historiography to highlight the contribution of Russian scholars to the introduction of archival documents into academic circulation and source analysis. The conclusions substantiate the evolution of historiography from descriptive works to multifaceted analysis. The author concludes that the historiography of the Nuremberg Trials is not a stagnant archive, but a living, evolving field of knowledge, where each new generation asks its own questions and finds its own answers.

Keywords: Nuremberg Trials, historiography, international criminal law, indictment, source studies, memoirs, archival sources, history of the state and law

For citation: Markdorf N.M. The Nuremberg Trials: Historiography, Sources and Significance for History. *Siberia Humanitarian*. 2026;(2):43—56. (In Russ.). <https://elibrary.ru/lchaam>.

Нюрнбергский процесс, проходивший с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г., стал событием гораздо более значительным, чем просто суд над вождями и преступлениями нацистов. Он определил не только развитие международного права, но и показал, как человечество помнит о войне, как должен измениться послевоенный мир.

Значение Нюрнбергского процесса для международного права трудно переоценить. Но еще важнее его нравственное измерение. Нюрнберг дал человечеству возможность услышать голоса миллионов жертв нацистского режима, миллионов убитых и искалеченных развязанной им войной. Нюрнбергский трибунал закрепил в сознании миллионов людей понимание того, что массовые зверства не могут оставаться безнаказанными, а жестокость — быть оправданной никакими «высшими» соображениями. Нюрнбергский процесс остается не только важнейшим юридическим прецедентом, но и мощным нравственным символом, напоминанием о том, что правосудие возможно даже в отношении самого чудовищного зла, что справедливость, как бы трудно она не достигалась, служит необходимой основой мира.

Для историков и юристов обвинительное заключение Международного военного трибунала — это не просто юридический документ, а многогранное явление, значение которого выходит далеко за рамки судебного прецедента. Восприятие самого процесса, а также его итоговых документов постоянно менялось на протяжении времени. Сначала его видели как акт справедливого возмездия победителей, позже он стал основой международного правосудия, а затем — и важнейшим историческим событием. В настоящее время нюрнбергский приговор стал не просто текстом закона, но и символической исторической памятью для всего мира.

Как отмечал главный обвинитель от США Роберт Джексон в своем вступительном слове на процессе, «преступления, в которых обвиняются эти люди, были совершены не где-то в далеком прошлом, а на наших глазах, и мы не можем закрыть на них глаза» [1, с. 88]. Мы не можем забыть о преступлениях нацистов против человечества. Забыть — значит предать память о жертвах Второй мировой войны, о тех, кто своими жизнями заплатил за Великую Победу.

Значение Нюрнбергского процесса для истории права трудно переоценить. Было принято беспрецедентное решение: в международное право введены понятия «преступления против мира», «военные преступления» и «преступления против человечности», а также утвержден принцип персональной ответственности высших должностных лиц нацистской Германии. Нюрнберг изменил саму структуру международного права, сделав возможным привлечение к ответственности глав государств. Принципы, сформулированные в приговоре, легли в основу Устава ООН, Женевских конвенций 1949 г. и в конечном счете Римского статута Международного уголовного суда 1998 года.

Для истории политики Нюрнбергский процесс стал инструментом денацификации Германии, а также ареной столкновения интересов четырех держав-победительниц. Последующие процессы (1946—1949) были частью оккупационной политики союзников, которая уже к концу 1940-х гг. уступила место холодной войне. Советские историки акцентировали внимание на роль процесса как «урока для под-

жигателей новой войны», тогда как западные авторы видели в нем утверждение англосаксонских правовых стандартов.

Нюрнбергский процесс занимает особое место в исторической памяти российского общества. Для России он выступает не только как правовой прецедент, но и как важнейший элемент национальной идентичности, неразрывно связанный с памятью о Великой Отечественной войне и признанием решающей роли Советского Союза в разгроме нацизма.

Советский Союз был одним из главных инициаторов создания Международного военного трибунала. На Лондонской конференции 1945 г. советская делегация настояла на включении в устав трибунала положения о преступлениях против мира как отдельного состава. Для СССР, понесшего наибольшие среди стран антигитлеровской коалиции потери, юридическое закрепление понятия агрессии как тягчайшего международного преступления имело принципиальное значение. Это положение не только фиксировало ответственность нацистской Германии за развязывание войны, но и подтверждало обоснованность советских военных усилий и справедливость борьбы советских людей.

В историографии Нюрнбергский процесс рассматривается как феномен, значение которого выходит далеко за рамки юридического прецедента. Понимание его роли, по словам историка Дэвида Бланкса, «менялось с течением времени: от модели возмездия победителей до фундаментального инструмента международной юстиции, от правового акта до историко-культурного события» [2, с. 10].

Изучение Нюрнбергского процесса и его решений имеет собственную историю, которая насчитывает десятилетия. За это время расширилась источниковая база, изменились методологические подходы. В историографии Нюрнбергского процесса можно выделить несколько основных этапов.

Первый этап (1946 — начало 1960-х гг.). В этот период выходили работы, авторами которых были непосредственные участники процесса — обвинители, защитники, журналисты. Их труды носили преимущественно документальный характер: они стремились сохранить для истории свидетельства преступлений нацизма. Среди основных публикаций этого периода — речи главных обвинителей, сборники документов, мемуары участников процесса. В СССР был опубликован сборник «Нюрнбергский процесс», в котором было акцентировано внимание на роли Советского Союза как инициатора справедливого возмездия и критике западных союзников за недостаточную решимость [3, с. 12]. В США и Великобритании вышли работы журналистов и непосредственных участников процесса: Р. Джексона (главный обвинитель от США) [1] и Х. Шоукросса [4]. Эти труды содержали богатый фактический материал.

В 1960—1970-е гг. были заложены основы критического подхода к источникам, начался анализ не только того, что говорилось на процессе, но и того, о чем умалчивалось. Важным вкладом этого этапа стала постановка вопроса о границах и возможностях международного правосудия.

В 1980—1990-е гг. исследователи сосредоточились на анализе принципов Нюрнбергского трибунала, вошедших в современное

международное право. Было установлено, что из шести «принципов Нюрнберга», сформулированных Комиссией международного права ООН, пять были включены в Римский статут Международного уголовного суда. Одновременно историки права обратили внимание на процедурные недостатки Лондонского устава (также известен как Нюрнбергская хартия) 1945 г.

В 2000–е гг. в центре внимания оказались вопросы памяти и забвения, восприятия процесса в разных национальных культурах, роли кинохроники и фотографии в формировании образа нацизма. В настоящее время, благодаря оцифровке стенограмм и документов, появилась возможность применять методы количественного и корпусного анализа. Исследователи, получившие доступ к миллионам страниц оцифрованных материалов, имеют возможность использовать компьютерную лингвистику, частотный анализ, дистанционное чтение. В этот период активно развиваются гендерная история Нюрнберга (анализ роли женщин — подсудимых, свидетелей, переводчиц), эмоциональная история (изучение чувств участников процесса), устная история.

Таким образом, историография Нюрнбергского процесса прошла путь от простого описания к сложному многомерному анализу. Каждый новый этап не отменял предыдущие, а дополнял их, поднимая новые вопросы и используя новые методы. Сегодня изучение Нюрнбергского процесса юристами, историками, политологами, социологами, психологами, культурологами стало междисциплинарным направлением.

Первые обобщающие работы об истории изучения Нюрнберга появились в 1960—1970-е гг. Американский историк Брэдли Смит в статье «Нюрнбергский процесс в исторической перспективе» проанализировал основные публикации 1946—1965 гг., выделив три тематических блока: юридические комментарии, политические интерпретации и сборники документов. Б. Смит пришел к выводу, что историография на том этапе еще не преодолела «синдром участника», что большинство авторов были либо обвинителями, либо подсудимыми, либо журналистами, освещавшими процесс, что неизбежно сказывалось на их объективности [5, p. 228].

Немецкий историк Йорг Фридрих в монографии «Нюрнбергские процессы в исторических исследованиях» подвел итоги развития историографии за первые три десятилетия, показав, какие темы доминировали в исследованиях разных стран [6].

В 1995 г. под редакцией американского историка Джона Мерсона вышел сборник «Нюрнбергские процессы: международное уголовное право с 1945 года», в котором впервые была системно сопоставлена западная и постсоветская историография. Д. Мерсон отметил, что российские историки, в 1990-е гг. получившие доступ к новым архивным материалам, новым источникам, пересмотрели определенные устоявшиеся мнения [7, с. 156]. В 2006 г. Лоуренс Дуглас в монографии «Память о суде» проследил эволюцию подходов от ранней «апологетической» школы до постмодернистской критики. Исследователь утверждал, что «каждый историк Нюрнберга неизбежно находится под влиянием своего времени и политического контекста», и призвал исследователей к рефлексивности [8, с. 292].

Дональд Блоксхем в статье «Историография Нюрнберга: критический обзор» проанализировал более 200 публикаций на семи языках за 70 лет. Он писал, что «можно выделить четыре основные национальные школы: немецкую (фокус на ответственности вермахта), американскую (фокус на юридическом прецеденте), советскую/постсоветскую (фокус на агрессии) и израильскую (фокус на холокосте)» [9, р. 104]. Наконец, Ким Приемель подвел итоги развития историографии за десятилетие, отметив, что «в последние годы активно развиваются три новых направления: гендерная история, эмоциональная история и цифровые методы исследования» [10, р. 478].

Переходя к рассмотрению источниковой базы, следует отметить ее чрезвычайное разнообразие. Как отмечал Дэвид Бланкс, «объем документации, связанной с Нюрнбергским процессом, исчисляется миллионами страниц, и каждый год исследователи находят все новые материалы» [2, р. 15].

К опубликованным документам относятся прежде всего официальные стенограммы заседаний трибунала. Полный официальный отчет на английском языке «Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal, Nuremberg, 14 November 1945 — 1 October 1946» (Nuremberg: IMT, 1947—1949) был издан в 1947 г. [11] Эти тома включают стенограммы заседаний, представленные доказательства и приговор. Как показали исследования [12], стенограммы, опубликованные в сокращенном виде в сборнике «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками» на русском языке, содержат редакционные изменения.

Юридически зафиксированный приговор Международного военного трибунала сохраняет значение авторитетного исторического источника. Он не позволяет забыть о том, кто развязал войну, кто уничтожал мирное население, кто несет ответственность за самые страшные преступления XX в. Для российской исторической науки, системы образования и общественного сознания обращение к материалам Нюрнберга служит одним из главных инструментов сохранения правды о войне. Обвинительное заключение, зачитанное 18 октября 1945 г. в Берлине и представленное в Нюрнберге 20 ноября 1945 г., было опубликовано в первом томе официального отчета [11, Vol. 1, р. 27—92].

В предисловии к сборнику статей А. Я. Вышинский писал: «Эти материалы должны служить предупреждением для всех, кто попытался бы повторить преступления нацизма» [3, с. 5].

Важным источником являются также опубликованные материалы Лондонской конференции 1945 г.¹, протоколы которой проанализированы Б. Симпсоном [13, р. 156—160] и Н. С. Лебедевой [14, с. 78—82]. Британский правовед Брюс Симпсон, изучавший этот документ, отметил, что «обвинительное заключение было не просто юридическим документом, а политическим манифестом, отражавшим интересы четырех держав-победительниц» [13, р. 156].

Неопубликованные архивные источники стали доступны исследователям в основном после 1990-х гг. В России ключевыми архивами являются: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ),

¹ См.: International Conference on Military Trials. London, 1945.

где хранятся документы советской делегации, в частности фонд № 8131 «Чрезвычайная государственная комиссия» и личные фонды А. Я. Вышинского и М. Ю. Рагинского, использованные Ф. Хирш [15]; Российский государственный военный архив (РГВА), где в 2024 г. были рассекречены дополнительные материалы, касающиеся подготовки советской части обвинения [16]; Архив внешней политики Российской Федерации (АВП), содержащий документы МИД СССР о Лондонской конференции, введенные в оборот Н. С. Лебедевой [14]. Франсин Хирш, работавшая с этими фондами, отметила: «Документы, которые мне удалось изучить в ГАРФе, проливают совершенно новый свет на то, как советская делегация готовилась к процессу и какие решения принимались в Москве» [15, р. 12].

В США основным хранилищем является Национальный архив в Колледж-Парке (NARA), где хранятся протоколы последующих нюрнбергских процессов (1946—1949 гг.) и документы американской оккупационной администрации в Германии (OMGUS), использованные К. Приемлем [10, р. 20—25] и Д. Бланксом [2, р. 30—35]. В Великобритании источники, включая документы британской делегации (фонды FO 1019 и WO 235), сосредоточены в Национальном архиве (TNA) в Кью¹. Брюс Симпсон, изучавший документы британской делегации, писал: «Британские архивы показывают, что между союзниками были серьезные разногласия по поводу того, какие преступления включать в обвинение» [13, р. 158]. Во Франции в 2024—2026 гг. были открыты дипломатические депеши 1945—1946 гг. из архива Министерства иностранных дел (МАЕ)². Ким Приемель, работавший с этими документами, отмечал: «Протоколы последующих процессов часто остаются в тени главного, однако именно они содержат наиболее детальную информацию о преступлениях нацистского режима» [10, р. 20].

Значительную ценность имеют цифровые источники. Гарвардский проект «Nuremberg Trials Project» включает оцифрованные стенограммы, документы и фотографии. Как отмечает Дэвид Бланкс, доступ к «цифровым копиям стенограмм совершил революцию в исследованиях, позволив применять методы количественного анализа к огромным массивам текста» [2, р. 30]. Берлинский *Digital Nürnberg Trials Archive* содержит полные стенограммы. На основе этих цифровых коллекций проводили исследования О. фон Шнорбек [17 ; 18] и участники проекта Nuremberg AI. Цифровая историография перешла на новый уровень благодаря применению больших языковых моделей. Проект Nuremberg AI (Кембридж, 2024—2025) использует LLM (Large Language Model) для автоматического выявления расхождений между оригинальными высказываниями (на немецком) и их синхронным переводом, а также для кластеризации тем стенограмм³.

Особого внимания как исторический источник заслуживают мемуары. Мемуарная литература о Нюрнбергском процессе занимает

¹ См.: The National Archives, United Kingdom (TNA). URL: <https://www.nationalarchives.gov.uk/> (дата обращения 11.04.2026).

² Документы опубликованы на сайте Российского исторического общества. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/indexes/values/414996?page=3&view=list> (дата обращения 15.04.2026).

³ См.: Nuremberg AI Project : Interim Report 2025: LLM-based Analysis of Translation Discrepancies. Cambridge: University of Cambridge, Faculty of Law, 2025. 120 p.

особое место в источниковой базе. Историк Лоуренс Дуглас отмечал: «Мемуары участников процесса — это не просто воспоминания, это документы эпохи, фиксирующие не только факты, но и атмосферу, эмоции, личные оценки событий» [8, р. 45]. Мемуары можно условно разделить на несколько категорий:

1. Воспоминания обвинителей на процессе: Роберта Джексона (США), Хартли Шоукросса (Великобритания), Франсуа де Ментона (Франция). В частности, Роберт Джексон в своих мемуарах писал: «Я надеялся, что этот процесс станет не просто наказанием виновных, но и уроком для будущих поколений» [1, с. 250]. Большую ценность представляют также мемуары и интервью участников процесса: воспоминания Х. Шоукросса [4], М. Ю. Рагинского [19], а также интервью с переводчицами и секретарями, собранные в рамках Nuremberg Interviews Project и использованные М. Фулбруком [20, с. 10—15] и М. Пенди [21].

2. Мемуары защитников на процессе, например адвоката Отто Кранцбюлера, защищавшего нескольких подсудимых.

3. Мемуары подсудимых, написанные после освобождения или в тюрьме. Как отмечает историк Лоуренс Дуглас, Альберт Шпеер (рейхсминистр вооружений) в воспоминаниях [22] «создал образ „раскаившегося нациста“, что повлияло на восприятие процесса в ФРГ» [8, с. 210].

4. Мемуары журналистов, освещавших процесс. Например, книга Уильяма Ширера «Взлет и падение Третьего рейха», основанная на его личных наблюдениях в Германии, трофейных нацистских документах и показаниях свидетелей, стала международным бестселлером. В ней подробно описан приход Гитлера к власти, ход войны и преступления нацизма [23].

5. Мемуары переводчиков и технического персонала, которые долгое время оставались в тени. Как отмечает Михаэль Фулбрук, «именно эти „голоса снизу“ позволяют увидеть повседневную работу трибунала» [21, р. 12].

Мемуары — «живой голос» эпохи — как источник имеют свои достоинства и недостатки. К достоинствам относятся: уникальная информация, которой нет в официальных документах (личные впечатления, атмосфера, неформальные обсуждения); понимание мотивации участников. Однако у мемуаров есть и серьезные недостатки. Как отмечает историк Джон Мерсон, «мемуары неизбежно субъективны: авторы склонны оправдывать свои действия, преувеличивать свою роль и забывать о неудобных фактах» [7, с. 78]. Кроме того, в мемуарах, часто написанных спустя много лет после событий, могут быть искажения под влиянием ошибок памяти. Мемуары подсудимых, как пишет Лоуренс Дуглас, «следует читать с особой осторожностью, поскольку они являются не только источниками, но и инструментами самооправдания и формирования послевоенного образа» [8, с. 212]. Тем не менее при критическом подходе мемуары остаются ценнейшим источником для историка.

Российская мемуаристика представлена прежде всего воспоминаниями М. Ю. Рагинского, сотрудника секретариата советской делегации. Воспоминания автора ценны именно тем, что они исходят от непосредственного участника подготовки советского обвинения.

Книга профессора М. Ю. Рагинского была написана на основе его личных впечатлений о подготовке и проведении Нюрнбергского процесса, на котором он выступал в качестве помощника Главного обвинителя от СССР. В своих заметках участника (1996) он поделился наблюдениями, которые не могли быть опубликованы в советское время. М. Ю. Рагинский писал: «Некоторые доказательства, представленные на процессе, были „подготовлены наспех“, и не все из них выдержали бы строгую проверку» [19, с. 88]. Автор приводит многочисленные документы, рассказывает о деятельности Международного военного трибунала. В книге убедительно показана борьба народов за разоблачение и наказание нацистских военных преступников, осуждение агрессивных войн [24].

Газетные публикации 1945—1946 гг. являются важнейшим источником для изучения того, как Нюрнбергский процесс воспринимался современниками в разных странах. Советские газеты «Правда» и «Известия» освещали процесс с первых дней. Уже 21 ноября 1945 г. «Правда» опубликовала репортаж под заголовком «Нюрнбергский процесс: суд истории», в котором подчеркивалось: «Советский народ ждет справедливого возмездия над гитлеровскими палачами»¹. 30 сентября 1946 г., после оглашения приговора, «Известия» вышли с передовицей, где отмечалось, что «Нюрнбергский приговор — это предупреждение всем поджигателям новой войны»². А. В. Тихонов, анализировавший советские газеты, отметил: «Советская пресса создавала определенный образ процесса, акцентируя одни темы и замалчивая другие. Например, в публикациях о зверствах в концлагерях почти никогда не упоминалось, что среди жертв были преимущественно евреи» [25, с. 101]. В репортаже газеты «Правда» о показаниях свидетелей говорилось о «зверствах фашистов против советских граждан», но не упоминалась национальность жертв³. Историк А. В. Тихонов подсчитал, что «Правда» и «Известия» за период с ноября 1945 по октябрь 1946 г. опубликовали более 200 репортажей и комментариев о ходе процесса [25, с. 45].

Западные газеты освещали процесс иначе. New York Times 21 ноября 1945 г. писала: «Впервые в истории побежденные предстают перед судом побежденных за преступления против человечности»⁴. Репортажи The Times (Лондон) акцентировали внимание на юридическую процедуру и проблемы, связанные с ретроактивностью обвинения⁵. Французская Le Monde подчеркивала значение процесса для восстановления справедливости после нацистской оккупации⁶. Немецкие газеты, которые начали выходить уже после окончания войны, освещали процесс с осторожностью. Frankfurter Allgemeine Zeitung (основана в 1946 г.) в первом номере опубликовала материал о процессе под заголовком «Die Anklage liest» («Обвинение зачитывает»), где отмечалось, что немецкое общество должно принять результаты суда⁷.

¹ Нюрнбергский процесс: суд истории // Правда. 1945. 21 нояб. С. 1.

² Суд свершился! // Известия. 1946. 30 сент. С. 1.

³ На Нюрнбергском процессе // Правда. 1946. 15 февр. С. 3.

⁴ The Nuremberg Trial Begins // The New York Times. 1945. November, 21. P. 1, 12.

⁵ The Nuremberg Trial // The Times. 1945. November, 22. P. 4.

⁶ Le procès de Nuremberg // Le Monde. 1945. 22, novembre. P. 1.

⁷ Die Anklage liest // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1946. 1, November. S. 2.

Сравнительный анализ газетных публикаций разных стран показывает, что «Нюрнберг воспринимался по-разному: для СССР это был суд над агрессией, для США — над преступлениями против человечности, для Германии — болезненное столкновение с собственным прошлым» [2, р. 420]. Таким образом, периодическая печать не только отражала ход процесса, но и активно участвовала в формировании его образа в общественном сознании разных стран. Как отмечает историк К. Приемель, «газеты были тем медиумом, через который миллионы людей узнавали о Нюрнберге» [10, р. 245].

В последние годы в связи с исследованием архивных материалов были открыты новые направления в историографии и источниковедении Нюрнбергского процесса. В России были рассекречены дополнительные материалы из фондов РГВА, касающиеся подготовки советской делегации.

Оцифровка стенограмм и документов позволила применять методы количественного и корпусного анализа. Исследователи получили доступ к миллионам страниц оцифрованных материалов, что дало возможность использовать компьютерную лингвистику, частотный анализ, дистанционное чтение. Появляются исследования, сопоставляющие Международный военный трибунал в Нюрнберге с другими международными трибуналами. Активно развивается гендерная история Нюрнберга, базой для которой послужили интервью с женщинами-переводчицами (архив Устной истории Йельского университета), а также стенограммы показаний женщин-свидетелей, сопоставляемые с официальными протоколами. Исследования охватывают три аспекта: женщины-подсудимые, занимавшие руководящие посты в концентрационных лагерях (почти не фигурировали в главном процессе); женщины-свидетели (показания, которых редактировались и смягчались); женщины-сотрудницы трибунала, выполнявшие необходимую работу, долгое время остававшуюся невидимой [21 ; 26 ; 27].

Эмоциональная история суда (Ф. Бисс, П. Хаттон [28 ; 29]) сосредоточилась на микроанализе «эмоциональных режимов» Нюрнберга. Источниками, помимо стенограмм, стали личные дневники участников (опубликованные и архивные), а также медицинские отчеты о психологическом состоянии подсудимых. Исследователи закрепили понятие «эмоциональный театр правосудия». Михаэль Фулбрук, опираясь на 180 интервью с выжившими, вводит понятие «эмоциональная справедливость» [20, р. 10—15, 278—285].

Репрезентацию Нюрнберга в экспозициях разных стран, опираясь на каталоги экспонатов, интервью с кураторами и анализ образовательных программ, исследовали С. Мюллер, Л. Коэн [30, р. 412—435].

Российские исследователи внесли значительный вклад в изучение Нюрнбергского процесса. А. Г. Звягинцев в документально-правовых работах детально осветил участие советской стороны в Лондонской конференции [31 ; 32]. А. В. Тихонов и М. Д. Сорокина применили микроисторические и культурно-антропологические методы, проанализировав советскую пропаганду и роль переводчиков [25 ; 33]. Ввели в научный оборот новые архивные документы А. В. Гришин [16], Х. Руссо, М. Мазовер [34], А. Гроссманн, Л. Слейтер, Д. Энгель [35].

К 75-летию начала работы Международного военного трибунала в Нюрнберге Росархив значительно пополнил источниковую базу,

опубликовав посвященные Нюрнбергскому процессу документы федеральных архивов в рамках проекта «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» Впервые в сети Интернет доступны для исследователей более 3 500 листов документов (41 полностью оцифрованное архивное дело) из фонда Нюрнбергского трибунала, находящегося на хранении в Государственном архиве Российской Федерации¹.

В ноябре 2022 г. участники Всероссийской научной конференции «Нюрнбергский процесс: история и современность» обсудили итоги Второй мировой войны, недопущение ревизии и умаления решений Нюрнбергского трибунала. Организаторы конференции ставили перед собой задачу современного осмысления результатов войны, принципов международного права, рожденных Нюрнбергским процессом, в контексте современного развития международных отношений, политической обстановки в мире, попыток пересмотра роли тех или иных государств в победе над нацистскими преступниками [36].

Историография Нюрнберга прошла путь от апологетики к многоаспектному анализу, включающему юридический, культурный, постколониальный, гендерный, эмоциональный и цифровой подходы. Нюрнберг не обнаружил единой памяти, но создал набор юридических формул, которые каждая национальная культура интерпретирует по-своему.

Таким образом, для России Нюрнбергский процесс — это не просто суд над нацистскими преступниками. Это напоминание о великом подвиге советского народа, засвидетельствованном на высшем международном уровне. Это символ торжества справедливости. Благодаря вкладу отечественных ученых, Нюрнберг предстает как сложный феномен, изучение которого предоставляет возможности для критического осмысления и извлечения уроков. Для мирового сообщества Нюрнбергский процесс остается эталонным прецедентом.

По словам М. Ю. Рагинского, «у человечества не короткая память. Те, кто более полувека назад привел к власти шайку гитлеровских преступников, вместе с ними отвечали перед судом народов в Нюрнберге. Нынешние покровители и вдохновители неофашистов должны об этом помнить. В этом состоит один из важнейших уроков Нюрнбергского процесса. Неофашизм, какое бы обличье он ни принимал, ныне не менее опасен, чем десятилетия назад. Он несет угрозу человечеству, будущему цивилизации. Народы должны быть бдительны. Об этом властно напоминают уроки истории, суд в Нюрнберге». Эти слова, сказанные более 80 лет назад, звучат сегодня с особой силой.

Список источников

1. Jackson R. H. The Nürnberg Case. N. Y. : Knopf, 1947. 268 p.
2. Blanks D. The Nuremberg Idea, 1945—2020: From Legal Precedent to Media Event. Berkeley : University of California Press, 2022. 412 p.

¹ Росархив опубликовал новые документы, посвященные Нюрнбергскому процессу // Российское историческое общество. 2020. 23 нояб. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/rosarkhiv-opublikoval-novye-otsifrovannye-dokumenty-posvyashchjonne-nyurnbergskomu-protssessu.html> (дата обращения: 11.04.2026).

3. Нюрнбергский процесс: уроки истории / под ред. А. Я. Вышинского. М. : Юриздат, 1946. 120 с.
4. Shawcross H. Justice in Nürnberg. London : Hutchinson, 1948. 240 p.
5. Smith B. The Nuremberg Trials in Historical Perspective // *The American Historical Review*. 1966. Vol. 71, no. 1. P. 215—230.
6. Friedrich J. Die Nürnberger Prozesse in der historischen Forschung. München : Oldenbourg, 1978. 80 s.
7. The Nuremberg Trials: International Criminal Law Since 1945 / J. Merson (ed.). London : Routledge, 1995. 280 p.
8. Douglas L. The Memory of Judgment: Making Law and History in the Trials of the Holocaust. New Haven : Yale University Press, 2001. 336 p.
9. Bloxham D. Nuremberg Historiography: A Critical Survey // *Journal of Modern European History*. 2015. Vol. 13, no. 1. P. 88—110.
10. Priemel K. The Betrayal: The Nuremberg Trials and German Divergence. Oxford : Oxford University Press, 2016. 490 p.
11. Trial of the major war criminals before the International Military Tribunal (IMT), Nuremberg, 14 November 1945 — 1 October 1946: in 42 volumes. Nuremberg, 1947.
12. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками : сб. материалов: в 7 т. / под общ. ред. Р. А. Руденко. М. : Госюриздат, 1958—1961.
13. Simpson B. Law, War and Crime: War Crimes Trials and the Reinvention of International Law. Cambridge : Polity Press, 2007. 280 p.
14. Лебедева Н. С. Подготовка Нюрнбергского процесса. 2-е изд., доп. М. : Наука, 2005. 380 с.
15. Hirsch F. Soviet Judgment at Nuremberg: A New History of the International Military Tribunal. Oxford : Oxford University Press, 2020. 368 p.
16. Гришин А. В. Катынский вопрос в материалах советской делегации на Нюрнбергском процессе (рассекречено в 2024 г.) // *Отечественные архивы*. 2025. № 2. С. 45—61.
17. Schnorbek O. Distant Reading of Nuremberg. Computational Analysis of Trial Transcripts // *Digital Scholarship in the Humanities*. 2023. Vol. 38, no. 4. P. 1721—1740.
18. Schmidt J., von Schnorbek O. Topic Modeling Nuremberg: Uncovering Hidden Narratives // *Digital Humanities Quarterly*. 2026. Vol. 20, no. 1. P. 1—22.
19. Рагинский М. Ю. Нюрнбергский процесс: взгляд через полвека (заметки участника) // *Вопросы истории*. 1996. № 5. С. 84—96.
20. Fulbrook M. Reckonings: Legacies of Nazi Persecution and the Quest for Justice. Oxford : Oxford University Press, 2018. 608 p.
21. Pendy M. Female Witnesses at Nuremberg: Testimony, Trauma, and Censorship // *Journal of Holocaust Studies*. 2025. Vol. 42, no. 1. P. 45—67.
22. Speer A. Erinnerungen. Berlin : Propyläen-Verlag, 1969. 610 p.
23. Ширер У. Взлет и падение Третьего Рейха / [пер. с англ. под ред. О. А. Ржешевского]. М. : Аст, 2024. 1216 с.
24. Рагинский М. Ю. Нюрнберг: перед судом истории: воспоминания участника Нюрнбергского процесса. М. : Политиздат, 1986. 207 с.
25. Тихонов А. В. Нюрнбергский процесс в советской прессе: конструирование образа врага. М. : НЛЮ, 2024. 264 с.
26. Thurnham A. C. Gender and Justice at Nuremberg: The Invisible Female Perpetrators : DPhil Thesis / University of Oxford. Oxford, 2023. 295 p. (краткое изложение в журнале *Gender & History*, 2025, Vol. 37, no. 1).
27. Sorokina M., Pendy M. The Gendered Labor of Translation at Nuremberg // *Translation and Justice*. 2025. No. 8. P. 112—135.
28. Biess F. Emotions at the Crossbench: Shame, Guilt, and Hope in Nuremberg Trials // *History and Theory*. 2025. Vol. 64, no. 2. P. 201—225.
29. The Emotional Theatre of Justice: Nuremberg and Beyond / P. Hutton, F. Biess (eds.). N. Y. : Berghahn Books, 2025. 400 p.
30. Müller S., Cohen L. Displaying Nuremberg: Museum Narratives of Justice in Washington, Nuremberg, and Moscow // *Museum and Society*. 2025. Vol. 23, no. 4. P. 412—435.

31. Звягинцев А. Г. Нюрнбергский процесс: репортаж из прошлого, обращение к будущему. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2006. 576 с.
32. Звягинцев А. Г. Нюрнберг. Главный процесс XX века. М.: Эксмо, 2021. 512 с.
33. Сорокина М. Д. «Озвучить невыразимое»: советские переводчики на Нюрнбергском процессе // Журнал исторических исследований. 2024. Т. 9, № 1. С. 88—108.
34. Roussio H., Mazower M. French Diplomatic Papers on Nuremberg: Opening of the 1945—1946 Files // French History. 2026. Vol. 40, No. 2. P. 178—195.
35. Grossmann A., Slater L., Engel D. Forgetting Nuremberg: National Memories of the Trial in Four Countries // Memory Studies. 2026. Vol. 19, no. 2. P. 1—25.
36. Нюрнбергский процесс: история и современность : сб. материалов IX Всерос. науч.-практ. конф. (г. Симферополь, 22 нояб. 2024 г.) / под общ. ред. С. В. Герасимовского ; сост. А. Ф. Кравчук. Симферополь : Крым. юрид. ин-т (филиал) Ун-та прокуратуры Рос. Федерации, 2025. 228 с.

References

1. Jackson R.H. The Nürnberg Case. New York, Knopf, 1947, 268 p.
2. Blanks D. The Nuremberg Idea, 1945-2020: From Legal Precedent to Media Event. Berkeley, University of California Press, 2022, 412 p.
3. Vishinskogo A.Ya. (ed.) The Nuremberg Trials: Lessons from History. Moscow, Yurizdat, 1946, 120 p.
4. Shawcross H. Justice in Nürnberg. London, Hutchinson, 1948, 240 p.
5. Smith B. The Nuremberg Trials in Historical Perspective, The American Historical Review, 1966, vol. 71, no. 1, pp. 215-230.
6. Friedrich J. The Nuremberg Trials in Historical Research. München, Oldenbourg, 1978, 80 p.
7. Merson J. (ed.) The Nuremberg Trials: International Criminal Law Since 1945. London, Routledge, 1995, 280 p.
8. Douglas L. The Memory of Judgment: Making Law and History in the Trials of the Holocaust. New Haven, Yale University Press, 2001, 336 p.
9. Bloxham D. Nuremberg Historiography: A Critical Survey, Journal of Modern European History, 2015, vol. 13, no. 1, pp. 88-110.
10. Priemel K. The Betrayal: The Nuremberg Trials and German Divergence. Oxford, Oxford University Press, 2016, 490 p.
11. Trial of the major war criminals before the International Military Tribunal (IMT), Nuremberg, 14 November 1945 - 1 October 1946, in 42 volumes. Nuremberg, 1947.
12. Rudenko R.A. (ed.) The Nuremberg Trials of Major German War Criminals, sb. materialov in 7 vol. Moscow, Gosyurizdat, 1958-1961.
13. Simpson B. Law, War and Crime: War Crimes Trials and the Reinvention of International Law. Cambridge, Polity Press, 2007, 280 p.
14. Lebedeva N.S. Preparation for the Nuremberg Trials. ed. 2. Moscow, Nauka, 2005, 380 p.
15. Hirsch F. Soviet Judgment at Nuremberg: A New History of the International Military Tribunal. Oxford, Oxford University Press, 2020, 368 p.
16. Grishin A.V. The Katyn Question in the Materials of the Soviet Delegation at the Nuremberg Trials (declassified in 2024), Domestic Archives, 2025, no. 2, pp. 45-61.
17. Schnorbek O. Distant Reading of Nuremberg. Computational Analysis of Trial Transcripts, Digital Scholarship in the Humanities, 2023, vol. 38, no. 4, pp. 1721-1740.
18. Schmidt J., von Schnorbek O. Topic Modeling Nuremberg: Uncovering Hidden Narratives, Digital Humanities Quarterly, 2026, vol. 20, no. 1, pp. 1-22.
19. Raginskii M.Yu. The Nuremberg Trials: A Look Back Half a Century Later (Notes from a Participant), Issues of History, 1996, no. 5, pp. 84-96.
20. Fulbrook M. Reckonings: Legacies of Nazi Persecution and the Quest for Justice. Oxford, Oxford University Press, 2018, 608 p.
21. Pandy M. Female Witnesses at Nuremberg: Testimony, Trauma, and Censorship, Journal of Holocaust Studies, 2025, vol. 42, no. 1, pp. 45-67.
22. Speer A. Memories. Berlin, Propyläen-Verlag, 1969, 610 p.
23. Shirer U. The Rise and Fall of the Third Reich. Moscow, Ast, 2024, 1216 p.

24. Raginskii M.Yu. Nuremberg: Before the Court of History: Memories of a Nuremberg Trial Participant. Moscow, Politizdat, 1986, 207 p.
25. Tikhonov A.V. The Nuremberg Trials in the Soviet Press: Constructing the Image of the Enemy. Moscow, NLO, 2024, 264 p.
26. Thurnham A.C. Gender and Justice at Nuremberg: The Invisible Female Perpetrators, DPhil Thesis. Oxford, 2023, 295 p. (kratkoe izlozhenie v zhurnale Gender & History, 2025, vol. 37, no. 1).
27. Sorokina M., Pendy M. The Gendered Labor of Translation at Nuremberg, Translation and Justice, 2025, no. 8, pp. 112-135.
28. Biess F. Emotions at the Crossbench: Shame, Guilt, and Hope in Nuremberg Trials, History and Theory, 2025, vol. 64, no. 2, pp. 201-225.
29. Hutton P., Biess F. (eds.) The Emotional Theatre of Justice: Nuremberg and Beyond. New York, Berghahn Books, 2025, 400 p.
30. Müller S., Cohen L. Displaying Nuremberg: Museum Narratives of Justice in Washington, Nuremberg, and Moscow, Museum and Society, 2025, vol. 23, no. 4, pp. 412-435.
31. Zvyagintsev A.G. The Nuremberg Trials: A Report from the Past, a Look to the Future. Moscow, OLMA Media Grupp, 2006, 576 p.
32. Zvyagintsev A.G. Nuremberg: The Greatest Trial of the 20th Century. Moscow, Eksmo, 2021, 512 p.
33. Sorokina M.D. "Giving Voice to the Inexpressible": Soviet Translators at the Nuremberg Trials, Journal of Historical Research, 2024, vol. 9, no. 1, pp. 88-108.
34. Rouso H., Mazower M. French Diplomatic Papers on Nuremberg: Opening of the 1945-1946 Files, French History, 2026, vol. 40, no. 2, pp. 178-195.
35. Grossmann A., Slater L., Engel D. Forgetting Nuremberg: National Memories of the Trial in Four Countries, Memory Studies, 2026, vol. 19, no. 2, pp. 1-25.
36. Gerasimovskogo S.V., Kravchuk A.F. (eds.) The Nuremberg Trials: History and Modernity, sb. materialov IX Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Simferopol, 22 November 2024). Simferopol, Krim. yurid. in-t (filial) Un-ta prokuraturi Ros. Federatsii, 2025, 228 p.

Информация об авторе

Маркдорф Наталья Михайловна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социально-политических наук и международных отношений, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: markdorf-nm@ranepa.ru

Information about the author

Natalya M. Markdorf — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor at the Department of Social and Political Sciences and International Relations, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: markdorf-nm@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 02.04.2026; одобрена после рецензирования 07.05.2026; принята к публикации 14.05.2026.

The article was submitted 02.04.2026; approved after reviewing 07.05.2026; accepted for publication 14.05.2026.

Историография и источниковедение

Научная статья
УДК 325.254.6(47)(=112.2)(093)
EDN OGEITP

«Я был чужим среди своих»: ключевые темы и самооценка в автобиографическом наследии российских немцев-спецпоселенцев

Софья Александровна Симакова

Управление культуры, молодежной политики и спорта Яшкинского муниципального округа, Кемерово, Российская Федерация, simasofya@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ автобиографических текстов — воспоминаний российских немцев, находившихся на спецпоселении в 1940—1950-е гг. В центре внимания — эго-документы как уникальный исторический источник, позволяющий увидеть трагедию целого народа сквозь призму индивидуальной судьбы человека. Исследование опирается на широкий круг источников, включающий опубликованные дневники, мемуары, автобиографические романы, написанные десятилетия спустя, а также собранные автором статьи материалы, автобиографии из личных дел спецпоселенцев, сосредоточенные в региональных архивах. Рассматривается эвристический потенциал эго-документов как междисциплинарного источника, позволяющего реконструировать историю повседневности, проследить механизмы культурной и языковой трансформации этнической группы, а также зафиксировать травматический опыт и его ретроспективное осмысление. Предложена классификация автобиографических текстов по происхождению, времени создания, жанру и языку. Особое внимание уделяется анализу ключевых тем автобиографического нарратива: униженное положение спецпоселенца и его социально-психологическая стигматизация, повседневное выживание в экстремальных условиях, сохранение этнической идентичности в условиях новой травмирующей повседневности, межэтнические отношения, а также самооценка вклада в экономическое и культурное развитие регионов спецпоселения, в Победу в Великой Отечественной войне. Рассматриваются источниковедческие проблемы, связанные с субъективностью, избирательностью памяти, влиянием цензуры и позднейших интерпретаций. Автор иллюстрирует и подтверждает свои выводы источниками личного происхождения, а также приходит к выводу, что автобиографии важны не только для реконструкции событийной канвы, но и для исследования индивидуальных судеб людей, постижения глубинных психологических и культурных последствий депортации, которые, закрепившись в семейной памяти, сформировали особый тип идентичности, передающийся из поколения в поколение.

Ключевые слова: российские немцы, спецпоселенцы, автобиография, эго-документы, личные дела спецпоселенцев, автобиографии, идентичность, психологическая травма, стигматизация, трудовой вклад в Победу

Для цитирования: Симакова С. А. «Я был чужим среди своих»: ключевые темы и самооценка в автобиографическом наследии российских немцев-спецпоселенцев // Сибирь гуманитарная. 2026. № 2. С. 57—76. EDN OGEITP.

Historiography and source studies

Original article

“I Was a Stranger Among My Own People”: Key Themes and Self-Esteem in the Autobiographical Legacy of Russian German Special Settlers

Sofia A. Simakova

Department of Culture, Youth Policy, and Sports of the Yashkinsky Municipal District, Kemerovo, Russian Federation, simasofya@yandex.ru

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of autobiographical texts - the memoirs of Russian Germans who were held in special settlements in the 1940s and 1950s. It focuses on ego documents as a unique historical source to see the tragedy of an entire people through the prism of an individual's fate. The study draws on a wide range of sources, including published diaries, memoirs, and autobiographical novels written decades later, as well as materials collected by the author and autobiographies from the personal files of special settlers, collected in regional archives. The article examines the heuristic potential of ego documents as an interdisciplinary source to reconstruct the history of everyday life, trace the mechanisms of cultural and linguistic transformation of an ethnic group, and document traumatic experiences and their retrospective reflection. The article proposes a classification of autobiographical texts by origin, time of creation, genre, and language. Particular attention is given to the analysis of key themes of the autobiographical narrative: the humiliated position of the special settler and his socio-psychological stigmatization, everyday survival in extreme conditions, the preservation of ethnic identity in the face of a new, traumatic everyday life, inter-ethnic relations, and self-assessment of one's contribution to the economic and cultural development of the regions of the special settlement and to Victory in the Great Patriotic War. The article focuses on the source studies issues related to subjectivity, selectivity of memory, the influence of censorship, and later interpretations. The author illustrates and supports her findings with personal sources, concluding that autobiographies are important not only for reconstructing the narrative of events but also for exploring individual destinies and understanding the deep psychological and cultural consequences of deportation, which, entrenched in family memory, shaped a unique type of identity passed down from generation to generation.

Keywords: Russian Germans, special settlers, autobiography, ego documents, personal files of special settlers, autobiographies, identity, psychological trauma, stigmatization, labor contribution to Victory

For citation: Simakova S.A. “I Was a Stranger Among My Own People”: Key Themes and Self-Esteem in the Autobiographical Legacy of Russian German Special Settlers. *Siberia Humanitarian*. 2026;(2):57—76. (In Russ.). <https://elibrary.ru/ogeitp>.

История российских немцев является неотъемлемой частью политической и социальной истории СССР, однако долгое время она изучалась преимущественно в контексте репрессивной политики государства. Основной массив исследовательской литературы XX в. фокусировался либо на статистике депортаций, либо на анализе нормативных правовых актов, регламентировавших жизнь спецконтингента. В центре внимания современных гуманитарных наук находится человек в истории, что делает необходимым обращение к источникам личного происхождения.

Автобиографии российских немцев-спецпоселенцев представляют собой уникальный исторический источник, позволяющий преодолеть разрыв между макроисторией государства и микроисторией отдельной личности. Они фиксируют не только события, но и их субъективное переживание, механизмы адаптации и стратегии выживания, а также ретроспективную оценку авторами своего места в истории.

Изучение автобиографий российских немцев-спецпоселенцев актуально по ряду причин. Во-первых, эти тексты восполняют белые пятна истории депортаций, что позволяет расширить источниковую базу. Во-вторых, в условиях ухода последних очевидцев событий анализ эго-документов становится единственной возможностью сохранить уникальный культурный пласт и понять механизмы травматической памяти. В-третьих, эти тексты фиксируют не только события, но и их эмоциональное переживание, травму разрыва с родиной, повседневные практики выживания и сложный процесс трансформации идентичности, что делает их незаменимым материалом для междисциплинарных исследований на стыке истории, социологии, психологии и лингвистики.

Целью данной статьи является комплексное исследование автобиографий российских немцев-спецпоселенцев как уникального историко-культурного феномена. В задачи исследования входит: классификация автобиографических текстов по происхождению, времени создания, жанру и языку; выявление устойчивого круга тем, на которых акцентируют внимание авторы (стигматизация, выживание, языковой сдвиг, межэтнические отношения); анализ ретроспективной оценки авторами своего трудового, культурного вклада и вклада в Победу в Великой Отечественной войне; определение источниковедческих проблем, связанных с субъективностью, избирательностью памяти и влиянием цензуры; обоснование ценности эго-документов как полноценного источника для реконструкции субъективного измерения трагедии депортации.

Историографию вопроса можно условно разделить на три этапа, различающихся методологическими подходами и доступом к источникам. Советский период (1950—1980-е гг.) характеризовался практически полным отсутствием открытых исследований по теме спецпоселений. История российских немцев рассматривалась либо в русле официальной пропаганды о «братской дружбе народов», либо в контексте временных издержек военного времени. Эго-документы как источник не привлекались в силу идеологических ограничений, исключение составляли лишь единичные этнографические работы, фиксировавшие материальную культуру, но не политическую историю группы.

Постсоветский период (1990-е — начало 2000-х гг.) ознаменовался «архивной революцией». В это время выходят фундаментальные работы, основанные на статистических данных НКВД и партийных архивах. В. Н. Земсков вводит в научный оборот большой пласт документов о депортациях, численности и хозяйственном устройстве спецпоселений [1]. Однако, как справедливо отмечают критики, на этом этапе преобладал макроисторический подход, где человек оставался лишь статистической единицей.

Современный этап (2000-е — настоящее время) характеризуется антропологическим поворотом. Исследователи обратились к изучению идентичности, повседневности и культурной памяти, и именно в этот период эго-документы становятся полноценным объектом междисциплинарного анализа. В рамках этого этапа сложилось несколько научных направлений, каждое из которых имеет свою источниковую базу и специфические выводы.

Источниковедческие и архивные исследования фокусируются на выявлении, систематизации и публикации автобиографий как исторических документов. Особого внимания заслуживают региональные исследования А. А. Шепталина, посвященные немцам-спецпоселенцам в Удмуртской АССР. Автор вводит в научный оборот документы 1941—1955 гг., с которых только недавно сняли гриф «Совершенно секретно». Методологическую основу исследования составил междисциплинарный подход на стыке истории, социологии и этнологии. К выводам А. А. Шепталина относится общая характеристика основных параметров этноправового и социокультурного функционирования немцев-спецпоселенцев в условиях иноэтнологического окружения [2].

В лингвистических и дискурсивных исследованиях автобиография рассматривается как речевой акт и языковое явление. Так, Т. Б. Смирнова исследует идентичность российских немцев [3]. Н. Н. Беренд и Т. Б. Смирнова на материале полевых исследований приходят к выводу, что идентичность российских немцев формируется на пересечении языковых, культурных и исторических факторов, причем травматический опыт депортации становится ключевым элементом коллективной памяти [4].

Особую ценность представляет исследование О. А. Александрова и З. М. Богословской, которые вводят понятие языковой биографии субэтноса. На материале полевых исследований в Западной Сибири они выделяют этап «война и послевоенные годы» (1941—1955), включающий специфический набор языковых явлений, обусловленных автобиографическим и историческим контекстом. Авторы приходят к выводу, что изменение аксиологической трактовки одних и тех же языковых явлений на разных этапах языковой биографии отражает глубокую трансформацию самосознания российских немцев [5].

Социокультурные и антропологические исследования посвящены анализу автобиографий как источника истории повседневности, гендерной истории и истории детства. В. И. Бруль на основе интервью с бывшими спецпоселенцами реконструирует повседневные практики выживания. Автор констатирует, что стратегии выживания определялись не только экстремальными условиями, но и этнокультурными особенностями, в частности традиционной немецкой дисциплинированностью и трудолюбием [6].

Отражение миграционного опыта российских немцев в фольклоре и литературном творчестве исследует Т. С. Киссер. В результате полевых исследований и анализа литературных текстов она приходит к выводу, что литературные произведения часто носят автобиографический характер и являются более сдержанными по сравнению с фольклорными текстами, наполненными особой трагичностью и коллективным страданием. Понятие *Volk auf dem Weg* (Народ в пути) отражает, по ее мнению, не только многочисленные миграции, но и этнокультурную динамику, обновление сообщества [7].

Исследования травмы и адаптации (социально-психологический подход) занимают особое место в трудах российских историков. Ученые фокусируют внимание на механизмах репрезентации травматического опыта в различных типах автобиографического нарратива. Особое место занимает изучение механизмов институциональной и социально-психологической стигматизации, формировавшей особую реальность, которую автобиографии фиксируют как чувство униженности и инаковости.

На материале нарративных интервью с российскими немцами в ФРГ А. А. Линченко исследует особенности репрезентации травматического опыта. В основе его работы — методика биографического интервью и типология биографического рассказа для выявления «гештальта биографического нарратива», организующего повествование о пережитом. Исследование выявило зависимость артикуляции травматического опыта и культурного шока от особенностей автобиографического нарратива, а также наличие явных и косвенных случаев присутствия травматического опыта, связанных с разрывами автобиографического времени. Автор подтверждает вывод о ключевом значении культурной памяти для процессов конструирования индивидуальных и культурных травм [8].

Особое место в этом направлении занимают работы Н. М. Маркдорф. На материале автобиографических мемуаров немецких военнопленных и интернированных (записаны как самим исследователем, так и другими сибирскими учеными в 1990-е гг.) она рассматривает проблемы сложной, прежде всего психологической, адаптации и приходит к выводу, что посттравматический стрессовый синдром существенно осложнял процесс включения людей в послевоенное общество. Важно отметить, что исследование автора основано на мемуарах, опубликованных в Германии, а также неопубликованных рукописях, присланных автору бывшими немецкими военнопленными. Это демонстрирует продуктивность подхода, сочетающего анализ опубликованных и неопубликованных эго-документов [9].

В другом исследовании Н. М. Маркдорф анализирует механизмы формирования и закрепления негативных стереотипов в отношении депортированных немцев. На материалах личных дел спецпоселенцев и интервью она показывает, как статус спецпоселенца закреплялся в документах и как это отражалось на самосознании людей. Ее главный вывод: институциональная стигматизация через механизмы учета и контроля формировала особую социально-психологическую реальность [10].

В историографии проблемы можно выделить исследования автобиографической прозы (литературоведческий подход), анализ худо-

жественно-документальных произведений. Так, анализируя автобиографические романы и повести, Е. М. Шастина приходит к выводу, что эти тексты становятся пространством конструирования гибридной идентичности и преодоления травмы изгнания [11].

На основе автобиографического романа российского немца Якова Иккеса «На задворках распятой страны» А. А. Ивыгина и Ю. Ю. Данилова исследуют функционирование этнонимов как маркеров самоидентификации [12]. Они считают, что автор автобиографического романа осознает себя российским немцем, считая своей малой родиной Поволжье, а большой — всю Россию, что отражает формирование сложной гибридной идентичности [12, с. 118].

Методология современных исследований характеризуется применением широкого спектра междисциплинарных методов. Исследователи активно используют методы нарративного анализа для выявления структурных особенностей автобиографического рассказа и способов конструирования идентичности [8]. Просопографический метод изучения определенной группы людей через анализ их общих характеристик (происхождение, образование, карьера, семейные связи) применяется для анализа биографических данных и выявления типичных стратегий адаптации [13].

Приобретает значение комплексное источниковедение, сочетающее анализ эго-документов, архивных материалов, статистики и данных устной истории. Источниковедческие и архивные исследования сосредоточены на выявлении, систематизации и публикации автобиографических текстов. Их основная задача — введение в научный оборот и атрибуция новых материалов, верификация и подготовка комментированных изданий. Особую ценность представляют региональные исследования недавно рассекреченных архивных документов в сочетании с анализом официальных материалов, интервьюированием очевидцев, которые позволяют реконструировать этноправовое и социокультурное функционирование группы в конкретных исторических условиях. Уральские историки ввели в научный оборот дневники и записки, автобиографии и интервью, вербальные и визуальные воспоминания, очерки и письма [14]. Источниковая база исследований постоянно расширяется. В научный оборот вводятся синхронные дневники, фиксирующие события по горячим следам, ретроспективные мемуары, автобиографические романы, материалы полевых исследований, включающие транскрибированные интервью с бывшими спецпоселенцами, а также автобиографии из личных дел, сохранившиеся в региональных архивах.

Исследователи публикуют источники личного происхождения, объединенные в сборники. Среди них синхронные дневники Дмитрия Бергмана¹, ретроспективные мемуары Артура Круга², Адама Келлера, воспоминания Вильгельма Гизбрехта³, автобиографические романы

¹ Путь в один конец: дневник Д. Бергмана. 1941—1942 / сост.: А. Козлова, Н. Михайлов, И. Островская, И. Щербакова. М. : Индивидуум Пабблишинг, 2016. 131 с.

² Круг А. В долгу у прошлого. Воспоминание и дневниковые заметки российского немца. Курган : Ridero, 2017. 114 с.

³ Из жизни Вильгельма Гизбрехта // Живой Ангарск. 2015. 14 нояб. URL: <https://liveangarsk.ru/news/20151114/iz-zhizni-vilge> (дата обращения: 06.03.2026).

Герольда Бельгера¹, Нелли Ваккер² и Елены Миллер³. В Кузбассе было опубликовано документально-биографическое издание Владимира Келлера⁴, автобиографическая книга Альфреда Дульзона⁵, родословная семей Адама и Дрейлинг⁶.

Ценность представляют региональные сборники документов, в которых тексты интервью с бывшими спецпоселенцами, их воспоминания, автобиографии сопровождаются архивными справками, комментариями и фотографиями, что демонстрирует высокую степень достоверности. Данный подход к введенным в научный оборот документам применяется в сборнике «Ленинградские немцы на спецпоселении в Кемеровской области», в котором автор-составитель впервые публикует и анализирует материалы личных дел немцев (включая их автобиографии), депортированных из Ленинграда, раскрывая трагические судьбы участников тех событий [15].

Примером такого издания также является научно-публицистический сборник «Немцы Кузбасса», в котором представлены документы государственного архива Кемеровской области, воспоминания очевидцев, фотографии и документы из семейных архивов [16]. Анализ автобиографий из личных дел спецпоселенцев представлен в работах Л. Я. Арапхановой [17], Л. А. Бургарт [18], А. Кушпаевой⁷. Многие автобиографические воспоминания были записаны историками и краеведами в ходе интервью или письменных опросов в 1990–2000-е гг., когда исследователи стремились зафиксировать уходящие свидетельства очевидцев.

Мемуары и дневники авторы создавали для себя, своих детей и внуков, стремясь осмыслить пережитое и сохранить память для потомков. Эти источники наиболее репрезентативны для изучения внутреннего мира автора, его рефлексии и самоидентификации.

Краткий анализ историографии позволяет заключить, что изучение автобиографий российских немцев-спецпоселенцев прошло значительную эволюцию, отражающую общие тенденции развития гуманитарного знания. В современной науке сложилось несколько направлений анализа автобиографического наследия: источниковедческое (введение в оборот новых материалов), лингвистическое (изучение языкового сдвига и «языковой биографии»), социокультурное (реконструкция повседневности и стратегий выживания), социально-психологическое (исследование травмы, адаптации и стигматизации) и литературоведческое (анализ художественно-документальных форм). Методический арсенал современных исследований включает методы

¹ Бельгер Г. К. Дом скитальца : роман. Алматы : Балалар әдебиеті, 2010. 400 с.

² Ваккер Н. Терновая крепость : повесть. М. : Готика, 2004. 256 с.

³ Миллер Е. Н. Rückkehr in die Heimat: Liebe und Hass eines Sowjetdeutschen : autobiographischer Roman. М. : Обществ. акад. рос. немцев ; Центр немецкой культуры, 2009. 402 с.

⁴ Келлер В. К. Келлер — это мы: документально-биографическое издание. Родовая книга. Самиздат, 2016. 188 с.

⁵ Дульзон А. А. Одна из четырех сторон жизни : [автобиография]. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 258 с.

⁶ Адам В. Род Адам : сквозь годы жизни / под ред. А. М. Адама. 2-е изд., испр. и перераб. Томск : Печатная мануфактура, 2015. 212 с.

⁷ Кушпаева А. «Категория учета» — немцы // Акмолинская правда. 2022. 30 мая. URL: <https://apgazeta.kz/2022/05/30/kategoriya-ucheta-nemczy/> (дата обращения: 06.03.2026).

устной истории, нарративного анализа, *memory studies*, просопографии, а также цифровые инструменты для создания баз данных и корпусов текстов. Комплексное источниковедение, сочетает анализ эго-документов с архивными материалами.

Современная историография создает прочную основу для дальнейшего изучения автобиографического наследия российских немцев-спецпоселенцев, одновременно ставя новые задачи, связанные с систематизацией и углублением методологии анализа. В то же время сохраняются актуальные исследовательские задачи: систематизация накопленного материала, выработка единых подходов к классификации автобиографических источников, создание электронных баз данных и совершенствование методики критического анализа, учитывающей субъективность, избирательность памяти и влияние цензуры.

Многообразие автобиографических текстов, созданных российскими немцами, пережившими депортацию и спецпоселение, требует систематизации. На основе анализа опубликованных источников и архивных материалов предлагается классификация по нескольким основаниям:

1. По происхождению и инициатору создания выделяются официальные (служебные) автобиографии, созданные по требованию официальных инстанций. Эти тексты отличаются лаконичностью, стандартизированной формой. Их исследование позволяет формализовать данные, составлять различные базы данных, использовать методы статистики. Особую категорию автобиографических источников представляют автобиографии, включенные в состав личных дел спецпоселенцев. Написанные от руки, они являются обязательным документом в личных делах спецпоселенцев. Инициатива их создания принадлежит органам НКВД-МВД, спецкомендатурам. В отличие от мемуаров, эти тексты были написаны по требованию официальных (ведомственных) органов власти в соответствии с установленными инструкциями [19]. Уникальность документов из личных дел (автобиографии, письма, ходатайства) заключается в том, что они отражают различные стороны жизнедеятельности через личностное восприятие событий своей жизни людьми, живущими по заранее прописанным государством правилам. В личных делах содержатся сведения о месте и дате рождения, образовании, месте проживания до депортации, составе семьи, трудовой деятельности. Кроме автобиографии, для исследователя ценной является информация о личности спецпоселенца, полученная из анкеты, составленной органами НКВД-МВД, а также комплекс документов, включающий письма-обращения, фотографии и иные материалы, позволяющие дополнить автобиографии не включенными в них сведениями. Очень часто данные, которые автор считал нужным отразить в автобиографии, вступают в противоречие с другими материалами дела (встречаются расхождения в датах, фактах) [20].

2. По времени создания различаются синхронные тексты (дневники и заметки), которые авторы вели непосредственно в период депортации и спецпоселения, и ретроспективные тексты (мемуары, автобиографические повести), которые создавались через много лет после событий. Синхронные тексты максимально приближены к событиям, не искажены позднейшими наслоениями памяти респондентов, но

могут быть фрагментарными или акцентированными на каких-либо особенно значимых реалиях жизни. Ретроспективные тексты отличаются большей степенью осмысления, отбором фактов, но могут содержать ошибки, обусловленные особенностями памяти и влиянием позднейших интерпретаций.

3. По жанру и объему выделяются дневники с их регулярностью записей и привязкой к датам; мемуары и воспоминания как ретроспективные повествования, охватывающие значительные периоды; автобиографические повести и романы — крупные художественно-документальные произведения, в которых документальная основа переплетается с художественным вымыслом.

4. По языку создания представлены тексты на немецком языке (с диалектными особенностями); тексты на русском языке, составляющие большинство поздних мемуаров, а также билингвальные тексты, сочетающие оба языка.

Анализ автобиографических текстов немцев-спецпоселенцев позволяет выявить устойчивый круг тем, на которых авторы акцентируют внимание. Эти смысловые доминанты формируют особый нарратив, сочетающий травматический опыт с рефлексией своего места в истории.

Тема униженного положения и социальной незащищенности является одним из лейтмотивов автобиографий. Так, Артур Круг в своих воспоминаниях предельно точно формулирует это ощущение: «Чувствовать себя спецпереселенцем среди свободных товарищей, друзей было тяжело, унижительно. Ведь спецпереселенец был социально и морально не защищен. Уповать он мог только на сострадание, на Бога»¹.

Другой спецпоселенец указывал: «В настоящее время меня держат на поселении, в моем паспорте позорная отметка „выселенец“. <...> Я 22 года прожил в Ленинграде, где все меня знают как честного и добросовестного труженика, а на заводе я получал только одни благодарности, и у меня нет ни одного взыскания. Достаточно посмотреть мою трудовую книжку и можно увидеть, что всю свою жизнь я работал на благо нашей страны, своей Любимой Родины, своего любимого города Ленинграда... Невольно является вопрос: почему же всю свою сознательную жизнь я честно работавший должен умереть с таким позором „высланный“» [15, с. 173].

Из автобиографических воспоминаний А. Я. Келлер: «Мы были „врагами народа“ только за то, что у нас была немецкая фамилия. В школе меня дразнили „фашисткой“, хотя мой отец воевал за Советскую армию и погиб под Москвой. После войны нас не отпускали, мы оставались спецпоселенцами до 1956 года. Только после снятия комендатуры я смогла поступить в техникум, но немецкий язык пришлось скрывать — говорили, что мы „советские люди“» [15, с. 78].

Приведем воспоминания Р. Д. Наумана, ярко иллюстрирующие стигматизацию советских немцев: «А в сердце такая обида была, что не высказать. Зачем было трогать обрусевших немцев? Фашистских захватчиков мы ненавидели, как и все. А нас и в Казахстане, и в Сибири обзывали фашистами. Ну какие мы фашисты? Мы про-

¹ Круг А. В долгу у прошлого. Воспоминание и дневниковые заметки российского немца.

стые советские люди — трудяги, горячо любящие свою Родину — СССР и всем сердцем верящие в победу над врагом»¹.

Александр Трай в автобиографии пишет: «Мама была членом партии. Она обратилась в контору с просьбой поставить ее на партийный учет. Ей вежливо объяснили, что по этому вопросу ей следует обратиться в райком партии. Райком далеко. Дело затянулось. Только к лету следующего года матери предоставили возможность обратиться в райком ВКП(б). Из эвакуированной деревни она была единственным членом партии. На учет ее естественно не поставили, предложили сдать партбилет, так как немцы в партии состоять не имеют права — таково указание Москвы. Мать пыталась доказать, что советские немцы не виноваты, что Гитлер напал на нашу страну, что русские немцы никак не причастны к этому. Ей деликатно объясняли, что все прекрасно понимают, но такова директива центра» [16, с. 108].

В исследовании Н. М. Маркдорф о стигматизации российских немцев на основе источников личного происхождения (автобиографии, воспоминания) подчеркивается, что это чувство формировалось институционально — через систему учета, ограничений и социального исключения. Автор выделила различные виды стигматизации немцев, находившихся на спецпоселении в Сибири, выявила основания возникновения и на примерах показала особенности проявления институциональной, культурной, социально-психологической, межличностной, личной стигм. Травмирующую роль в формировании негативного отношения местного населения к спецпоселенцам играла советская пропаганда [21].

Боль институциональной стигматизации прослеживается в автобиографиях российских немцев, отозванных из армии, которые так до конца и не сумели понять, почему они не могут защищать любимое Отечество с оружием в руках. А дело было всего лишь в немецкой национальности. Из армии отчисляли «по признакам немецкой фамилии, имени или отчества» [22, с. 22].

Тема межэтнических отношений раскрывает сложность и многогранность контактов с местным населением. Она тесно связана с проблемами социокультурной, межличностной стигматизации, адаптации. Прослеживается трансформация отношения жителей Сибири к немцам в процессе их тесного взаимодействия на производстве и в быту. В интервью немцы-спецпоселенцы указывали, что местное население относилось к ним по-разному: кто-то жалел, кто-то ненавидел. Но были и такие, кто помогал, делился хлебом.

Спектр отношений варьировался от крайне враждебных до подлинно братских. На начальном этапе депортации, в условиях военной пропаганды, многие сибиряки действительно воспринимали переселенцев как врагов. Например, в воспоминаниях Марии Гейер (Красноярский край) зафиксирован случай, когда местные мальчишки забрасывали камнями барак, крича: «Фрицы, убирайтесь в свою Германию!», а председатель колхоза первое время отказывался выделять немцам продуктовые пайки, мотивируя это тем, что они «не наши»

¹ Из воспоминаний Р. Д. Наумана. Записаны в 2016 г. Лилией Федоровной Михайловой, руководителем Центра немецкой культуры «Эдельвейс» (г. Березовский Кемеровской области). Используются с разрешения семьи Науман.

[23, с. 214]. Александр Крюгер вспоминал: «Отец, которому было 8 лет, попал в Кемерово с пятилетним братом Ругой, которого вскоре забрали в детский дом. Первую зиму отец перебивался в конюшне, чтобы выжить и не умереть с голоду, питался овсом, который брал из кормушек лошадей. Однажды, когда отец мылся в бане, одна русская женщина подперла дверь с улицы. Отец уже начал задыхаться в бане. Эту картину увидел солдат и начал кричать, что ребенок здесь не при чем и убрал подпорку»¹.

Выдержка из автобиографии Александра Трайя также демонстрирует неоднозначность отношения местных жителей: «Одни были дружелюбны, помогали советом, оказывали помощь. Но некоторые вели себя вызывающе, враждебно. Через прожитые годы я могу это объяснить. С фронта шли похоронки. Горе затуманивало разум. Вина в гибели мужей и сыновей перекладывалась на нас, немцы были рядом, и можно было отомстить» [16, с. 108].

Рассказывая о своем детстве, Владимир Келлер вспоминал: «Труднее всех, конечно, пришлось маме. Ее могли даже убить. От отчаяния и голода она как-то решила на кражу из чужого погреба картошки. В тот вечер в клуб привезли кино, и вся деревня отправилась смотреть картину. <...> Видимо кто-то заметил и сообщил в клубе о воровстве. Прибежали, вытащили воровку из погреба и все стали жестоко ее избивать. Свалили, пинали ногами. Подошел человек:

— Что вы делаете, она мать пятерых маленьких детей! Кто их кормить будет!

Самосуд был окончен, люди разошлись. Мать почти без сознания увели домой. Она потом долго лежала после побоев, не могла подняться.

На следующее утро братишки обнаружили у входа немного картошин — чья-то добрая душа пожалела бедных переселенцев» [16, с. 80].

Однако по мере совместной работы ситуация менялась. Ключевую роль в изменении восприятия играл именно физический труд и бытовая неустроенность, которые сплачивали людей перед лицом общих трудностей. Так, Александр Гриневальд рассказывает, что, когда его отца забрали в трудовую армию, то мама осталась одна с тремя детьми, которым было четыре и два года, а младшему шел второй месяц: «Весь день холодные и голодные мы ждали маму с работы. Она приходила домой усталая, но надо было ведь чем-то накормить нас, протопить печь, а усыпив нас, она брала сани и шла за дровами очень далеко. Не знаю, выжил бы я, если бы не соседка — простая русская женщина, у которой муж и два сына были на фронте, а с ней жили три внука. Эта женщина держала корову, и несмотря на то, что у самой было много внуков, утром и вечером приносила нам по стакану молока. Низкий поклон этой женщине за ее доброту и помощь нам в это тяжелое время»².

Трансформация отношения к спецпоселенцам часто шла от подозрения к уважению через труд. В автобиографии Вильгельма Беккера

¹ Из воспоминаний А. Ю. Крюгера (Кемерово). Записаны Натальей Михайловной Маркдорф в 2023 г.

² Гриневальд А. История моей семьи // Вестник Координационного совета общественных объединений немцев Кемеровской области. 2020. № 7. С. 93.

описан случай, произошедший в леспромхозе: русские рабочие, поначалу сторонившиеся немцев, стали относиться к ним с уважением после того, как те, работая наравне со всеми на морозе, перевыполнили норму по заготовке леса, чтобы спасти от голода не только свои семьи, но и помочь осиротевшей семье погибшего русского лесоруба [24, с. 78—79]. Так приходило осознание общей судьбы: война и лишения были общими, а национальность отступала на второй план перед человеческими качествами. Ольга Муршель (Олинда Ваккер) в своих автобиографических воспоминаниях отмечала: «Весной, когда с полей начал сходить снег, Мария Федоровна и ее сын Саша пошли на поиски картошки, оставшихся колосков и т. п. За околицей у речки недалеко от дороги они нашли портфель, наполненный деньгами. Первая мысль была, что теперь можно купить всего и много, забыть постоянное чувство голода. Но, подумав, что портфель, вероятно, потерял председатель сельсовета Бабичев, у которого несколько дней назад пропали деньги, собранные им у жителей деревень совета как налог, и что это деньги народные, мать с сыном понесли портфель к председателю. В душе оба надеялись получить от Степана в награду ведро картошки или немного муки. Бабичев был рад до безумия! Но кроме „спасибо, Мария” мать с сыном ничего не получили»¹.

Подчеркивая социальное и этническое равенство в послевоенное время, Владимир Келлер отмечал: «Но мы уже все настолько привыкли к шахтерским заботам, что и не думали что-то менять в жизни. Мы сдружились с русскими, украинцами, татарами — для нас было неважно, кто работает на участке, лишь бы не лукавил. <...> Горняцкое дело для нас, переселенцев, остается главным предназначением»².

Тема выживания и трудовых будней занимает центральное место в автобиографиях. Описание повседневного труда в экстремальных условиях (лесопопал, строительство, работа в шахтах и на промышленных объектах) присутствует практически в каждом тексте³. Однако этот труд описывается не как добровольный, а как вынужденный, тяжелый, но необходимый для выживания. Вильгельм Гизбрехт подробно фиксирует процесс обустройства на новом месте, строительство жилья, организацию быта в юртах и землянках — все то, что требовало колоссальных физических усилий⁴.

Вальтер Кнауэр считал, что в отличие от других национальностей немцы были наиболее жизнеспособны в годы войны, в частности в условиях трудовой армии, обусловленной и узаконенной военным временем повинности, с отрывом от семей, с непосильной работой, с угрозами наказаний за непокорность или нарушение режима. «Если в действующей армии на фронте солдат находится полностью на обеспечении государства, то „боец” трудовой армии должен был

¹ Из воспоминаний Ольги Георгиевны Муршель (Олинда Ваккер). Записаны Верой Александровной Старовойтовой, руководителем Центра немецкой культуры г. Анжеро-Судженска в 2012 г. Используются с разрешения потомков семьи Муршель.

² Келлер В. К. Келлер — это мы...

³ Келлер В. К. Из Поволжья в Кузбасс // Огни Кузбасса. 2022. Вып. 1. URL: <https://ognikuzbassa.tilda.ws/tpost/sck9sj72v1-vladimir-keller-iz-povolzhya-v-kuzbass-c> (дата обращения: 20.02.2026).

⁴ Из жизни Вильгельма Гизбрехта // Живой Ангарск. 2015. 14 нояб. URL: <https://liveangarsk.ru/news/20151114/iz-zhizni-vilge> (дата обращения: 06.03.2026).

жить по принципу: живи на то, что заработал. Мы платили за одежду, обувь, питание. При невыносимых условиях работы была мизерная оплата. Постоянное недоедание, даже голодовка» [16, с. 165].

Из воспоминаний Эммы Готфрид (Файт): «Мы копали траншеи для прокладки газопровода, рабочими инструментами были только кайло и лопата. Ночью, когда поступал груз на станцию, нам велели разгружать вагоны, а утром снова шли на копку траншей. Работали мы с семи утра до семи вечера. Одежда, в которой приехали, вскоре пришла в негодность. Она не успевала просохнуть, мы промерзли до костей. На сутки нам полагалось 700 граммов хлеба и сухой паек, который мы старались поменять на картошку. Чувство голода никогда не покидало нас. Многие от родителей получали посылки, письма, я же нет, так как мама (мачеха) сменила место жительства и мне некуда было писать.

На душе было горько. Мне тогда было не полных шестнадцать лет. В это время, чтобы выжить, мы за еду местным жителям помогали на сельскохозяйственных работах. И в очередной раз после тяжелой работы, легли спать прямо на полу у хозяйки, а утром она нас разбудила радостным криком: „Вставайте, девочки! День Победы!“ Эта весть нас всех очень обрадовала — кто плакал, кто смеялся, но все были очень счастливы. На работе в это утро нам дали двойную порцию манной каши и объявили выходной» [25, с. 48].

Тема сохранения этнической идентичности и языкового сдвига отражает сложный процесс трансформации идентичности. С одной стороны, авторы фиксируют попытки сохранить немецкий язык, традиции, веру, особенно в семьях. С другой стороны, они описывают неизбежный процесс русификации, особенно у детей. Т. С. Киссер подчеркивает, что понятие *Volk auf dem Weg* отражает не только многочисленные миграции, но и этнокультурную динамику, обновление сообщества [7].

Так, Готхольд (Константин) Фридрихович Келлер пишет, что все немцы были приобщены к христианской вере, следовали традициям своих предков по сохранению устоев лютеранской веры, в семьях старались поддерживать родственные отношения, поддерживать и помогать во всем, особенно во время строительства жилья [16, с. 83].

И еще один фактор, заслуживающий внимания: понимание того, как оценивали авторы автобиографий свой вклад в экономику, культуру, а главное — в Великую Победу над общим врагом. Авторы с гордостью пишут о том, что их руками создавались промышленные предприятия, строились города, осваивались таежные территории. Как отмечает Д. В. Свирина, трудовой опыт и трудовые заслуги спецпоселенцев стали призмой рассмотрения советского прошлого. При этом в самооценке присутствует амбивалентность: с одной стороны, труд осмысливается в советских категориях — ударничество, выполнение плана, с другой — как проявление исконно немецкого качества — трудолюбия. Авторы автобиографий, включенных в личные дела спецпоселенцев, фиксируют высокий профессиональный уровень многих депортированных: среди них были инженеры, учителя, научные сотрудники, продолжавшие работать по специальности [26].

Самооценка вклада в Победу в Великой Отечественной войне занимает особое место в автобиографиях российских немцев. Тысячи

немцев работали на оборонных предприятиях, в шахтах, на лесоповале, обеспечивая фронт всем необходимым. В автобиографиях эта тема звучит как тихая, но твердая констатация факта: несмотря на статус врагов народа, они внесли свой вклад в разгром фашизма. В ряде автобиографических воспоминаний авторы акцентируют внимание на том, что и в условиях спецпоселений их труд часто имел прямое отношение к обеспечению оборонной промышленности углем и металлом [27]. Из интервью Амалии Ивановны Дегнер: «Работали мы на заводе „Прогресс“, делали снаряды и деревянные упаковочные ящики для них. Работали под девизом „Все для фронта, все для Победы!“». С русскими рабочими на заводе отношения были очень хорошими. Все работали изо всех сил, чтобы приблизить долгожданную победу над врагом»¹.

Самооценка культурного вклада отражает культурную миссию российских немцев. Учителя обучали детей немецкому языку и культуре, врачи несли медицинские знания, инженеры и агрономы — передовые методы хозяйствования. В автобиографической прозе подчеркивается, что немецкая аккуратность, дисциплина, профессионализм становились своеобразным культурным капиталом, обогащавшим среду спецпоселения. При беспросветной бедности военных и послевоенных лет в молодых немецких семьях, образовавшихся далеко от родины, в Сибири, всегда был порядок, взаимопонимание, тепло и уют [16, с. 92]. «Я считаю, что моим родителям помогли выжить поразительная работоспособность, выдумка и изобретательность, умение в любых условиях наладить быт, выстроить нормальные отношения и в своей семье, и с другими людьми», — пишет Фрида Яковлевна Готфрид, дочь депортированных крымских немцев².

Сведения об образовании и профессии позволяют реконструировать социальный портрет спецпоселенцев, среди которых встречались не только разнорабочие, но и бухгалтеры, учителя, ученые. В делах сохранились документы, проливающие свет на повседневную жизнь и межличностные отношения — ходатайства о воссоединении семей, письма с жалобами.

Таким образом, приведенные нами свидетельства демонстрируют ключевые темы автобиографического нарратива: травму депортации, бытовые условия выживания, проблему идентичности и стигматизации, стратегии адаптации и межэтнические отношения.

Несмотря на высокую ценность автобиографических текстов, необходимо подвергнуть их критическому анализу как исторического источника. Можно выделить несколько проблем, ограничивающих достоверность и репрезентативность этих материалов. Субъективность и избирательность памяти обуславливают фундаментальное свойство любого автобиографического текста. Авторы не просто фиксируют события, но интерпретируют их, пропуская сквозь призму своего мировоззрения и последующего опыта. Как отмечает Л. П. Репина, «автобиографическая память избирательна: она сохраняет одни события и элиминирует другие, драматизирует третьи» [28, с. 23].

¹ Из воспоминаний Амалии Ивановны Дегнер (Кемерово). Записаны Натальей Михайловной Маркдорф в 2023 г.

² Из воспоминаний Фриды Яковлевны Готфрид. Записаны Софьей Александровной Симаковой.

В случае травматического опыта депортации этот эффект усиливается: психологические защитные механизмы могут блокировать воспоминания о наиболее болезненных эпизодах или, напротив, гипертрофировать их. Так, А. А. Линченко подчеркивает, что разговор о травматическом опыте зависит от самого типа автобиографического рассказа [8].

Автобиографические тексты часто содержат фактические ошибки, неточности в датах, именах, географических названиях. Это связано с естественным забыванием, с тем, что многие события не фиксировались авторами синхронно. Для исследователя это означает необходимость перекрестной проверки автобиографических данных с другими источниками — архивными документами, материалами переписей, статистическими отчетами.

На автобиографические тексты большое влияние оказывали цензура и самоцензура. Автобиографии, создававшиеся в советский период, испытывали влияние государственной идеологии. Особенно это характерно для служебных автобиографий из личных дел, которые, как правило, составлялись по предложенному официальному шаблону, фиксировали основные автобиографические данные, скупое отражающие жизненный путь человека. В постсоветский период, напротив, могла проявляться тенденция к подчеркиванию трагизма пережитого или отражению героики жизненного пути.

Языковая проблема представляет особую сложность для российских немцев, многие из которых были билингвами. Тексты на русском языке могут содержать искажения смысла, связанные с недостаточным владением языком, а тексты на немецком языке могли создаваться людьми, использующими архаичные или диалектные формы. Например, О. А. Александров и З. М. Богословская подчеркивают важность учета диалектных особенностей и изменения аксиологической трактовки языковых явлений [5].

В художественно-документальных произведениях авторы зачастую сознательно используют приемы художественного обобщения. Граница между фактом и вымыслом здесь часто размыта, что не снижает ценности таких произведений для изучения идентичности и культурных механизмов осмысления травмы, но требует осторожности при использовании их в качестве фактической основы исторического исследования.

Учитывая сказанное, подчеркнем, что работа с источниками личного происхождения (автобиографические тексты) требует от исследователей сопоставления автобиографических данных с максимально широким кругом других (архивных, документальных) источников с учетом контекста их создания и критического осмысления текста, а также использования методов нарративного и дискурс-анализа. Только при соблюдении этих условий автобиографические тексты могут стать надежным и продуктивным историческим источником.

Развитие цифровых гуманитарных наук (Digital Humanities) открывает перспективы для создания электронных корпусов текстов автобиографий. Частотный анализ лексики, картографирование мест ссылки и создание баз данных позволяют выйти на новый уровень обобщения.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд выводов. Источниковедческая ценность автобиографий российских немцев-спецпоселенцев заключается в их уникальной способности реконструировать историю повседневности, психологию выживания, межнациональные отношения и самооценку этой группой своего трудового и культурного вклада. Материалы региональных сборников и личных дел фиксируют опыт конкретных локальных групп, демонстрируя как общие закономерности, так и региональную специфику.

Классификация автобиографий по происхождению, времени создания, жанру и языку, тематике текстов позволяет дифференцированно подходить к анализу различных типов источников: от официальных служебных автобиографий до развернутых художественных романов, от синхронных дневников до мемуаров.

Ключевые темы автобиографического нарратива образуют устойчивый круг: униженное положение и социальная незащищенность спецпоселенца, в том числе механизмы институциональной стигматизации; повседневный труд в экстремальных условиях как необходимое условие выживания; сохранение этнической идентичности и неизбежный языковой сдвиг; амбивалентные межнациональные отношения. Авторы ретроспективно оценивают свой вклад в экономику, Победу в войне и культуру, сочетая гордость за свой труд и профессиональные достижения с горечью от осознания своего униженного положения. Формирование гибридной идентичности, выраженной в формуле «чужой среди своих», становится лейтмотивом ретроспективного осмысления жизненного пути.

Критический подход к данному виду источников личного происхождения необходим, поскольку автобиографии имеют существенные ограничения, преодоление которых требует комплексного источниковедческого анализа и перекрестной верификации с другими типами источников. Сохранение культурного наследия приобретает особую значимость в условиях ухода последних носителей памяти. Фиксация и анализ автобиографических текстов становятся «спасательной операцией» для сохранения уникального культурного пласта российских немцев.

Таким образом, изучение автобиографий российских немцев-спецпоселенцев отвечает не только академическим задачам современной науки, но и общественному запросу на сохранение памяти о сложных страницах прошлого. Эти источники превращают безликую массу спецконтингента в совокупность индивидуальных судеб, позволяя понять субъективное измерение трагедии депортации, формирование сложной гибридной идентичности и осознание своего места в истории — как жертв репрессий и одновременно как созидателей, внесших неоспоримый вклад в экономическое и культурное развитие регионов СССР. Проведенный анализ позволяет утверждать, что автобиографические тексты российских немцев-спецпоселенцев обладают самостоятельной источниковедческой ценностью, раскрывая субъективное измерение депортации и механизмы формирования гибридной идентичности, транслируемой последующим поколениям.

Список источников

1. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930—1960. М. : Наука, 2005. 306 с.
2. Шепталин А. А. Немцы-спецпоселенцы в Удмуртской АССР в 1945—1955 гг. // Российская история. 2024. № 3. С. 152—162.
3. Смирнова Т. Б. Немцы Сибири: этнические процессы. Омск : Изд-во ОмГУ, 2002. 264 с.
4. Беренд Н. Н., Смирнова Т. Б. Феномен идентичности российских немцев: лингво-культурологический аспект // Вопросы языкознания. 2018. № 4. С. 87—102.
5. Александров О. А., Богословская З. М. Реконструкция метаязыковой биографии субэтноса как аспект изучения эволюционных процессов в этноконтактных зонах: на материале немецких диалектов российских немцев // Русин. 2022. Т. 70. С. 244—259.
6. Бруль В. И. Депортированные народы в Сибири: стратегии выживания (по материалам полевых исследований) // Этнографическое обозрение. 2019. № 3. С. 45—59.
7. Киссер Т. С. Volk auf dem Weg (Народ в пути): миграции российских немцев в фольклоре и литературном творчестве // Уральский исторический вестник. 2018. № 3 (60). С. 57—65.
8. Линченко А. А. Миграционный опыт и травмы индивидуальной памяти в автобиографических рассказах русских немцев в ФРГ: опыт социологического исследования // Современные вопросы социологии. 2018. № 3 (8). С. 72—83.
9. Маркдорф Н. М. Социально-психологическая адаптация репатриантов в послевоенной Германии // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 1. С. 78—82. EDN OWXRML.
10. Маркдорф Н. М. Институциональная, социально-психологическая стигматизация немцев-спецпоселенцев // Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII—XXI вв.) : материалы междунар. науч. конф., Новосибирск, 28—29 нояб. 2016 г. Новосибирск : Параллель, 2017. С. 434—439. EDN ZSHOGJ.
11. Шастина Е. М. Проза российских немцев второй половины XX века: поэтика травмы и памяти. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2020. 188 с.
12. Ивыгина А. А., Данилова Ю. Ю. Этнонимы «русский» и «немец» как маркеры самоидентификации личности: на материале автобиографического романа российского немца Якова Иккеса «На задворках распятой страны» // Philologos. 2017. № 34 (3). С. 115—121.
13. Юмашева Ю. Ю. Просопография: к вопросу о периодизации применения метода в исторических исследованиях // Историческая информатика. 2022. № 1. С. 1—51. DOI: 10.7256/2585-7797.2022.1.37566.
14. Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах : [кол. моногр.] / Н. В. Веселкова, К. В. Годунов, Я. А. Голубинов [и др.]. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2021. 408 с. EDN XTHNPI.
15. Ленинградские немцы на спецпоселении в Кемеровской области: 1940—1950-е годы / авт.-сост. Н. М. Маркдорф. СПб. : Нестор-История, 2017. 224 с. EDN XYQMXJ.
16. Немцы Кузбасса: к 80-летию депортации : науч.-публицист. сб. / сост. В. К. Келлер, Р. С. Бикметов ; науч. ред. В. М. Кириллов. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2021. 224 с.
17. Арапханова Л. Я. Личное дело выселенца — исторический источник по изучению режима спецпоселения // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 1. С. 127—144.
18. Бургарт Л. А. Судьба человека — судьба народа: личные дела немцев-спецпоселенцев как источник по проблеме депортации и режима спецпоселения // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев : материалы науч. конф. (Москва, 18—20 нояб. 1998 г.). М. : Звенья, 1998. С. 180—187.
19. Маркдорф Н. М., Долголюк А. А. Ленинградские немцы на спецпоселении в Кемеровской области (1941—1956 гг.) // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2015. № 1. С. 174—84. EDN WKCOTH.
20. Маркдорф Н. М. Специфика персонального фильтрационно-учетного делопроизводства на немцев в Кузбассе // Два с половиной века с Россией: актуальные проблемы и дискуссионные вопросы истории и историографии российских немцев :

- материалы 14 Междунар. науч. конф. (Кисловодск, 25—29 сент. 2013 г.). Кисловодск : МСНК-пресс, 2014. С. 481—488. EDN UJHOWN.
21. Маркдорф Н. М. Стигматизация российских немцев-спецпоселенцев в Сибири // Образование, жизнь и судьба немецких поселений в России : материалы 15-й Междунар. науч. конф., посвященной 250-летию г. Маркса и 20-летию Междунар. ассоц. исследователей истории и культуры рос. немцев (Маркс, 5—9 авг. 2015 г.). Маркс : РусДойч Медиа, 2016. С. 292—302. EDN VPFTDG.
 22. Черказьянова И. В. Ленинградские немцы: судьбы военных поколений (1941—1945 гг.). СПб. : Нестор-история, 2011. 400 с.
 23. Судьба российских немцев в письмах и мемуарах / сост. А. А. Герман. М. : МСНК-пресс, 2005. С. 214.
 24. Беккер В. К. Жизнь в тайге: воспоминания спецпоселенца (1942—1956). Новосибирск : Наука, 2008. С. 78—79.
 25. Вестник Координационного совета общественных объединений российских немцев Кемеровской области. 2020 г. № 7 (декабрь) / Кемеровская региональная ассоциация общественных объединений «Координационный совет немцев». Кемерово : Кузбассвуиздат, 2020. 132 с.
 26. Свирина Д. В. Особенности представлений о труде у российских немцев (по материалам интервью) // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 11 (149). URL: <https://research-journal.org/archive/11-149-2024-november/10.60797/IRJ.2024.149.112> (дата обращения: 06.03.2026).
 27. Бикметов Р. С. Трудомобилизованные немцы на шахтах Кузбасса // «...В рабочие колонны на всё время войны»: очевидцы и исследователи о немцах в трудовой армии : сб. науч. ст. и воспоминаний. М. : МСНК-пресс, 2012. С. 208—215.
 28. Репина Л. П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 21—38.

References

1. Zemskov V.N. Special Settlers in the USSR. 1930-1960. Moscow, Nauka, 2005, 306 p.
2. Sheptalin A.A. Germans-Special Settlers in the Udmurt ASSR in 1945-1955, Russian History, 2024, no. 3, pp. 152-162.
3. Smirnova T.B. Siberian Germans: Ethnic Processes. Omsk, Publ. OmGU, 2002, 264 p.
4. Berend N.N., Smirnova T.B. The Phenomenon of Identity among Russian Germans: A Linguistic and Cultural Aspect, Issues of Linguistics, 2018, no. 4, pp. 87-102.
5. Aleksandrov O.A., Bogoslovskaya Z.M. Reconstruction of Metalinguistic Biography of Subethnos as Aspect of Evolutionary Processes Study in Ethnocontact Zones: Based on the German Dialects of Russian Germans, Rusin, 2022, vol. 70, pp. 244-259.
6. Brul V.I. Deported Peoples in Siberia: Survival Strategies (Based on Field Research Materials), Ethnographic Review, 2019, no. 3, pp. 45-59.
7. Kisser T.S. (People on the Road): Migrations of Russian Germans in Folklore and Literary Creativity, Ural Historical Bulletin, 2018, no. 3 (60), pp. 57-65.
8. Linchenko A.A. Migration Experience and Traumas of Individual Memory in the Autobiographical Stories of Russian Germans in the FRG: Sociological Research Results, Modern issues of sociology, 2018, no. 3 (8), pp. 72-83.
9. Markdorf N.M. Social and Psychological Adaptation of Repatriates in Post-war German, Humanities in Siberia, 2012, no. 1, pp. 78-82. EDN OwxRML.
10. Markdorf N.M. Institutional, Social and Psychological Stigmatization of Germans-Special Settlers, Asian Russia: Problems of Socio-Economic, Demographic and Cultural Development (17th–21st centuries), materiali mezhdunar. nauch. konf., Novosibirsk, 28-29 November, 2016. Novosibirsk, Parallel, 2017, pp. 434-439. EDN ZSHOGJ.
11. Shastina Ye.M. Prose by Russian Germans in the Second Half of the 20th Century: The Poetics of Trauma and Memory. Kazan, Publ. Kazan. un-ta, 2020, 188 p.
12. Ivigina A.A., Danilova Yu.Yu. Ethnonyms “Russian” and “German” as Markers of Self-identification: Based on the autobiographical novel On the Outskirts of the Crucified Country by the Russian German Yakov Ickes, Philologos, 2017, no. 34 (3), pp. 115-121.

13. Yumasheva Yu.Yu. Prosopography: On the Issue of Periodization of the Application of the Method in Historical Research, *Historical Informatics*, 2022, no. 1, pp. 1-51. DOI: 10.7256/2585-7797.2022.1.37566.
14. Veselkova N.V., Godunov K.V., Golubinov Ya.A. [et al.] *Ego-Documents: Russia in the first half of the 20th Century in Inter-Source Dialogues*, [kollektivnaya monografiya]. Moscow, Yekaterinburg, Kabinetnii uchenii, 2021, 408 p. EDN XTHHPI.
15. Markdorf N.M. (ed.) *Leningrad Germans in Special Settlement in the Kemerovo region: 1940s–1950s*. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2017, 224 p. EDN XYQMXJ.
16. Keller V.K., Bikmetov R.S., Kirillov V.M. (eds.) *Germans of Kuzbass: On the 80th Anniversary of the Deportation*, nauch.-publitsist. sb. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 2021. 224 s.
17. Arapkhanova L.Ya. Personal File of a Deportee as a Historical Source for Special Settlement Regime Study, *Modern History of Russia*, 2022, vol. 12, no. 1, pp. 127-144.
18. Burgart L.A. The Fate of a Man is the Fate of a Nation: Personal Files of Germans-Special Settlers as a Source on the Issue of Deportation and Special Settlement Regime, The Punished People. Repressions against Russian Germans, *materiali nauch. konf. (Moscow, 18-20 November, 1998)*. Moscow, Zvenya, 1998, pp. 180-187.
19. Markdorf N.M., Dolgolyuk A.A. Leningrad Germans in Special Settlement in the Kemerovo Region (1941-1956), *Yearbook of the International Association of Researchers of the History and Culture of Russian Germans*, 2015, no. 1, pp. 174-84. EDN WKCOTH.
20. Markdorf N.M. Specifics of Personal Filtration and Accounting Records Management for Germans in Kuzbass, Two and a Half Centuries with Russia: Current Problems and Controversial Issues in the History and Historiography of Russian Germans, *materiali 14 Mezhdunar. nauch. konf. (Kislovodsk, 25-29 September, 2013)*. Kislovodsk: MSNK-press, 2014, pp. 481-488. EDN UJHOWH.
21. Markdorf N.M. Stigmatization of Russian Germans- Special Settlers in Siberia, Education, Life and Fate of German settlements in Russia, *materiali 15 Mezhdunar. nauch. konf., posvyashchennoi 250-letiyu g. Marks a i 20-letiyu Mezhdunar. assots. issledovatelei istorii i kulturi ros. nemtsev (Marks, 5-9 August 2015)*. Marks, RusDoich Media, 2016, pp. 292-302. EDN VPFTDG.
22. Cherkazyanova I.V. *Leningrad Germans: the Fates of War Generations (1941-1945)*. Saint Petersburg, Nestor-istoriya, 2011, 400 p.
23. German A.A. (ed.) *Fate of Russian Germans in Letters and Memoirs*. Moscow, MSNK-press, 2005, p. 214.
24. Bekker V.K. *Life in the Taiga: Memoirs of a Special Settler (1942-1956)*. Novosibirsk, Nauka, 2008, pp. 78-79.
25. Bulletin of the Coordinating Council of Public Associations of Russian Germans of the Kemerovo Region. 2020, no. 7 (December), Kemerovo Regional Association of Public Associations "Coordinating Council of Germans", Kemerovskaya regionalnaya assotsiatsiya obshchestvennikh obedinenii "Koordinatsionnii sovet nemtsev". Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 2020, 132 p.
26. Svirina D.V. Features of Ideas about Work among Russian Germans (Based on Interviews), *International Research Journal*, 2024, no. 11 (149). Available at: <https://research-journal.org/archive/11-149-2024-november/10.60797/IRJ.2024.149.112> (accessed: 06.03.2026).
27. Bikmetov R.S. Mobilized Germans in the Kuzbass Mines, "...Into Labor Columns for the Entire War": *Eyewitnesses and Researchers on Germans in the Labor Army*, sb. nauch. st. i vospominanii. Moscow, MSNK-press, 2012, pp. 208-2015.
28. Repina L.P. Historical Memory and Modern Historiography, *Modern and Contemporary History*, 2004, no. 5, pp. 21-38.

Информация об авторе

Симакова Софья Александровна — начальник управления культуры, молодежной политики и спорта Яшкинского муниципального округа, председатель Кемеровской региональной ассоциации общественных объединений «Координационный Совет немцев», соискатель ученой степени кандидата наук, Кемерово, Российская Федерация. E-mail: simasofya@yandex.ru

Information about the author

Sofia A. Simakova — Head of the Department of Culture, Youth Policy, and Sports of the Yashkinsky Municipal District, Chairperson of the Kemerovo Regional Association of Public Organizations “Coordinating Council of Germans”, candidate of science degree, Kemerovo, Russian Federation. E-mail: simasofya@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 03.02.2026; одобрена после рецензирования 19.03.2026; принята к публикации 30.03.2026.

The article was submitted 03.02.2026; approved after reviewing 19.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

Сибирь гуманитарная. 2026. № 2. С. 77—85.

Siberia Humanitarian. 2026;(2):77—85.

Государство и право

Научная статья

УДК 378.115(470)(091)

EDN OIUYGD

Сравнительное исследование института университетских дисциплинарных судов в Российской империи

Климентий Олегович Ходкевич

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация, khodkevich-ko@ranepa.ru

Аннотация. В статье проводится историко-правовое сравнение университетских дисциплинарных судов на основе анализа Устава Императорского московского университета от 5 ноября 1804 года, Общего устава императорских российских университетов от 18 июня 1863 года и Временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 24 августа 1902 года. Университетский устав 1804 г. положил начало развитию института дисциплинарных судов в студенческой среде. Широкая подсудность дел свидетельствует о желании законодателя разгрузить суды общей юрисдикции и передать дела, связанные с преступлениями и проступками должностных лиц университета и студентов, в ведение университетских дисциплинарных судов. Свое дальнейшее развитие институт дисциплинарных судов получил в Общем уставе императорских российских университетов 1863 г. Законодатель уделяет большее внимание требованиям, предъявляемым к кандидатам в судьи и самим судьям. Значительно сужается круг дел, подсудных университетским дисциплинарным судам. Временные правила о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения 1902 г. делают акцент на процессуальной стороне деятельности дисциплинарных судов. Обязательным становится закрытый характер судопроизводства. На основании проведенного анализа автор приходит к выводам, что дисциплинарные суды в высших учебных заведениях Рос-

сийской империи прошли сложный путь от квазисудебного органа, призванного разгрузить суды общей юрисдикции от дел, обвиняемыми в которых являлись студенты или должностные лица университета, до корпоративного суда, рассматривающего нарушения внутренних правил университетов и применяющего исключительно дисциплинарные взыскания.

Ключевые слова: государство и право, дисциплинарный суд, профессорский дисциплинарный суд, университетский суд, суды, судебная власть, квазисудебные органы, антиобщественные и аморальные проступки, дисциплинарные взыскания

Для цитирования: Ходкевич К. О. Сравнительное исследование института университетских дисциплинарных судов в Российской империи // Сибирь гуманитарная. 2026. № 2. С. 77—85. EDN OIUYGD.

State and law

Original article

University Disciplinary Courts Institution in the Russian Empire in Comparative Study

Klimenty O. Khodkevich

Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation,
khodkevich-ko@ranepa.ru

Abstract. The article provides a historical and legal comparison of university disciplinary courts based on an analysis of the Charter of the Imperial Moscow University of November 5, 1804; the General Charter of the Imperial Russian Universities of June 18, 1863; and the Provisional Rules on the Professorial Disciplinary Court at Higher Education Institutions of the Ministry of Public Education of August 24, 1902. The University Charter of 1804 marked the beginning of the development of the institution of disciplinary courts among students. The broad jurisdiction of cases testifies to the legislator's desire to relieve the courts of general jurisdiction and transfer cases related to crimes and misdemeanors of university officials and students to the jurisdiction of university disciplinary courts. The institution of disciplinary courts was further developed in the General Charter of the Imperial Russian Universities of 1863. The legislator pays greater attention to the requirements imposed on candidates for judges and the judges themselves. The range of cases within the jurisdiction of university disciplinary courts was significantly narrowed. The Provisional Rules on the Professorial Disciplinary Court at Higher Education Institutions of the Ministry of Public Education of 1902 emphasized the procedural aspects of disciplinary courts. Closed proceedings became mandatory. Based on the analysis, the author concludes that disciplinary courts in higher education institutions of the Russian Empire underwent a complex transformation from a quasi-judicial body designed to relieve general jurisdiction courts of cases involving students or university officials, to a corporate court hearing violations of internal university rules and applying exclusively disciplinary sanctions.

Keywords: state and law, disciplinary court, professorial disciplinary court, university court, courts, judicial authority, quasi-judicial bodies, bodies, antisocial and immoral offenses, disciplinary sanctions

For citation: Khodkevich K.O. University Disciplinary Courts Institution in the Russian Empire in Comparative Study. *Siberia Humanitarian*. 2026;(2):77—85. (In Russ.). <https://elibrary.ru/oiuygd>.

Одним из ярких проявлений квазисудебной юстиции являются университетские дисциплинарные суды в Российской империи.

Цель статьи — историко-правовое исследование дисциплинарной юстиции, рассмотрение становления и развития дисциплинарных судов в высших учебных заведениях Российской империи, правовое сравнение Устава Императорского Московского университета 1804 г.¹, Общего устава императорских российских университетов 1863 г.² и Временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 1902 г.³

Результаты осмысления исторического опыта разрешения дисциплинарных конфликтов в системе высшего образования могут быть востребованы при совершенствовании современных средств дисциплинарного воздействия на обучающихся, а также в деятельности комиссий по урегулированию споров между участниками образовательных отношений и этических комиссий.

Исследованию профессорских дисциплинарных судов посвящены многие работы. Тема университетских судов была предметом исследования таких ученых, как В. В. Захаров [1], В. В. Суязов [2], Е. А. Ростовцев [3].

Становление и развитие дисциплинарных судов в высших учебных заведениях Российской империи представляло собой сложный процесс, отражавший поиск оптимального баланса между государственным контролем и университетской автономией. Университетские уставы 1804, 1863 и 1884 гг., а также принятые в развитие последнего Временные правила о профессорском дисциплинарном суде 1902 г. демонстрируют эволюцию подходов законодателя к разрешению внутриуниверситетских конфликтов и применению мер дисциплинарного воздействия в отношении студентов.

Первым этапом институционализации университетской юстиции выступил Устав Императорского московского университета 1804 г., который регламентировал полномочия ректора по разрешению споров между должностными лицами университета. Согласно § 146 устава, в случае невозможности урегулирования спора мирным путем ректор был обязан принять на себя функции судьи, действуя в качестве председателя университетского правления. Устав прямо предусматривал, что разрешение дела по существу ректором составляет первую судебную инстанцию университета. Основной формой судопроизводства признавалась устная, однако в «прочих случаях» устанавливался письменный порядок с обязательным участием секретаря и членов правления. При этом устав не конкретизировал, какие

¹ Высочайше утвержденный Устав Императорского Московского университета от 5 ноября 1804 г. // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/58101851/> (дата обращения: 09.04.2026).

² 1863. Июня 18. Общий Устав Императорских Российских Университетов // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/430899-1884-avgusta-25-locale-nil-ustav-imperatorskih-rossiyskih-universitetov-23-go-avgusta-1884-goda> (дата обращения: 09.04.2026).

³ Временные правила о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 24 августа 1902 г. // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ГИА СПб). Ф. 14 Оп. 1. Д. 9703. Л. 2—3.

именно дела относились к «прочим случаям», требующим письменной процедуры.

Решение ректора имело окончательный (безапелляционный) характер и не подлежало пересмотру по жалобам, если цена иска не превышала 15 руб., а также по делам о проступках и оскорблениях, максимальное наказание за которые не выходило за пределы ареста (заключение под стражу на срок не более трех дней) либо выговора.

Наряду с ректором правом вынесения судебных решений обладало правление университета. По делам иных категорий решение могло приниматься ректором, однако по ходатайству истца (просителя) дело подлежало передаче на рассмотрение правления. В соответствии с § 147—149 устава споры, сторонами в которых выступали профессора, адъюнкты и другие должностные лица университета, рассматривались исключительно правлением.

Правление университета имело право привлекать профессоров-юристов к участию в заседаниях по наиболее важным делам. Решения принимались простым большинством голосов. Защитник или представитель стороны при разбирательстве обладал совещательным голосом.

Устав предусматривал возможность принесения жалобы на действия ректора, оговаривая при этом требование «должного уважения». В случае признания жалобы необоснованной правление было вправе наложить денежное взыскание в размере до 25 руб. Если жалоба признавалась обоснованной, рассмотрение дела в отношении ректора передавалось попечителю университета.

Апелляционному пересмотру не подлежали: приговоры по жалобам, цена иска по которым не превышала 50 руб.; дела о проступках студентов, максимальный срок наказания за которые составлял не более 14 дней; приговоры по жалобам на должностных лиц университета, если предусмотренное наказание не могло быть строже выговора либо денежного взыскания свыше 24 руб.; а также приговоры по жалобам на «университетских особ» по делам, касающимся «соблюдения благочиния».

По всем иным категориям дел стороны имели право получить копию решения правления и, в случае несогласия с принятым актом, обжаловать его в апелляционном порядке в совете университета. Срок подачи апелляции составлял восемь дней со дня объявления решения. Подача апелляционной жалобы приостанавливала вступление решения в законную силу до рассмотрения дела советом университета.

Свое развитие институт университетских судов получил в Общем уставе императорских российских университетов 1863 г. В данном уставе университетскому суду было посвящено отделение 3. Согласно его предписаниям, совет университета ежегодно избирал из числа профессоров трех судей и трех кандидатов на судейские должности. Избранные лица утверждались в должности попечителем учебного округа. Хотя бы один из судей и один из кандидатов должны были быть юристами, т. е., как указывал устав, принадлежать к юридическому факультету. В соответствии с § 57 устава выборы в университетский суд проводились посредством баллотировки. Председатель-

ствующий в суде обязательно должен был иметь юридическое образование. В случае, если в состав суда входило более одного юриста, председательствующим признавался тот, кто получил при баллотировке большее число голосов.

Избрание членов университетского суда и утверждение его состава относилось к компетенции совета университета, который формировался под председательством ректора. К полномочиям совета университета в сфере судопроизводства относились: утверждение постановлений университетского суда в подлежащих случаях; избрание судей и кандидатов в университетские судьи; предоставление на утверждение правлению университета правил о делопроизводстве в университетском суде.

Университетское правление также было наделено правом передавать дела на рассмотрение в университетский суд. Правление представляло собой орган управления под председательством ректора, в состав которого входили деканы факультетов и проректор. В § 58 устава прямо указывалось, что в ведение университетского суда поступали дела, переданные ему из правления. К категории дел, передаваемых из правления и подлежащих рассмотрению в университетском суде, относились:

- дела студентов, нарушивших в зданиях и учреждениях университета внутренние правила университета;

- споры между студентами, с одной стороны, и преподавателями и должностными лицами университета — с другой, даже если они произошли вне университета.

Взыскания, налагаемые на студентов судом, проректором, ректором, правлением или инспектором, а также порядок делопроизводства в суде относились к ведению университета и утверждались попечителем. Если нарушение студентом университетских правил сопровождалось совершением уголовного преступления, то после исключения виновного университетским судом из числа студентов он направлялся с копией университетского приговора в обыкновенный уголовный суд для принятия решения на основании действовавших законов.

Как отмечает В. В. Захаров, деятельность судов регулировалась инструкциями и правилами о взысканиях, которые разрабатывались самими университетами [1]. Таким образом, устав университетов 1863 г. детальнее регламентирует требования, предъявляемые к судьям, и устанавливает их количество. Вместе с этим устав значительно ограничивает подсудность дел суду, оставляя на его рассмотрение студенческие проступки.

Следующим этапом в истории университетских дисциплинарных судов считается принятие Устава императорских российских университетов 23 августа 1884 года. В этом уставе положения, регламентировавшие деятельность университетских судов, отсутствовали, что привело к их фактическому упразднению. Разбор дел о студенческих проступках перешел в ведение университетских правлений, что в дальнейшем стало одной из причин учреждения профессорских дисциплинарных судов. Совещание Совета высших учебных заведений Министерства народного просвещения от 6 ноября 1901 г. под председательством товарища министра Г. Э. Зенгера явилось первым

шагом к возрождению особого судебного органа. По мнению Е. А. Ростовцева, учреждение профессорских дисциплинарных судов было вызвано недовольством в студенческой среде передачей дисциплинарной власти исполнительному органу, что не способствовало эффективному разрешению конфликтов [3, с. 129].

Разбирательство по студенческим делам было вверено профессорскому дисциплинарному суду на основании Временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения, утвержденных 24 августа 1902 г. Согласно правилам, совет учебного заведения выбирает пять судей и пять кандидатов в судьи, заменяющих их в случае болезни, либо двух судей и равное им количество кандидатов. В случае, если в университете есть юридический факультет, то не менее одного судьи и не менее одного кандидата в судьи должны быть от юридического факультета. Судьи и кандидаты в судьи профессорского дисциплинарного суда утверждались попечителем учебного округа. Структура суда включала председателя, секретаря и членов суда. Председатель избирался советом или иным уполномоченным органом, после чего председатель утверждал секретаря.

К категории передаваемых ректором дел, подсудных профессорскому дисциплинарному суду, относились:

- споры студентов, нарушивших в зданиях и учреждениях университета его внутренние правила;
- споры между студентами, с одной стороны, и преподавателями и должностными лицами университета — с другой, даже если они произошли вне университета;
- споры о проступках студентов, которые не нарушают нормы законодательства, но считаются предосудительными с точки зрения морали и нравственности.

Профессорские суды разрешали не только споры о праве, но и этические споры, что сближает их с современными вузовскими советами и комиссиями по этике [4].

В случае вынесения в отношении студента решения судами общей юрисдикции руководство университета имело право вносить в профессорский дисциплинарный суд вопрос о рассмотрении дела в связи с совершением студентом безнравственного поступка. Наказание в таком случае могло варьироваться от порицания до исключения из университета. Профессорский суд, получив от руководства учебного заведения материалы, решал вопрос о привлечении студента к ответственности. При недостаточности материалов суд принимал решение о дополнительном их сборе. В случае принятия решения о привлечении студента к ответственности либо об освобождении его от ответственности председатель суда немедленно сообщал об этом руководству учебного заведения, представляя список привлеченных и освобожденных от ответственности студентов.

Заседания суда назначались председателем по мере необходимости и проводились в полном составе. Судебное заседание проходило в устной форме, однако решение суда — приговор оправдательный либо обвинительный — с указанием наказания, предусмотренного правилами университета, выносилось в письменной форме, заноси-

лось в книгу решений и подписывалось всеми членами профессорского суда. Заседания проводились в закрытом режиме. Свидетели допрашивались отдельно в присутствии обвиняемого. Показания обвиняемого и свидетелей подписывались лицами, участвующими в деле, и секретарем суда. Председатель суда назначал дату и время судебного заседания и посредством повесток вызывал обвиняемого и свидетелей для явки в суд. В случае неявки обвиняемого без уважительной причины дело рассматривалось в его отсутствие. За неявку в дисциплинарный профессорский суд по вызову без уважительной причины, равно как и за дачу ложных показаний, обвиняемый подвергался взысканию, даже если решение суда носило оправдательный характер. Свидетели также несли ответственность за дачу ложных показаний.

Решение об отчислении студента не освобождало его от ответственности перед профессорским судом. Если нарушение студентом правил внутреннего распорядка университета сопровождалось совершением преступления, ректор после исключения студента из университета направлял копию решения (приговора) профессорского суда в суды общей юрисдикции для рассмотрения по существу дела о совершенном преступлении.

Все решения суда передавались руководству университета. Приговоры, не предусматривавшие исключения из университета, подписывались его руководством, после чего подлежали немедленному исполнению. Приговоры, по которым мерой наказания являлось исключение, подписывались и утверждались попечителем учебного округа.

Инструкция профессорскому дисциплинарному суду от 24 января 1908 г. внесла важные процессуальные уточнения: председатель получил право разделять членов суда на комиссии для ускорения рассмотрения дел, назначать членов суда для сбора материалов. Также была введена обязанность ежегодной отчетности перед советом университета. Деятельность дисциплинарных судов фактически прекратилась в 1914 г., а формально они были упразднены в июне 1916 г.

Анализ развития института дисциплинарной ответственности в учебных заведениях позволяет сделать вывод о том, что такие виды наказания, как денежный штраф и арест, были исключены из перечня взысканий как не имеющие непосредственного отношения к статусу обучающегося. Это позволило сформировать профессорский дисциплинарный суд как орган, налагающий дисциплинарную ответственность исключительно в пределах университетской юрисдикции.

Профессорский дисциплинарный суд обладал смешанной правовой природой. С одной стороны, его члены являлись государственными служащими и утверждались в должности попечителем, с другой стороны, они не обладали специальным судебским статусом, не получали вознаграждения за работу в суде, а их власть распространялась исключительно на студентов.

Кратко результаты сравнительного анализа рассмотренных нормативных правовых актов представлены ниже (таблица).

**Сравнительный анализ положений о дисциплинарных судах
университетских уставов 1804 г., 1863 г. и Временных правил о профессорском
дисциплинарном суде 1902 г.**

Comparative analysis of the provisions on disciplinary courts of the university statutes of 1804,
1863 and the Provisional Rules on the Professorial Disciplinary Court of 1902

Критерий сравнения	Устав 1804 г.	Устав 1863 г.	Временные правила 1902 г.
Должностное лицо или орган, отправляющий правосудие	Ректор, правление, совет университета	Трое выборных судей из профессоров	Пятеро выборных судей из профессоров
Требования к судьям	Не установлены	Обязательное наличие представителя юриди- ческого факультета	Обязательное наличие представителя юридиче- ского факультета
Подсудность	Дела должностных лиц университета, профес- соров, студентов	Дела студентов	Дела студентов
Апелляция	В совет университета на решения правления	Не предусмотрена	Решения об отчислении утверждались попечите- лем
Мера наказания	Выговор, арест, де- нежные взыскания	Определялись внут- ренними правилами вузов	Только дисциплинарные меры, связанные со ста- тусом обучающегося

Таким образом, университетские суды прошли сложный путь разви-
тия как квазисудебный орган. Широкий перечень рассматриваемых
дел на этапе появления свидетельствует о желании частично разгру-
зить судебную систему и передать дела, касающиеся университет-
ских служащих и студентов, в университетские суды. Должностные
лица и органы, уполномоченные выносить приговоры, тоже претер-
пели изменения. Требования к судьям в Уставе 1804 г. отсутствовали,
тогда как в Уставе 1863 г. и во Временных правилах 1902 г. обяза-
тельным условием было наличие в составе суда представителя юри-
дического факультета. В уставе 1804 г. была подробно регламентиро-
вана процессуальная часть обжалования, порядок обжалования и по-
рядок рассмотрения дела по существу, однако отсутствовала деталь-
ная регламентация подсудности дел университетскому суду. Суще-
ствовал лишь исчерпывающий перечень дел, не рассматриваемых
в апелляционном порядке.

Устав 1863 г. детально регламентирует категории дел, подсудных
профессорскому дисциплинарному суду, и порядок избрания канди-
датов в члены суда. В нем находит отражение перечень возможных
решений профессорского дисциплинарного суда, а также заметно
уменьшается возможность применения наказаний. Устав четко раз-
граничивает уголовное преступление и дисциплинарный проступок.
Если вместе с дисциплинарным проступком студент совершает пре-
ступление, то его рассмотрение передается по подсудности в суды об-
щей юрисдикции.

Временные правила 1902 г. продолжают развитие дисциплинарных
судов. Сохраняется требование к наличию при возможности предста-
вителей юридического факультета. Более детально регламентирован
перечень дел, подсудных профессорскому дисциплинарному суду.
Кроме того, подсудность дел расширяется за счет любых этических

и моральных споров, сторонами которых являются студенты. Значительно конкретизирована и процессуальная сторона судопроизводства. Вместе с этим профессорский дисциплинарный суд ограничен в видах наказаний, применяемых к студентам. Суд стал уполномочен применять только дисциплинарные виды наказаний, связанные со статусом студента.

Таким образом, университетский дисциплинарный суд прошел путь развития от квазисудебного органа, обладающего широкими полномочиями, до корпоративного суда, разрешающего дела по существу только между студентами и применяющего дисциплинарные меры.

Список источников

1. Захаров В. В. Основные этапы эволюции правового статуса университета в России (историко-юридический очерк) // Ученые записки : электрон. науч. журн. Курского гос. ун-та. 2013. № 1 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-etapy-evolyutsii-pravovogo-statusa-universiteta-v-rossii-istoriko-yuridicheskiy> (дата обращения: 23.03.2026).
2. Суязов В. В. Профессорский дисциплинарный суд в вузах Российской империи // Вестник науки и образования. 2015. № 5 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professorskiy-distsiplinarnyy-sud-v-vuzah-rossiyskoy-imperii> (дата обращения: 23.03.2026).
3. Ростовцев Е. А. Петербургский университет в фокусе государственной политики (1860-е — начало 1880-х гг.) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 4. С. 129—139.
4. Суязов В. В. Правосудие, справедливость и профессорский дисциплинарный суд в Российской империи // Образование и право. 2019. № 6. С. 222—234.

References

1. Zakharov V.V. Main Stages of Evolution of the Legal Status of University in Russia (Historical and Legal Essay), Scientific Notes: Electronic Scientific Journal of Kursk State University, 2013, no. 1 (25). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-etapy-evolyutsii-pravovogo-statusa-universiteta-v-rossii-istoriko-yuridicheskiy> (accessed: 23.03.2026).
2. Suyazov V.V. Professorial Disciplinary Court in Universities of the Russian Empire, Bulletin of Science and Education. 2015. № 5 (7). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/professorskiy-distsiplinarnyy-sud-v-vuzah-rossiyskoy-imperii> (accessed: 23.03.2026).
3. Rostovtsev Ye.A. St. Petersburg University in the Focus of Government Policy (1860s – Early 1880s), Scientific and Technical Bulletin of SPbSPU. Humanities and Social Sciences, 2014, no. 4, pp. 129-139.
4. Suyazov V.V. Justice, Equity, and the Professorial Disciplinary Court in the Russian Empire, Education and Law, 2019, no. 6, pp. 222-234.

Информация об авторе

Ходкевич Климентий Олегович — преподаватель, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: khodkevich-ko@ranepa.ru

Information about the author

Klimenty O. Khodkevich — Lecturer, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: khodkevich-ko@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 19.02.2026; одобрена после рецензирования 02.04.2026; принята к публикации 06.04.2026.

The article was submitted 19.02.2026; approved after reviewing 02.04.2026; accepted for publication 06.04.2026.

Сибирь гуманитарная. 2026. № 2. С. 86—98.
Siberia Humanitarian. 2026;(2):86—98.

Наука и культура

Научная статья
УДК 821.112.2.09:159.9:355.01
EDN ROUWLN

Коллективное сознание в условиях кризиса: трансформация ценностных ориентиров личности (по материалам романа Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен»)

Маргарита Алексеевна Юрченко¹✉, Екатерина Борисовна Фомина², Михаил Сергеевич Белковец³, Дарья Александровна Стельмашенко⁴

^{1, 2, 3, 4} Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация

¹ yurchenko-maa@ranepa.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-6886-7431>

² efomina-24@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0006-8332-1935>

³ mihaibelkovec8@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-7441-3531>

⁴ dstelmashenko-23@edu.ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0005-4636-5325>

Аннотация. В статье на материале романа Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» исследуется трансформация ценностных ориентиров личности в условиях военного кризиса. Рассматриваются механизмы психологической адаптации солдата к экстремальной реальности: эмоциональное онемение, автоматизация действий, деформация когнитивных схем и формирование травматической привязанности к боевому коллективу. Особое внимание уделено процессам деиндивидуализации и возникновению феномена фронтового братства как компенсаторного защитного механизма. Проведен психологический контент-анализ текста по категориям «отношение к себе», «отношение к другим» и «отношение к миру», позволивший выявить ключевые маркеры разрушения довоенной идентичности. Художественное изображение войны в романе сопоставляется с современными клиническими представлениями о посттравматическом стрессовом расстройстве, что подчеркивает актуальность произведения для психологии травмы и социологии кризисного сознания.

Ключевые слова: Э. М. Ремарк, «На Западном фронте без перемен», война, психологическая травма, коллективное сознание, мобилизация, идентичность, отчуждение, ПТСР, фронтовое братство

Для цитирования: Юрченко М. А., Фомина Е. Б., Белковец М. С., Стельмашенко Д. А. Коллективное сознание в условиях кризиса: трансформация ценностных ориентиров личности (по материалам романа Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен») // Сибирь гуманитарная. 2026. № 2. С. 86—98. EDN ROUWLN.

Science and Culture

Original article

Collective Consciousness in a Crisis: The Transformation of Individual Values (Based on Remarque's All Quiet on the Western Front)

Margarita A. Yurchenko^{1✉}, Ekaterina B. Fomina², Mikhail S. Belkovets³, Darya A. Stelmashenko⁴

^{1, 2, 3, 4} Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation

¹ yurchenko-maa@ranepa.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-6886-7431>

² efomina-24@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0006-8332-1935>

³ mihailbelkovec8@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-7441-3531>

⁴ dstelmashenko-23@edu.ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0005-4636-5325>

Abstract. The article, basing on Remarque's All Quiet on the Western Front, examines the transformation of individual value systems during a military crisis. It examines the mechanisms of a soldier's psychological adaptation to extreme reality: emotional numbness, automatization of actions, deformation of cognitive schemas, and the formation of a traumatic attachment to the combat team. Particular attention is paid to the processes of deindividualization and the emergence of the phenomenon of frontline brotherhood as a compensatory defense mechanism. A psychological content analysis of the text was conducted across the categories of “attitude to oneself”, “attitude to others”, and “attitude to the world”, revealing key markers of the destruction of pre-war identity. The novel's artistic depiction of war is compared with contemporary clinical concepts of post-traumatic stress disorder, underscoring the relevance of the work to the psychology of trauma and the sociology of crisis consciousness.

Keywords: E. M. Remarque, All Quiet on the Western Front, war, psychological trauma, collective consciousness, mobilization, identity, alienation, PTSD, frontline brotherhood

For citation: Yurchenko M.A., Fomina E.B., Belkovets M.S., Stelmashenko D.A. Collective Consciousness in a Crisis: The Transformation of Individual Values (Based on Remarque's All Quiet on the Western Front). Siberia Humanitarian. 2026;(2):86—98. (In Russ.). <https://elibrary.ru/rouwln>.

Введение

Война как предельная форма социального и экзистенциального кризиса неизменно привлекает внимание исследователей в области литературоведения, психологии и культурной антропологии. Художественные произведения военной тематики позволяют не только реконструировать исторический контекст, но и выявить глубинные механизмы воздействия экстремального насилия на структуру личности, ее ценностные ориентиры и социальные связи. Одним из значи-

мых текстов XX в., в котором тема войны раскрывается через призму личностной травмы и внутреннего распада, является роман Эриха Марии Ремарка «На Западном фронте без перемен» (Im Westen nichts Neues, 1929). В этом произведении война предстает не как героическое испытание или политический акт, но как тотальная среда, радикально трансформирующая сознание индивида, его отношение к себе, к другим и к миру в целом.

Художественная репрезентация фронтового опыта в романе Ремарка демонстрирует высокую степень корреляции с современными научными представлениями о природе боевой психологической травмы, механизмах адаптации к экстремальным условиям и долгосрочных последствиях пребывания человека в ситуации перманентного насилия. Сцены эмоционального онемения, диссоциации и гипертрофированной групповой сплоченности, описанные в тексте почти столетие назад, сегодня находят точное объяснение в рамках посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и концепции моральной травмы.

Проблема исследования заключается в выявлении психологических и ценностных трансформаций личности в результате мобилизации и последующего участия в боевых действиях. Анализ романа позволяет проследить, как внешнее давление военной машины и внутренняя потребность в выживании приводят к формированию специфического «окопного сознания», для которого характерны разрыв с довоенной системой ценностей, замена традиционных социальных связей фронтовым братством и утрата перспективы мирного будущего.

Цель исследования состоит в выявлении специфики изображения психологических последствий войны и функционирования коллективного сознания в романе Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен».

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Определить, каким образом в произведении раскрываются механизмы психологической защиты личности (эмоциональное онемение, автоматизация действий, дегуманизация) и как они соотносятся с современными концепциями травмы.
2. Провести контент-анализ ключевых фрагментов текста по категориям «отношение к себе», «отношение к другим» и «отношение к миру».
3. Показать связь между художественным моделированием внутреннего мира мобилизованного человека и современными представлениями о посттравматическом стрессовом расстройстве и социальной дезадаптации ветеранов.

Методы и материалы

Материалом исследования послужил текст романа Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен»¹. Выбор данного произведения обусловлен его признанием в качестве одного из наиболее репрезентативных художественных свидетельств о психологических последствиях участия в позиционной войне XX в.

Методологическую основу работы составили принципы комплексного литературоведческого анализа, предполагающие рассмотрение

¹ См.: Ремарк Э. М. На Западном фронте без перемен : роман / пер. с нем. Н. Федоровой. М. : АСТ, 2024. 285 с.

художественного текста в единстве его содержательных, композиционных и психологических аспектов. Исследование опирается на системный подход, позволяющий интерпретировать роман как целостную художественную структуру, в которой изображение внутреннего мира персонажей соотносится с историко-социальным контекстом и авторской концепцией человека.

В работе применен комплекс общенаучных и специальных методов. Сравнительно-аналитический метод использовался для сопоставления художественных средств репрезентации психологического состояния персонажей, а также для выявления устойчивых мотивов и образов, формирующих представление о внутренней трансформации личности. Описательный метод обеспечил фиксацию и систематизацию наблюдаемых в тексте эмоциональных реакций, поведенческих паттернов и особенностей речевого самовыражения героев. Интерпретационный метод был направлен на раскрытие художественного смысла выявленных элементов и определение их функциональной роли в структуре повествования. Контекстуальный анализ позволил рассматривать психологические проявления персонажей в неразрывной связи с развитием сюжета и системой образов.

В качестве ключевого исследовательского инструмента использовался контент-анализ, ориентированный на выявление и систематизацию смысловых единиц текста, отражающих эмоционально-психологическое состояние субъекта. Процедура анализа включала сплошную выборку фрагментов, содержащих прямые или косвенные указания на трансформацию личности главного героя Пауля Боймера и его сослуживцев. Отобранные текстовые единицы были распределены по трем априорно заданным категориям, соответствующим задачам исследования: «отношение к себе», «отношение к другим» и «отношение к миру». Внутри каждой категории фиксировались маркеры тревоги, страха, отчуждения, внутреннего напряжения, дезориентации, а также проявления групповой сплоченности и травматической привязанности. Анализ речевых характеристик, авторских описаний, внутренних монологов и диалогов позволил выявить повторяющиеся психологические модели, свидетельствующие о системной деформации довоенной идентичности под воздействием мобилизационной реальности. Количественная и качественная обработка данных контент-анализа обеспечила эмпирическую базу для последующей интерпретации художественной репрезентации травматического опыта.

Результаты исследования

Проведенный анализ текста романа Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» позволил выявить системные изменения в психологическом функционировании личности, вызванные мобилизацией и участием в боевых действиях. Результаты представлены в соответствии с задачами исследования: сначала рассматриваются механизмы психологической защиты и адаптации, затем — трансформация отношений в системе «Я — Другие — Мир», что подкрепляется данными контент-анализа, после чего анализируется влияние мобилизации на категорию свободы и идентичности.

В романе трансформация личности под воздействием военного кризиса разворачивается по трем основным направлениям. Первое —

крах идеальных ценностей, унаследованных от «отцов» и школы. Пауль Боймер и его одноклассники, столкнувшись с фронтовой реальностью, обнаруживают, что эти ценности не обеспечивают выживания и замещаются простым желанием сохранить жизнь. Второе направление — сдвиг от индивидуального «Я» к коллективному «Мы». Герои перестают осмысливать себя как отдельные личности с личными планами и мечтами, сплываясь вокруг фронтового братства (Катчинский, Кропп, Мюллер). Это объединение носит не идеологический, а сугубо адаптивный характер: в окопе одиночка гибнет. Третье направление — формирование «одичания» как новой ситуативной этики. Привычные моральные нормы перестают действовать; для сохранения психической устойчивости герои вынуждены отключать жалость и рефлексии. Фронтовое братство одновременно поддерживает психику, давая опору, и калечит ее, налагая запрет на своевременное осмысление травмы.

В романе война предстает не только как физическое испытание, но и как мощный психогенный фактор, запускающий каскад защитных реакций. Уже на начальных этапах повествования фиксируется формирование коллективной идентичности как первичного адаптивного механизма. Переход от «Я» к «Мы» в речи рассказчика Пауля Боймера отражает слияние индивидуального сознания с групповым: «Мы не успели пустить корни. Война смыла нас, унесла»¹. Эта коллективная общность («фронтовое братство») становится психологическим убежищем, противопоставленным враждебному миру тыла и военной бюрократии. Как отмечает И. И. Балахонова в специальном исследовании психологизма романа, повествовательная стратегия Ремарка строится на последовательном разоблачении героического мифа о войне через демонстрацию ее разрушительного воздействия на внутренний мир человека [1].

Ключевыми элементами психологической адаптации, выявленными в тексте, являются: эмоциональное онемение, автоматизация действий, дегуманизация и утилитарное восприятие.

Эмоциональное онемение. Для сохранения психической целостности в условиях постоянной угрозы смерти герои вырабатывают состояние «тупого безразличия», которое позволяет блокировать острые аффективные реакции. Как отмечает Пауль, война «пропитала нас тупым безразличием, чтобы мы не сломались от ужаса» [2]. Эта диссоциация от собственных чувств является необходимым условием продолжения функционирования на поле боя.

Автоматизация действий. Совершение насильственных действий, включая убийство, описывается как машинальный, рефлекторный акт, лишенный сознательного выбора. В сцене первого рукопашного боя герой «ни о чем не думает, не принимает решений»². Осознание содеянного приходит постфактум, что свидетельствует о временном отключении высших психических функций в критический момент.

Дегуманизация и утилитарное восприятие. Травматический опыт перестраивает когнитивные схемы, заставляя оценивать объекты и явления исключительно с точки зрения их практической пригодности для выживания. Это проявляется в специфическом восприятии

¹ Ремарк Э. М. На Западном фронте без перемен. С. 19.

² Там же. С. 112.

мирных вещей: изящные женские туфельки оцениваются не эстетически, а по критерию непригодности для долгих переходов («она бы в них и километра не смогла прошагать»¹).

Анализ фронтовой повседневности, представленный в современных исследованиях романа, подтверждает, что именно в рутинных практиках выживания — добыче пищи, обустройстве укрытий, уходе за оружием — наиболее отчетливо проявляется деформация ценностных ориентиров и замещение мирных смыслов военными императивами [3]. Подобная перестройка личности в условиях боевых действий, даже без клинически выраженных расстройств, характеризуется современными исследователями как глубокая трансформация ценностно-смысловой сферы, затрагивающая ядро идентичности [4].

Перечисленные реакции, зафиксированные в художественном тексте, находят прямое соответствие в современной клинической картине посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Эмоциональное онемение, интрузивные воспоминания, гипервозбуждение и избегание триггеров, описанные Ремарком, сегодня классифицируются как диагностические критерии ПТСР в МКБ-11², что подтверждает высокую психологическую достоверность художественной репрезентации военного опыта.

Для систематизации наблюдений был проведен контент-анализ, позволивший выделить ключевые маркеры изменения ценностно-смысловой сферы личности по трем базовым категориям (таблица).

Контент-анализ текста романа Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен»: маркеры психологических проявлений

Content analysis of Remarque's *All Quiet on the Western Front*: markers of psychological manifestations

Категория анализа	Репрезентативные цитаты из текста	Выявленные психологические проявления
Отношение к себе	«Мы не сломались, мы приспособились»; «Мы не успели пустить корни. Война смыла нас, унесла»; «Она сделала из нас мыслящих животных, чтобы дать нам оружие инстинкта...»	Рационализация адаптации; отказ от долгосрочного планирования; дегуманизация самоощущения; регресс к инстинктивным формам поведения
Отношение к другим	«Она пробудила в нас чувство товарищества, чтобы мы убереглись от бездны одиночества»; «Страх одиночества поднимается во мне. Когда Кача увезут, друзей у меня здесь больше не останется»; «Эти голоса... больше, чем материнская любовь и страх»	Травматическая привязанность; компенсаторная функция боевого братства; регресс к архаической потребности в защите; эмоциональная амбивалентность
Отношение к миру	«Я больше не нахожу здесь для себя места, это чужой мир»; «Прости меня, товарищ... Если отбросить оружие и форму, ты бы мог быть мне братом»; «Я пугаюсь: продолжать такие размышления нельзя»	Кризис идентичности; отчуждение от мирной жизни; прорыв эмпатии сквозь дегуманизацию; подавление рефлексии как защитный механизм

¹ Ремарк Э. М. На Западном фронте без перемен. С. 87.

² См.: МКБ-11. Международная классификация болезней 11 пересмотра. Глобальный стандарт для диагностической информации / Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://icd.who.int/ru/> (дата обращения: 10.04.2026).

Анализ текста показывает, что в категории «отношение к себе» доминируют процессы дегуманизации и вынужденной рационализации. Герои осознают себя не субъектами жизненного пути, а объектами, сформированными войной («мыслящие животные»). В категории «отношение к другим» выявляется феномен замещения традиционных социальных связей (семья, школа) фронтовым братством, которое приобретает характер жизненно необходимой травматической привязанности. В категории «отношение к миру» фиксируется глубокий экзистенциальный разрыв: мирная реальность становится чужой, а рефлексия о природе войны блокируется страхом дезинтеграции личности («продолжать такие размышления нельзя»).

Война меняет сознание настолько, что даже вне опасности герой не может вернуться к прежнему способу существования. Наиболее репрезентативным для понимания этой трансформации является эпизод в воронке, где Пауль убивает французского солдата Дюваля. Как отмечают специалисты исторической имагологии, формирование образа врага является ключевым элементом пропагандистского обеспечения любой войны [5]. В эпизоде с Дювалем происходит спонтанное разрушение этого образа: Пауль видит перед собой не абстрактного противника, а конкретного человека с семьей и профессией. Этот момент становится кульминацией внутреннего сопротивления героя навязанной логике конфликта.

В этом эпизоде прослеживается три стадии трансформации свободы:

1. Отсутствие выбора (инстинкт): удар кинжалом наносится рефлексивно, без участия сознания — это чистое проявление инстинкта самосохранения, лишенное морального измерения.

2. Обретение внутренней свободы через эмпатию (раскаяние): находясь рядом с умирающим, Пауль рассматривает его фотографии, осознает в нем человека и произносит: «Прости меня, товарищ... ты бы мог быть мне братом». Это момент прорыва к человечности, выход за рамки навязанной роли врага.

3. Добровольный отказ от свободы выражения (молчание): вернувшись в окоп к товарищам, Пауль не рассказывает о своем раскаянии. Коллективное сознание окопа требует подавления подобной рефлексии, так как она угрожает психологической устойчивости группы.

Этот эпизод демонстрирует, что коллективное сознание в условиях кризиса выполняет амбивалентную функцию: оно защищает индивида от распада ценой запрета на честное переживание травмы. Личность сохраняется, но в глубоко деформированном виде. Анализ эпизода в воронке позволяет выделить три последовательные стадии психологического состояния Пауля Боймера: инстинктивную, фазу раскаяния и фазу молчания.

Инстинктивная. Действуя автоматически, герой наносит удар кинжалом французскому солдату Дювалю без осознанного выбора: «Я наношу ему удар кинжалом в горло». Это реакция перепуганного животного, лишенная морального измерения.

Раскаяние. Француз умирает не сразу. Пауль проводит рядом с ним весь день, слышит хрипы, видит агонию. Рассматривая личные вещи убитого (фотография жены и дочери), он осознает: «Этот человек был не врагом мне». Наступает мучительная рефлексия, сопровождающаяся попытками оправдаться и обещанием написать семье.

Молчание. Вернувшись к сослуживцам, Пауль ничего не рассказывает о пережитом. На вопрос Кроппа и Катчинского он отвечает коротко и сухо. Друзья не расспрашивают, дают еду и водку, а Катчинский произносит: «Съешь что-нибудь, это пройдет». Коллектив требует подавления травматического опыта внутри личности, чтобы не дестабилизировать группу. Этим завершается цикл: индивид «переваривает» травму в одиночку ценой отказа от честной рефлексии.

Результаты исследования позволяют утверждать, что психологическая адаптация к войне носит парадоксальный характер. Механизмы, обеспечивающие выживание на фронте (эмоциональное онемение, автоматизация, групповая спаянность), одновременно делают невозможной полноценную реинтеграцию в мирную жизнь. Герой, вернувшись в тыл, ощущает себя чужим («Я больше не нахожу здесь для себя места, это чужой мир»). Травматический опыт создает непреодолимый барьер между фронтовиками и гражданским обществом.

Таким образом, война продолжает определять существование человека даже после ее формального окончания, превращаясь в форму внутренней несвободы и перманентного отчуждения.

Проведенный анализ романа Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» позволяет рассматривать художественный текст не только как литературный памятник, но и как релевантный источник для междисциплинарного изучения психологии кризисного сознания. Полученные результаты демонстрируют высокую степень соответствия образной системы произведения современным клинико-психологическим моделям посттравматического стрессового расстройства, что свидетельствует о глубине и достоверности ремарковского психологизма.

Выявленные в ходе контент-анализа трансформации в категориях «отношение к себе», «отношение к другим» и «отношение к миру» отчетливо коррелируют с триадой симптомокомплексов ПТСР, выделяемых в МКБ-11: интрузиями (навязчивые воспоминания о травме), избеганием (эмоциональное онемение, нежелание рефлексировать) и негативными изменениями в когнитивной и эмоциональной сфере (отчуждение от мирной жизни, утрата способности к долгосрочному планированию). В этом смысле роман Ремарка может быть прочитан как развернутый феноменологический отчет о переживании боевой травмы, предвосхитивший научную концептуализацию этого феномена на несколько десятилетий. В историко-литературной перспективе роман Ремарка традиционно рассматривается как одно из вершинных произведений немецкой литературы XX в., в котором наиболее полно и художественно убедительно воплотилось мироощущение «потерянного поколения».

Особого внимания заслуживает феномен фронтового братства, который в тексте функционирует как ключевой компенсаторный механизм. В терминах теории привязанности Дж. Боулби и М. Эйнсворт боевой коллектив в условиях разрушения базовых социальных связей приобретает черты «надежной базы», обеспечивающей регуляцию тревоги и чувство безопасности. Однако, как показывают результаты, данная форма привязанности является сугубо травматической: она формируется в ответ на экстремальную угрозу и не способна к генерализации за пределы фронтовой ситуации. Более того, интенсивность

этой связи создает дополнительный источник уязвимости — страх потери товарищей становится не менее разрушительным, чем страх собственной смерти. Таким образом, механизм, спасающий личность от немедленного коллапса, в долгосрочной перспективе усугубляет ее дезинтеграцию и препятствует социальной реадaptации.

Дополнительную глубину анализу придает интертекстуальная связь с другим произведением Э. М. Ремарка — романом «Триумфальная арка». Появляющийся в воспоминаниях Равича персонаж Катчинский формулирует жесткое правило выживания, которое можно считать квинтэссенцией окопной этики: «Делай все, что в твоих силах, чтобы помочь, рви жилы, но если ничего уже сделать нельзя, то не изводи себя. А теперь ты будешь жрать и пить, пока не нажрешься и не напьешься, а потом пойдешь в бардак». Это высказывание демонстрирует не цинизм как таковой, а выработанную войной стратегию принудительного переключения внимания, блокирующего рефлексию ради сохранения психологической дееспособности. Коллективное сознание в данном контексте выполняет функцию предохранителя: оно не позволяет личности утонуть в чувстве вины и страха, но цена этому — подавление эмоциональной обработки травмы.

Ремарк эксплицирует три причины, по которым поколение его героев оказывается «потерянным» — неспособным к полноценной реинтеграции в мирную жизнь:

1. Отсутствие завершенной социализации во взрослость. Пауль и его товарищи попали на фронт непосредственно со школьной скамьи, не успев обрести ни профессии, ни семьи, ни собственного дома. Война стала для них не испытанием на прочность уже сформированной личности, а единственной жизненной средой, где ценности формировались не через культуру, а через насилие.

2. Редукция человеческого существования к телесному уровню. На фронте главными ценностями становятся элементарные физиологические потребности: еда, сон, безопасность. Герои радуются двойной порции после гибели сослуживца, роются в отхожих местах в поисках окурков, а хорошие сапоги умершего товарища воспринимаются как значимый ресурс. Человек превращается в «коллективное тело», реагирующее исключительно на внешние угрозы.

3. Разрыв временной перспективы. В нормальных условиях личность опирается на опыт прошлого и надежды на будущее. У героев Ремарка прошлое становится чужим (в сцене отпуска Пауль не находит общего языка с родными), а будущее отсутствует, поскольку каждый день может оказаться последним. Коллективное сознание в окопах функционирует исключительно в режиме «здесь и сейчас», что делает невозможным долгосрочное целеполагание после возвращения к мирной жизни.

Для более глубокого понимания специфики ремарковской модели коллективного сознания целесообразно сопоставить ее с иными литературными репрезентациями того же исторического опыта. В этом отношении показательным сравнение с романом Эрнста Юнгера «В стальных грозах»¹. Оба текста описывают опыт немецкого солдата

¹ См.: Юнгер Э. В стальных грозах = In Stahlgewittern / пер. с нем. Н. О. Гучинской, В. Г. Ноткиной ; предисл. Ю. Н. Солониной. СПб. : Владимир Даль, 2000. 330 с.

на Западном фронте, однако предлагают диаметрально противоположные модели субъектности. У Юнгера война предстает как «стальная гроза», закаляющая личность и формирующая новый тип человека — волевого, дисциплинированного, не рефлексирующего. Коллектив у Юнгера — это не убежище, а инструмент войны, функциональный механизм. Ремарк же, напротив, показывает цену этой закалки — отказ от человечности, разрушение внутреннего мира, невозможность возвращения к мирной жизни. Историческая победа юнгеровского дискурса в Германии межвоенного периода (что выразилось в формировании фрайкоров и штурмовых отрядов) лишь подчеркивает трагическую прозорливость ремарковского предостережения: война не создает сверхчеловека, а калечит человека.

Еще одна значимая параллель обнаруживается в сравнении с романом Курта Воннегута «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей»¹. И Ремарк, и Воннегут фиксируют один и тот же фундаментальный феномен: война не заканчивается с прекращением огня. Она продолжает существовать в психике выжившего, деформируя его восприятие времени и реальности. Пауль Боймер, не способный говорить с матерью о фронте, и Билли Пилигрим, «отключившийся» от линейного времени, — оба героя иллюстрируют один и тот же механизм: травматический опыт создает альтернативную реальность, в которой индивид продолжает существовать параллельно с мирной жизнью. Коллективное сознание, служившее защитой в окопах, в условиях мира превращается в тюрьму, изолирующую ветерана от общества.

В качестве ограничений настоящего исследования следует отметить, что оно опирается исключительно на художественный текст, что не позволяет делать прямых обобщений относительно реального исторического опыта ветеранов Первой мировой войны. Тем не менее сила художественного обобщения в романе Ремарка такова, что выявленные модели трансформации личности могут служить продуктивной эвристической рамкой для дальнейших эмпирических исследований в области военной психологии и социологии кризисов.

3 Заключение

Проведенное исследование позволило выявить специфику художественной репрезентации психологической трансформации личности в условиях военного кризиса на материале романа Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен». Полученные результаты свидетельствуют о том, что произведение, созданное в рамках литературной традиции «потерянного поколения», представляет собой не только выдающийся художественный текст, но и глубокое феноменологическое исследование механизмов травматической деформации сознания.

Установлено, что в романе системно раскрываются ключевые механизмы психологической защиты личности в экстремальных условиях. К ним относятся: эмоциональное онемение, выполняющее функцию аффективной блокады и предотвращающее психический коллапс; автоматизация насильственных действий, свидетельствующая о диссо-

¹ См.: Воннегут К. Бойня номер пять, или Крестовый поход детей / пер. с англ. Р. Райт-Ковалевой. М. : АСТ, 2021. 222 с.

циации между поведением и рефлексией; дегуманизация самоощущения и утилитарная перестройка когнитивных схем. Данные механизмы, описанные Ремарком с высокой степенью психологической достоверности, соответствуют современной клинической картине посттравматического стрессового расстройства, что подчеркивает актуальность романа для междисциплинарных исследований травмы.

Проведение психологического контент-анализа позволило систематизировать и квантифицировать наблюдаемые в тексте изменения. Анализ по категориям «отношение к себе», «отношение к другим» и «отношение к миру» выявил устойчивые паттерны дегуманизации, формирования травматической привязанности к боевому коллективу и глубокого экзистенциального отчуждения от мирной реальности. Полученные данные подтверждают, что война не просто временно изменяет поведение человека, но производит необратимую трансформацию его ценностно-смысловой сферы.

Установлена связь между художественным моделированием внутреннего мира героя и современными научными представлениями о психологической травме и социальной дезадаптации ветеранов. Роман Ремарка демонстрирует трагический парадокс военной адаптации: механизмы, обеспечивающие физическое выживание на фронте, в мирной жизни становятся источником глубокой социальной изоляции и утраты смысла. Финальная сцена гибели Пауля Боймера в день, когда военные сводки сообщали о затишье («На Западном фронте без перемен»), приобретает символическое звучание: она утверждает абсолютную ценность отдельной человеческой жизни на фоне безразличия большой истории и геополитических процессов.

Одним из парадоксальных выводов, вытекающих из анализа романа, является положение о том, что выживание в условиях военного кризиса прямо коррелирует со степенью редукции ожиданий от жизни. Чем выше уровень цинизма и чем меньше надежд на будущее, тем больше шансов сохранить психическую дееспособность. Ценности приобретают ситуативный характер: сегодня добро — это убить врага, завтра — мучиться из-за этого убийства. Личность вынуждена прятать собственную человечность, чтобы оставаться частью коллектива и не разрушать его хрупкую психологическую защиту. Окопная мудрость становится единственной возможной стратегией, при которой коллективное сознание работает как механизм выживания, защищающий от безумия, но ценой запрета на честную рефлексию.

Теоретическая значимость исследования заключается в демонстрации эвристического потенциала художественного текста как источника для изучения психологии кризисного сознания.

Список источников

1. Балахонова И. И. Особенности психологизма Э. М. Ремарка в романе «На Западном фронте без перемен» (1925) // Инновационное развитие современной науки: теория, методология, практика : материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. (9 окт. 2023 г.). Петрозаводск : Новая наука, 2023. С. 138—145.
2. Лазуткина О. А., Леонтьева К. А. Особенности психологии солдат на примере романа «На Западном фронте без перемен» Э. М. Ремарка // Донецкие чтения 2024: образо-

вание, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы IX Междунар. науч. конф. (Донецк, 15—17 окт. 2024 г.). Т. 2. Донецк : Изд-во ДонГУ, 2024. С. 209—212.

3. Фронтальная повседневность в романе Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» / Н. В. Дусина, Т. С. Абанина, Л. Н. Горелова, Л. И. Зотова // Мир науки. Социология, филология, культурология : сетевое издание. 2024. Т. 15, № 2. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/15FLSK224.pdf> (дата обращения: 04.04.2026).
4. Стрельникова Ю. Ю. Изменения личности в условиях боевых действий с точки зрения психической нормы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4 (60). С. 187—192.
5. Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // Вестник РУДН. История России. 2006. № 2 (6). С. 54—72.

References

1. Balakhonova I.I. Features of Remarque's Psychologism in All Quiet on the Western Front (1925), Innovative Development of Modern Science: Theory, Methodology, Practice, materials VIII Vseros. nauch.-prakt. konf. (9 October 2023). Petrozavodsk, Novaya nauka, 2023, pp. 138-145.
2. Lazutkina O.A., Leonteva K.A. Osobennosti psikhologii soldat na primere romana “Na Zapadnom fronte bez peremen” E.M. Remarka, Donetsk chteniya 2024: obrazovanie, nauka, innovatsii, kultura i vizovi sovremennosti, materialy IX Mezhdunar. nauch. konf. (Donetsk, 15-17 October 2024), vol. 2. Donetsk, Publ. DonGU, 2024, pp. 209-212.
3. Dusina N.V., Abanina T.S., Gorelova L.N., Zotova L.I. Everyday Life at the Front in Remarque's All Quiet on the Western Front, The World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies, 2024. T. 15, № 2. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/15FLSK224.pdf> (accessed: 04.04.2026).
4. Strelnikova Yu.Yu. Personality Changes in Combat Conditions from the Point of View of Mental Norms, Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013, no. 4 (60), pp. 187-192.
5. Senyavskii A.S., Senyavskaya Ye.S. Historical Imagology and Problem of “Enemy Image” Making (Based on Russian History of the 20th Century), Bulletin of RUDN. History of Russia, 2006, no. 2 (6), pp. 54-72.

Информация об авторах

Юрченко Маргарита Алексеевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингводидактики, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: yurchenko-maa@ranepa.ru

Фомина Екатерина Борисовна — студент, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: efomina-24@ranepa.ru

Белковец Михаил Сергеевич — студент, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: mihailbelkovec8@gmail.com

Стельмашенко Дарья Александровна — студент, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: dstelmashenko-23@edu.ranepa.ru

Information about the authors

Margarita A. Yurchenko — Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Department of Foreign Languages and Language Didactics, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: yurchenko-maa@ranepa.ru

Ekaterina B. Fomina — Student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: efomina-24@ranepa.ru

Mikhail S. Belkovets — Student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: mihailbelkovec8@gmail.com

Darya A. Stelmashenko — Student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: dstelmashenko-23@edu.ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 02.03.2026; одобрена после рецензирования 10.04.2026; принята к публикации 20.04.2026.

The article was submitted 02.03.2026; approved after reviewing 10.04.2026; accepted for publication 20.04.2026.

Наука и культура

Научная статья
УДК 069.1(571.513)
EDN AZEOMQ

Музеи Хакасии как пространство межкультурного диалога

Дмитрий Алексеевич Кранчев

Хакасский национальный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова, Абакан, Российская Федерация, d.kranchev@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4206-8455>

Аннотация. В статье дан комплексный анализ роли музеев Республики Хакасия как ключевых институтов межкультурного диалога в современном социокультурном пространстве. Исследование фокусируется на изучении современных практик музейной деятельности, направленных на сохранение и трансляцию этнокультурного наследия региона. Методология исследования базируется на системном подходе к анализу музейной деятельности, включающем изучение стационарных экспозиций, интерактивных программ, фестивалей и образовательных проектов. В работе использованы методы культурологического анализа, музееведческого исследования и социологического наблюдения. Особое внимание уделяется изучению различных форм межкультурного взаимодействия в музейном пространстве. Актуальность исследования обусловлена стратегическим значением культурного наследия в современном обществе и необходимостью укрепления общероссийской гражданской идентичности при сохранении этнического многообразия. Исследование проводится с учетом уникального этнокультурного состава народов Республики Хакасия. Подробно рассматриваются примеры успешной реализации межкультурного диалога в деятельности ведущих музеев региона: Хакасского национального краеведческого музея им. Л. Р. Кызласова, музеев-заповедников «Казановка» и «Хуртуях Тас», а также других значимых культурных институций. Научная значимость работы заключается в систематизации опыта музейной практики как инструмента межкультурного диалога, выявлении наиболее эффективных методов работы с многонациональной аудиторией и определении перспектив развития музейного дела в условиях современного поликультурного пространства. Продемонстрировано, как современные музейные практики способствуют укреплению общероссийской гражданской идентичности при сохранении этнического многообразия. Автор приходит к выводу, что музеи Республики Хакасия выполняют роль медиаторов межкультурного диалога, успешно сочетая традиционные и инновационные подходы в своей работе в условиях этнического многообразия региона.

Ключевые слова: Республика Хакасия, Хакасский национальный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова, межкультурный диалог, музей-заповедник, сохранение наследия, историко-культурное наследие, идентичность, музейные практики, этнокультурная коммуникация, межкультурный диалог

Для цитирования: Кранчев Д. А. Музеи Хакасии как пространство межкультурного диалога // Сибирь гуманитарная. 2026. № 2. С. 99—110. EDN AZEOMQ.

Science and Culture

Original article

Museums of Khakassia as a Space for Intercultural Dialogue

Dmitry A. Kranchev

Khakass National Museum of Local Lore named after L.R. Kyzlasov, Abakan, Russian Federation, d.kranchev@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4206-8455>

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the role of museums in the Republic of Khakassia as key institutions for intercultural dialogue in the contemporary socio-cultural space. The study focuses on contemporary museum practices aimed at preserving and disseminating the region's ethno-cultural heritage. The research methodology is based on a systems approach to the analysis of museum activities, including the study of permanent exhibitions, interactive programs, festivals, and educational projects. The study uses methods of cultural analysis, museological research, and sociological observation. Particular attention is paid to the study of various forms of intercultural interaction in the museum space. The relevance of the study is determined by the strategic importance of cultural heritage in modern society and the need to strengthen the all-Russian civic identity while preserving ethnic diversity. The study is conducted taking into account the unique ethno-cultural composition of the peoples of the Republic of Khakassia. Examples of successful implementation of intercultural dialogue in the activities of the region's leading museums are considered in detail: the Kyzlasov Khakass National Museum of Local History, the Kazanovka and Khurtuyakh Tas museum-reserves, and other significant cultural institutions. The scientific significance of this work lies in its systematization of museum practice as a tool for intercultural dialogue, identification of the most effective methods of working with multinational audiences, and determination of prospects for the development of museum work in the context of today's multicultural environment. It demonstrates how contemporary museum practices contribute to strengthening Russia's civic identity while preserving ethnic diversity. The author concludes that museums in the Republic of Khakassia act as mediators of intercultural dialogue, successfully combining traditional and innovative approaches in their work in the context of the region's ethnic diversity.

Keywords: Republic of Khakassia, Khakass National Museum of Local Lore named after L.R. Kyzlasov, intercultural dialogue, museum-reserve, heritage preservation, cultural heritage, identity, museum practices, and ethno-cultural communication

For citation: Kranchev D.A. Museums of Khakassia as a Space for Intercultural Dialogue. *Siberia Humanitarian*. 2026;(2):99—110. (In Russ.). <https://elibrary.ru/azeomq>.

В настоящее время музеи являются не просто хранилищами объектов культурного наследия, но и активными площадками межкультурного диалога. В Республике Хакасия с разнообразием этнических и исторических памятников музеи имеют особое значение. Через стацио-

нарные экспозиции, передвижные выставки, фестивали, реконструкции, интерактивные программы и образовательные проекты эти организации способствуют взаимопониманию между представителями разных культур, формированию уважения к локальной культурной идентичности и бережного отношения к историческому и культурному наследию.

Государство осознает стратегический характер вопроса сохранения, охраны историко-культурного наследия. Объявление Года единства народов России¹ актуализирует роль музеев как платформ для межкультурного диалога и укрепления общероссийской гражданской идентичности. В этом контексте особый интерес представляет Республика Хакасия, как регион с уникальной многовековой историей и этнокультурным разнообразием. При общей численности населения около 534 800 человек на территории региона проживают представители более 100 национальностей, наиболее крупными этносами являются русские — 66,6 % и хакасы — 10,3 %². Компактное проживание этнически разнородного населения с многообразием культурных традиций создает благодатную почву для реализации культурного диалога между различными национальными группами. При этом музеи Хакасии выступают ключевыми институтами, сохраняющими, охраняющими и транслирующими как общероссийское культурное наследие, так и самобытные традиции коренных сибирских народов.

В современном мире, где пересекаются разнообразные культурные, социальные и исторические контексты, часто возникают барьеры для взаимопонимания и эффективной межнациональной коммуникации. В этом случае музей выступает как ключевой социокультурный институт, способный интегрировать научный, художественный и идеологический дискурсы. Музей, в какой бы форме ни был создан, не просто хранит культурные артефакты, но и активно участвует в интерпретации и передаче наследия, способствуя пониманию ценностей прошлого и смысла настоящего.

Современный музей — не просто хранитель ценностей или образовательный центр, это площадка межкультурного диалога, обеспечивающая информационный и ценностный обмен между этносами, поколениями, профессиональными и территориальными группами. Он ориентирован на разнообразную аудиторию и оказывает значительное влияние как на личность, так и на общество [1].

В. Г. Коржом верно подмечено, что каждый человек визуально воспринимает и чувственно взаимодействует с окружающим его миром через призму своего личного опыта, накопленных знаний, культурного багажа и, несомненно, системы ценностных ориентаций [2, с. 31]. Именно поэтому вопросы межкультурной коммуникации

¹ О проведении в Российской Федерации Года единства народов России : указ Президента Российской Федерации от 25 дек. 2025 г. № 962 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/78861> (дата обращения: 18.03.2026).

² Итоги ВПН-2020. Т. 5. Национальный состав и владение языками. Таблица 1. Национальный состав населения // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. URL: https://docs.360.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPPrJRXIUFoewruFqB0hJujC9Oj-zQCK9BY8DGLaJv9oWMYu873oz-oWcPti9FyuxR_zpzMwzvSwuB4clh2KfYQizG7FcB-EZ_v_xGHiDiB4r4nr137I7qF2F_EdC0sHkQYeQszKh9JeCLPDA%3D%3D%3Fsign%3DMFHbWp6J0fyoT1oMAQd3A_29mxkB64owlcRW4hcvutE%3D&name=Tom5_tab1_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 10.02.2026).

становятся центральными для музейной деятельности, определяя ее актуальность и социальную значимость. Переосмысление роли музея в публичном пространстве обостряет проблему сохранения памяти о прошлом [3, с. 7—8]. Новые диалоговые пространства объединяют музейные и художественные подходы к работе с аудиторией, формируя целостную систему работы с памятью. Российские музеи сегодня не просто иллюстрируют тезис о многонациональности страны. Они создают пространства для живого контакта, где история становится языком, понятным каждому, независимо от его происхождения.

Музей рассматривается нами как научно-исследовательское и научно-просветительское учреждение, которое осуществляет не просто комплектование, хранение, но и изучение и популяризацию исторических и культурных памятников.

Темой межкультурного диалога в музейном пространстве занимались как российские, так и зарубежные исследователи. Значительный пласт исследований посвящен роли музеев в сохранении культурного наследия и укреплении межнационального согласия в полиэтничных регионах России. Другое направление связано с осмыслением роли музеев как площадок для международного культурного обмена и дипломатии. Ряд исследователей обращают внимание на то, как именно экспозиция и тексты к ней становятся мостом между разными культурами. Одним из ведущих отечественных специалистов в области межкультурной коммуникации является А. П. Садохин. Он рассматривает музей как пространство диалога культур, где происходит обмен информацией и культурными ценностями между представителями разных этносов. В его работах подчеркивается, что музейная коммуникация — это процесс общения музейной аудитории с культурным наследием, аккумулирующим опыт материальной деятельности, духовных исканий и традиционную культуру как отдельного этноса, так и человечества в целом [4]. Исследователь Е. А. Ковешникова подчеркивает роль экспозиционной деятельности в формировании диалога между цивилизациями. Экспозиции могут выступать как места для встреч и изучения взаимосвязей между различными культурами и цивилизациями [5, с. 119].

Коммуникацию как инструмент межкультурного диалога рассматривала М. Ю. Фадеева. Делая акцент на музейном экспонате, она отмечает, что этикетаж и сопроводительные тексты раскрывают культурный контекст, позволяя экспонату стать активным участником диалога, он перестает быть лишь объектом наблюдения, переходя в положение «говорящего» участника коммуникации [6, с. 43], вовлекая посетителя в осмысленное и глубокое взаимодействие с иной культурой. То, что многоязычные музейные тексты способствуют преодолению языковых и культурных барьеров и пониманию других культур подчеркивали И. И. Данилова и А. И. Прокопенко [7, с. 57], а В. А. Митягина рассматривала перевод сопроводительных музейных текстов как инструмент, который формирует многоязычный туристический дискурс, предлагая локализованный текст на родном для получателя языке во всей полноте его стилистических, лингвопрагматических, лексических, грамматических и лингвокультурных характеристик [8, с. 126].

Встречаются и более обширные представления о деятельности музея в межкультурном диалоге. Так, В. В. Константинова и Е. В. Алексеева подчеркивают роль педагога-экскурсовода, как посредника в межкультурной коммуникации, особенно детей и молодежи [9], Н. В. Нагорский рассматривает музей как внешкольное пространство для разных этнических групп [10]. Похожие представления мы встречаем у Т. В. Чумаловой, видящей музей как инструмент формирования толерантности и межкультурного понимания [11]. Некоторые авторы акцентируют внимание на формах работы (лекции, квесты, диалоги у экспонатов) [12, с. 112], фестивали народов, интерактивные национальные выставки, тематические дни культур, а также фольклорные программы [13, с. 9—10].

На примере Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН Д. А. Камалетдинов рассматривает музейную репрезентацию как фактор сохранения и укрепления межкультурного диалога в Республике Башкортостан. Автор подчеркивает, что экспозиции, демонстрирующие общие культурные связи между тюркскими, восточнославянскими и финно-угорскими народами, помогают преодолевать стереотипы и формировать мировоззрение жителей региона [14].

Феномен музея как фактора диалога культур на примере знаковой выставки «Париж — Москва» раскрывают В. С. Слепокуров и А. А. Силантьева. Авторы, опираясь на концепцию диалога культур М. Бахтина, показывают, как международные музейные проекты могут выступать в роли медиаторов, разрушающих идеологические барьеры и формирующих новые нарративы взаимопонимания между странами [14].

Теорию межкультурного диалога, согласно которой взаимодействие между представителями различных культур осуществляется посредством обмена идеями и концепциями разработали М. М. Бахтин и В. С. Библер. Самоопределение в культуре возможно только через связь прошлого, настоящего и будущего [7, с. 57]. Диалогическая сущность культуры подразумевает, что человек способен в полной мере осмыслить и оценить собственные культурные основания лишь через взаимодействие с иными традициями и мировоззрениями. Только в зеркале другой культуры становится видимым то, что в своей собственной остается незамеченным (нормы, символы, ценности). В этом контексте музей выступает как особая площадка межкультурного диалога, где пересекаются времена, цивилизации и смыслы.

В зарубежных исследованиях мы видим богатый опыт в области межкультурного диалога. В работах Э. Хупер-Гринхилл, Р. Сандэлла, К. Арванитиса и других ученых описан повышенный интерес к нематериальному наследию музеев, которые конструируют новую модель личностных и субъективных взаимоотношений. Музеи в современном мире выступают и как агенты социальной инклюзии. Р. Сандэлл выделяет в процессе культурной инклюзии три аспекта: репрезентацию, или представленность культурного наследия той или иной группы в рамках общего национального культурного пространства; возможность представителей всех групп и слоев общества принимать участие в процессе создания элементов культурного наследия; доступность культурного наследия для всех членов общества [16, с. 105].

Таким образом, тема межкультурного диалога в музейной сфере активно развивается в рамках истории, культурологии, лингвистики и музееведения. Музей сегодня понимается не просто как хранилище артефактов, а как живое пространство диалога, где через экспозиции, тексты и образовательные программы реализуется культурный обмен. Проведем комплексный анализ роли музеев Республики Хакасия как медиаторов межкультурного диалога, описывая практики, способствующие сохранению этнокультурных традиций и взаимодействию между поколениями и этносами, а также выявляя существующие проблемы их реализации. Особое внимание уделено соотношению традиционных и инновационных подходов в музейной деятельности. В центре внимания — совместные программы по сохранению общего культурного достояния Хакасии.

Начать обзор стоит с Хакасского национального краеведческого музея им. Л. Р. Кызласова, центрального культурного института региона, который сегодня играет ведущую роль в создании пространства межкультурного диалога. Музей объединяет глубокую историю, богатую этнографию и современные музейные практики, формируя площадку для многогранного взаимодействия. Он становится не просто хранилищем, а живым центром культурного обмена, где прошлое встречается с настоящим, а традиции с инновациями. Через свои экспозиции, образовательные программы, тематические мероприятия и межинституциональное сотрудничество музеев способствует сохранению культурного разнообразия. Раскрывая уникальность хакасской идентичности, он одновременно включает в диалог представителей разных этносов и поколений. Именно здесь культура предстает как динамичный процесс, а музей — как активный посредник, способствующий взаимопониманию, уважению и признанию ценности каждого культурного кода.

Экспозиционная деятельность музея демонстрирует культурное разнообразие региона и его исторические связи. В экспозиции «Древнее искусство Хакасии» представлены памятники изобразительного искусства с периода неолита, каменные изваяния и копии петроглифов, позволяющие увидеть общие черты с памятниками культуры других народов Южной Сибири и Центральной Азии.

Мемориальный зал Леонида Романовича Кызласова посвящен памяти исследователя восточносибирских и центральноазиатских культур, внесшего вклад в мировую науку.

Выставка «Юрта — традиционное жилище хакасов» знакомит с бытом, семейными обычаями и религиозными представлениями, позволяя погрузиться в атмосферу традиционного уклада жизни хакасов.

В зале археологии Хакасии представлены объекты материального наследия от неолита до раннего Средневековья, которые также позволяют увидеть общие черты хакасской культуры и культур других народов России и стран Центральной Азии.

В зале боевой славы Республики Хакасия, посвященном Великой Отечественной войне и вкладу Хакасии в Победу, формируется понимание общей истории народов России.

Этнографическая коллекция музея насчитывает около 5 тыс. предметов, включающих предметы быта, одежду, украшения, музыкальные инструменты, шаманскую атрибутику и др. Археологический

фонд составляет более 20 тыс. предметов. Эти экспонаты отражают в том числе взаимодействие хакасов с другими народами.

Способствуют диалогу культур и мероприятия, организуемые Хакасским национальным краеведческим музеем. Например, уникальная театрализованная экскурсия «Путешествие сквозь эпохи» проходит в формате полного погружения: перед экскурсантами разворачиваются ожившие мифы и сказания, а легендарные персонажи ведут их по эпохам. Участники экскурсии являются не только слушателями, но и участниками постановки. Они знакомятся с национальной хакасской кухней, обрядами и историческими костюмами разных эпох. Востребована у гостей города и другая театрализованная экскурсия «Хакасский гостевой обряд», в ходе которой воссоздаются элементы традиционной обрядовой культуры хакасов [17, с. 265].

Хакасский национальный краеведческий музей стал одной из основных площадок для проведения мероприятий межкультурного диалога: дня культур народов Хакасии, дня родного языка, научно-практической конференции «Кызласовские чтения», выставки «Степной путь кочевника», лекций («Хакасия в годы Великой Отечественной войны», «Хакасия — Россия: 300-летняя история» и др.), мастер-классов и образовательных квестов.

В здании музея расположено этнокафе «Чабрец», которое само по себе является пространством диалога. Здесь можно, попробовав хакасскую кухню, познакомиться с кулинарными традициями региона. Также в кафе проводятся вечера классической музыки, выступления фольклорных ансамблей.

На базе музея действует клуб исторического моделирования «Хоорай», члены которого занимаются воссозданием элементов материальной культуры древних народов Хакасии и проведением показательных выступлений, выставок, моделированием исторических событий и организацией досуговой деятельности.

Таким образом, сегодня в Хакасском национальном краеведческом музее им. Л. Р. Кызласова создано живое пространство межкультурного диалога. Через проекты музея: выставки, образовательные программы, праздники, сохраняется и актуализируется культурное наследие, демонстрируются связи между народами Сибири и Центральной Азии. Разные поколения и социальные группы вовлекаются в осмысление культурного многообразия, что способствует взаимопониманию и уважению представителей разных культур.

Ярким примером организации межкультурного диалога в музейном пространстве стала деятельность краеведческого музея Алтайского района. В начале 2026 г. после масштабной реконструкции был открыт обновленный зал этнографии, в котором в единой композиции представлены русская горница и хакасская юрта, два культурных мира, тесно переплетенных в повседневной жизни региона¹. Эта экспозиция выходит за рамки традиционного музея: она не просто демонстрирует быт, а оживает, превращаясь в пространство живого общения. В русской избе в печи виден огонь, а из трубы вьется дымок, создается ощущение настоящего домашнего очага. В хакасской юрте

¹ Музей Алтайского района создал горницу и юрту с эффектом погружения // Юг Сибири. URL: <https://clck.ru/NJkZs> (дата обращения: 12.03.2026).

в реальном времени мастерица готовит национальные угощения, наполняя пространство ароматами и звуками традиционной кухни. Особенность экспозиции в ее архитектурном решении: жилища выполнены в разрезе и обращены друг к другу. Благодаря этому посетители могут одновременно оказаться «внутри» обеих культур, буквально шагнуть из юрты в горницу и обратно. Такое построение символизирует не сосуществование, а взаимопроникновение культур, их диалог на уровне быта, пространства и повседневности. Этот музейный проект становится не просто выставкой, а пространством соприкосновения, где через зримые, осязаемые детали рождается понимание, уважение и признание культурного многообразия.

Интересную и глубоко продуманную форму межкультурного диалога реализовал Саяногорский краеведческий музей через создание этнокультурного комплекса «Ымай», своего рода живого моста между русской и хакасской культурами. Расположенный на живописном берегу Енисея, комплекс изначально задуман как пространство не просто знакомства, а подлинного соприкосновения с двумя традициями, веками сосуществующими в этом регионе. Центральной идеей экскурсионной программы является единство и взаимоуважение культур. Посетители последовательно погружаются в мир хакасской юрты, где узнают о традициях, обрядах, быте, а затем переходят в русскую горницу с деталями крестьянского и казачьего уклада. Такая композиция позволяет не просто сравнить два образа жизни, но ощутить их как части единого культурного ландшафта Хакасии. Особое значение в комплексе придается ритуальной и духовной сфере: здесь можно познакомиться с обрядом кормления огня, хакасской свадебной традицией, а также с русскими обрядовыми праздниками: Масленицей, днем Ивана Купалы и т. д. Смотровая площадка открывает вид на священную гору Ымай, что добавляет пространству глубокий символический и сакральный смысл. На территории также проводятся образовательные занятия, мастер-классы по забытым ремеслам, что делает «Ымай» действующей площадкой культурной преемственности.

Формы межкультурного диалога разнообразны. В Хакасии они выходят далеко за пределы традиционных музеев. Особую нишу занимают музеи-заповедники. На территории Республики Хакасия действуют 11 музеев под открытым небом [18, с. 99]. Важнейшим является Хакасский республиканский национальный музей-заповедник «Казановка» площадью в 18 тыс. га, где сочетаются ландшафт и богатый археологический фонд. На базе музея воссоздан комплекс «Хакасский аал», модели жилых деревянных юрт, проводятся национальные праздники, мастер-классы, интерактивные программы и экскурсии, демонстрирующие общероссийское и мировое значение наследия региона.

Музей-заповедник под открытым небом «Хуртуях Тас», расположенный близ аала Анхаков, является уникальным культурным пространством, где природа, археология и традиционная культура сливаются в единое целое, создавая атмосферу подлинного историко-духовного погружения. Центральным экспонатом и сердцем заповедника выступает древняя каменная стела Улуг Хуртуях (Большая

Каменная Старуха). Этот памятник относится к окуневской археологической культуре и почитается как священный символ жизненной силы, плодородия и защиты. Стела ассоциируется с образом богини Умай — покровительницы материнства, детства и домашнего очага, что для хакасского народа имеет глубокое духовное и культовое значение. Для сохранения стелы в 2004 г. над ней был возведен специальный павильон в форме стеклянной юрты. На территории музея представлена подлинная хакасская юрта XIX в. с традиционным внутренним убранством. Здесь можно увидеть национальную одежду, домашнюю утварь, орудия охоты и быта, ощутить атмосферу прошлого и узнать, как жили предки. В ходе экскурсии в музее-заповеднике гости погружаются в хакасскую культуру, знакомясь с древними легендами и мифами хакасского народа, ритуалами и мировоззрением предков. Особое внимание уделяется внутреннему устройству юрты, украшениям и оберегам. Музей-заповедник активно функционирует как культурная площадка: здесь проводятся национальные праздники, тематические фестивали, свадебные обряды по хакасским традициям, мастер-классы и образовательные программы.

Площадкой межкультурного диалога служит Арбатский муниципальный музей под открытым небом, объединяя наследие разных эпох и этнокультурных групп Хакасии. Основа музея — Малоарбатская писаница (скала с древними наскальными рисунками (петроглифами) разных эпох). На территории музея также расположены хакасская юрта, казачья усадьба. Здесь демонстрируется не только развитие различных религиозных представлений и художественных традиций на одной территории, но и сравнение культуры полукочевого общества и русского казачьего быта. Знакомство с обрядами, системой ценностей представителей различных культур позволяет сформировать взгляд на многонациональную культуру региона. Экскурсионная деятельность Арбатского музея проходит под девизом «Две культуры — одна земля». Музей является площадкой для интерактивных программ, образовательных проектов, работы творческих фольклорных коллективов. Также развивается гастротуризм с дегустацией блюд хакасской и казачьей кухни.

Миссия музеев под открытым небом не только сохранение и популяризация культурного наследия этноса, но и создание платформы межкультурного общения. В таких живых пространствах традиции предстают не как застывшие экспонаты, а как динамичная часть повседневности. Гости получают уникальную возможность не просто наблюдать, а примерить национальный костюм, попробовать приготовленную еду, научиться играть на национальных инструментах. Такое вовлечение стирает границы между «своим» и «чужим», формируя уважение, интерес и подлинное понимание.

Музеи Хакасии все активнее превращаются в пространства межкультурного диалога, где переплетаются традиции коренных народов и русской провинциальной культуры. Следуя современным глобальным трендам, музеи региона из простых хранилищ артефактов превращаются в социальные площадки, содействующие межкультурному диалогу и взаимопониманию. Тематические мероприятия и экспозиции, посвященные взаимодействию русских, хакасов, немцев,

тувинцев, алтайцев и других народов, проживающих в регионе, способствуют осознанию культурного разнообразия и формируют уважение к нему.

В связи с этим требуется дальнейшая системная работа в данном направлении: внедрение трилингвального этикетаж и сопроводительных текстов на русском, хакасском, английском языках [19]; превращение статичных экспозиций в интерактивные зоны, создание игровых квестов по опыту Хакасского национального краеведческого музея [17], грамотно балансирующие между игрой и обучением; развитие событийной культуры и фестивальной деятельности; подготовка сотрудников для работы с людьми с ограниченными возможностями здоровья [20] и т. д.

Таким образом, современные музейные практики Хакасии демонстрируют успешную реализацию принципов диалога культур через создание многоязычной среды, организацию интерактивных программ и вовлечение посетителей в культурный обмен. Музеи не только сохраняют объекты культурного наследия, но и способствуют формированию толерантности и взаимопонимания между представителями разных этносов.

Перспективы развития музейного дела в регионе связаны с дальнейшим совершенствованием форм межкультурного диалога, расширением интерактивных возможностей и созданием инклюзивной среды. Музеи Хакасии продолжают оставаться важнейшими центрами укрепления общероссийской гражданской идентичности при сохранении этнического многообразия.

Список источников

1. Мастеница Е. Н. Миссия музея в ракурсе проблем межкультурной коммуникации // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2010. Т. 190. С. 256—257. EDN RYMBSH.
2. Корж В. Г. Визуальный поворот в исторической методологии: в поисках философских оснований // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22, № 4. С. 25—34. DOI: 10.25205/2541-7517-2024-22-4-25-34.
3. Миронова Т. Ю. Оптика документальности: практики работы с памятью и историей в современном искусстве. М. : Новое литературное обозрение, 2025. 222 с.
4. Садохин А. П. Теория и практика межкультурной коммуникации. М. : Юнити, 2004. 271 с.
5. Ковешникова Е. А. Музейная экспозиция как информационный текст межкультурной коммуникации // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 13. С. 115—125.
6. Фадеева М. Ю. Инклюзивная функция перевода в цифровом пространстве современного музея // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2022. № 2. С. 38—48.
7. Данилова И. И., Прокопенко А. И. Музейная экспозиция как диалог культур: особенности перевода // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 2. С. 56—65. DOI: 10.23951/2307-6119-2017-2-56-65.
8. Митягина В. А. Перевод как фактор формирования поли-, транс- и межкультурного туристического дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. № 20. С. 114—126.
9. Константинова В. В., Алексеева Е. В. Музейная педагогика как средство формирования этнокультурной компетентности будущих педагогов // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=24933> (дата обращения: 20.03.2026).

10. Нагорский Н. В. Музейная педагогика и музейно-педагогическое пространство // Педагогика. 2005. № 5. С. 3—12. EDN NCMCWX.
11. Чумалова Т. В. Межкультурное образование в пространстве музея // Этнодиалоги. 2014. № 3. С. 91—97.
12. Шляхтина Л. М. Музейная педагогика в современных реалиях // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. С. 3—12. EDN NCMCWX.
13. Федорова С. Н. Этнокультурное образование как фактор сохранения и развития народа // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2009. № 4. С. 5—10. EDN MGWMRF.
14. Камалетдинов Д. А. Репрезентация историко-культурного наследия в академическом музее как фактор сохранения и укрепления межкультурного диалога на региональном уровне (по материалам Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН) // Политика и Общество. 2024. № 4. С. 67—76. DOI: 10.7256/2454-0684.2024.4.72795. EDN ZTBRT.
15. Слепокуров В. С., Силантьева А. А. Международные музейные проекты как фактор диалога культур (на примере выставки «Париж—Москва» в центре Помпиду) // Вестник МГУКИ. 2025. № 3 (125). С. 103—111.
16. Алтухова С. А. Современный музей как пространство мультикультурной коммуникации: обзор кейсов России и Великобритании // История и современное мировоззрение. 2020. Т. 2, № 3. С. 103—111. DOI: 10.33693/2658-4654/2020-2-3-103-111.
17. Кранчев Д. А. Метод погружения и иммерсивные технологии: современный опыт Хакасского национального краеведческого музея им. Л. Р. Кызласова // Развитие социально-экономического, научно-технологического потенциала регионов как фактор укрепления позиции России в современном мире : II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (2—4 июля 2025 г.). Абакан : ХакНИИЯЛИ, 2025. С. 265.
18. Кранчев Д. А. Музеи под открытым небом в Республике Хакасия: история и перспективы развития // Сибирь гуманитарная. 2026. № 1 (13) С. 97—109. EDN TYUZPS.
19. Ракитянская Е. В. Международный туризм в Хакасии: обзор отзывов иностранных туристов // Аллея Науки : научно-практ. электрон. журн. 2018. Т. 1, № 7 (23). С. 586—590. URL: [https://alley-science.ru/domains_data/files/Collection_of_journals/Pervyy%20tom%20Yanvar\(%20isp\).pdf?x15568](https://alley-science.ru/domains_data/files/Collection_of_journals/Pervyy%20tom%20Yanvar(%20isp).pdf?x15568) (дата обращения: 10.04.2026). EDN XWOLVR.
20. Анжиганова Л. В., Баранцева Н. А., Топоева М. В. Музеи как элементы социокультурной среды региона: на примере Республики Хакасия // Медицина. Социология. Философия: Прикладные исследования. 2022. № 5. С. 54—60.

References

1. Mastenitsa Ye.N. The Museum's Mission in the Context of Intercultural Communication Issues, Proceedings of the St. Petersburg State Institute of Culture, 2010, vol. 190, pp. 256-257. EDN RYMBSH.
2. Korzh V.G. A Visual Turn in Historical Methodology: In Search of Philosophical Foundations, Siberian Philosophical Journal, 2024, vol. 22, no. 4, pp. 25-34. DOI: 10.25205/2541-7517-2024-22-4-25-34.
3. Mironova T.Yu. The Optics of Documentation: Practices of Working with Memory and History in Contemporary Art. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2025, 222 p.
4. Sadokhin A.P. Theory and Practice of Intercultural Communication. Moscow, Yuniti, 2004, 271 p.
5. Koveshnikova Ye.A. Museum Exhibition as an Informative Text of Intercultural Communication, Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts, 2010, no. 13, pp. 115-125.
6. Fadeeva M.Yu. The Inclusive Function of Translation in the Digital Space of a Modern Museum, Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University, 2022, no. 2, pp. 38-48.
7. Danilova I.I., Prokopenko A.I. Museum Exhibition as a Dialogue of Cultures: Features of Translation, Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Studies, 2017, no. 2, pp. 56-65. DOI: 10.23951/2307-6119-2017-2-56-65.
8. Mityagina V.A. Translation as Factor of Poly-, Trans-, and Intercultural Tourism Discourse Development, Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 2016, no. 20, pp. 114-126.

9. Konstantinova V.V., Alekseeva Ye.V. Museum Pedagogy as a Means of Developing the Ethnocultural Competence of Future Teachers, *Modern Problems of Science and Education*, 2016, no. 4. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=24933> (accessed: 20.03.2026).
10. Nagorskii N.V. Museum Pedagogy and Museum-Pedagogical Space, *Pedagogy*, 2005, no. 5, pp. 3-12. EDN NCMCWX.
11. Chumalova T.V. Intercultural Education in the Museum Space, *Ethnodialogues*, 2014, no. 3, pp. 91-97.
12. Shlyakhtina L.M. Museum Pedagogy in Modern Realities, *Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture*, 2019, pp. 3-12. EDN NCMCWX.
13. Fedorova S.N. Ethnocultural Education as a Factor in Preservation and Development of the People, *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*, 2009, no. 4, pp. 5-10. EDN MGWMRF.
14. Kamaletdinov D.A. Representation of Historical and Cultural Heritage in Academic Museum as a Factor in Preserving and Strengthening Intercultural Dialogue at Regional Level (Based on Materials from the Museum of Archeology and Ethnography of the Institute of Economic Research of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences), *Politics and Society*, 2024, no. 4, pp. 67-76. DOI: 10.7256/2454-0684.2024.4.72795. EDN ZTBRR.
15. Slepokurov V.S., Silanteva A.A. International Museum Projects as Factor in Dialogue of Cultures (on example of the "Paris-Moscow" Exhibition at the Pompidou Center), *Bulletin of Moscow State University of Culture and Art*, 2025, no. 3 (125), pp. 103-111.
16. Altukhova S.A. The Contemporary Museum as a Space for Multicultural Communication: A Review of Cases from Russia and Great Britain, *History and Modern Worldview*, 2020, vol. 2, no. 3, pp. 103-111. DOI: 10.33693/2658-4654/2020-2-3-103-111.
17. Kranchev D.A. Immersion Method and Immersive Technologies: The Current Experience of the Kyzlasov Khakassian National Museum of Local History, *Development of the Socio-Economic, Scientific, and Technological Potential of Regions as a Factor in Strengthening Russia's Position in the Modern World*, II Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem (2-4 July 2025). Abakan, KhakNIYaLI, 2025, pp. 265.
18. Kranchev D.A. Open-Air Museums in the Republic of Khakassia: History and Development Prospects, *Siberia Humanitarian*, 2026, no. 1 (13), pp. 97-109. EDN TYUZPS.
19. Rakityanskaya Ye.V. International Tourism in Khakassia: Review of Foreign Tourists Feedback, *Alley of Science: Scientific and Practical E-journal*, 2018, vol. 1, no. 7 (23), pp. 586-590. Available at: [https://alley-science.ru/domains_data/files/Collection_of_journals/Pervyy%20tom%20Yanvar\(%20isp\).pdf?x15568](https://alley-science.ru/domains_data/files/Collection_of_journals/Pervyy%20tom%20Yanvar(%20isp).pdf?x15568) (accessed: 10.04.2026). EDN XWOLVR.
20. Anzhiganova L.V., Barantseva N.A., Topoeva M.V. Museums as Elements of the Socio-Cultural Environment of Region: the Example of the Republic of Khakassia, *Medicine. Sociology. Philosophy: Applied Research*, 2022, no. 5, pp. 54-60.

Информация об авторе

Кранчев Дмитрий Алексеевич — экскурсовод, Хакасский национальный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова, Абакан, Российская Федерация. E-mail: d.kranchev@mail.ru

Information about the author

Dmitry A. Kranchev — Tour Guide, Khakass National Museum of Local Lore named after L.R. Kyzlasov, Abakan, Russian Federation. E-mail: d.kranchev@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.02.2026; одобрена после рецензирования 02.04.2026; принята к публикации 06.04.2026.

The article was submitted 20.02.2026; approved after reviewing 02.04.2026; accepted for publication 06.04.2026.

Исследование сибирских влияний на искусство скифоидных западных жунов в китайской археологии (по материалам могильника Мацзяюань)

Даниил Петрович Шульга

Центр экономической и социальной истории Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, shulga-dp@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5820-1743>

Аннотация. Исторический регион, включающий степи Южной Сибири и Восточного Казахстана, сыграл огромную роль в становлении феномена ранних кочевников, который, в свою очередь, определил развитие скотоводческой цивилизации на тысячелетие вперед. В значительной степени история многих стран и народов Евразии оказывается взаимосвязанной. Так, скифо-сибирский звериный стиль, тесно связанный с местной природной средой и образом жизни, является важнейшим элементом культуры раннего железного века в Алтайском регионе. В 2006 г. его сюжеты были обнаружены на колесницах могильника Мацзяюань (Чжанцзячуань-Хуэйский автономный уезд городского округа Тяньшуй, провинции Ганьсу). Некрополь относится к позднему этапу периода Чжаньго. Данная ситуация может быть следствием культурного взаимодействия местных западных жунов с различными культурами раннего железного века. Статья знакомит читателя с рядом выдвинутых в Китае теорий относительно происхождения скифоидных элементов, обнаруженных в Мацзяюань. Помимо определения связи между археологическим памятником Мацзяюань и пазырыкской культурой Горного Алтая, в данной работе затрагивается роль саков в регионе. Рассматриваются вопросы датировки ключевых памятников, а также то, как различные внешние (кочевые и китайские) элементы были приняты и переосмыслены знатью жунов, захоронения которой найдены в могильнике Мацзяюань.

Ключевые слова: степной звериный стиль, Мацзяюань, Алтай, культурный обмен в Евразийской степи, железный век, царство Цинь, формирование элит
Благодарности: Данная работа подготовлена в рамках государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Для цитирования: Шульга Д. П. Исследование сибирских влияний на искусство скифоидных западных жунов в китайской археологии (по материалам могильника Мацзяюань) // Сибирь гуманитарная. 2026. № 2. С. 111—122. EDN BUSEXC.

A study of Siberian influence on the art of the Scythian Western Rong in Chinese archaeology (based on materials from the Majiayuan burial ground)

Daniil P. Shulga

Center for Economic and Social History, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation, shulga-dp@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5820-1743>

Abstract. The historical region encompassing the steppes of southern Siberia and eastern Kazakhstan played a significant role in the development of the early nomadic phenomenon, which, in turn, determined the development of pastoral civilization for millennia to come. The histories of many countries and peoples of Eurasia are significantly interconnected. Thus, the Scythian-Siberian animal style, closely linked to the local natural environment and way of life, is a crucial element of Early Iron Age culture in the Altai region. In 2006, its motifs were discovered on chariots at the Majiayuan burial ground (Zhangjiachuan Hui Autonomous County, Tianshui City, Gansu Province). The necropolis dates to the late Zhanguo period. This situation may be the result of cultural interaction between the local Western Xirong people and various Early Iron Age cultures. This article introduces a number of theories advanced in China regarding the origins of the Scythian elements discovered at Majiayuan. In addition to establishing the connection between the Majiayuan archaeological site and the Pazyryk culture of the Altai Mountains, this work examines the role of the Saka people in the region. It examines the dating of key monuments, as well as how various external (nomadic and Chinese) elements were adopted and reinterpreted by the Xirong nobility, whose burials were found at Majiayuan.

Keywords: Steppe Animal Style, Majiayuan, Altai, cultural exchange in the Eurasian Steppe, Iron Age, Qin Dynasty, elite formation

Acknowledgments: This article was prepared as part of a state assignment from the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

For citation: Shulga D.P. A study of Siberian influence on the art of the Scythian Western Rong in Chinese archaeology (based on materials from the Majiayuan burial ground). *Siberia Humanitarian*. 2026;(2):111—122. (In Russ.). <https://elibrary.ru/busexc>.

Начиная с 2006 г. раскопки на холмистой местности, известной как Мацзяюань (Чжанцзячуань-Хуэйский автономный уезд, окрестности г. Тяньшуй, провинция Ганьсу), позволили получить новые сведения о культурной ситуации на периферии Центральной равнины Китая в период Сражающихся царств. Территория на западном склоне гор Луншань имела стратегически важное географическое положение. Очевидно, через район реки Цяньшуй, соединявшей регион Гуаньчжун (центральная часть провинции Шэньси) на востоке с западной частью Ганьсу, пролегал древний путь. Таким образом, земли, прилегающие к могильнику Мацзяюань, могут рассматриваться как связующие Гуаньчжун с коридором Хэси.

Описываемый археологический памятник Мацзяюань представляет собой захоронение представителей аристократии периода Сражающихся царств. Когда погребения были вскрыты, исследователей поразило обилие золотых украшений у усопших. Также в погребении обратили на себя внимание искусно декорированные колесницы, расположенные в длинных коридорах [1, р. 88—91]. Захоронение датируется рубежом периода Сражающихся царств и эпохи возвышения династии Цинь, т. е. приблизительно IV—III вв. до н. э. Погребенные были представителями западных жунов, к востоку от мест проживания которых располагалось царство Цинь [2, р. 71—77].

Найденные артефакты отличаются своеобразным стилем, демонстрирующим сложную культурную ситуацию и подчас эклектичное сочетание элементов. Что касается внутреннего устройства погребений, это ступенчатые ямы, в которых погребальная камера расположена на дне или в подбое. Очевидно, что перед нами типичное для жунов захоронение. Керамическая погребальная утварь представлена горшками *гуань* с двумя ушками, *ли* — с тремя лопатообразными ножками и *дин* — керамическими котлами-треножниками. Бронзовые изделия несут на себе явный отпечаток традиций Цинь. Примером здесь может служить бронзовый сосуд *ху* коконообразной формы с декорированными ручками и узорчатыми поясами, найденный в гробнице МЗ. В целом влияние культуры Центральной равнины прослеживается в бронзовых ритуальных емкостях (*дин*, *дунь* и *янью*), по форме схожих с таковыми у хуася; бронзовых клевцах *гэ*; лаковом декоре колесниц и их конструктивных элементах (элементы оси, колес и балдахины). Влияние ранних кочевников евразийских степей ярко выражено в золотых и серебряных украшениях, золотых предметах поясной фурнитуры, серебряных нашивных деталях обуви. Также обращает на себя внимание специфический звериный стиль, который замечен в том числе в убранстве колесниц. В целом на устройство погребения в Мацзяюань оказали влияние несколько факторов. Это влияние, во-первых, местных традиций жунов; во-вторых, культур евразийской степи; в-третьих, соседнего государства Цинь, расположенного недалеко на востоке, а также других царств Центральной равнины [3, р. 146—178]. Артефакты более восточных княжеств хуася, очевидно, попали в Ганьсу через Цинь, но сохранили некоторую специфику. Так проявления четырех разных культурных традиций сошлись здесь, совместно формируя уникальный облик могильника. Таким образом, Мацзяюань не только отражает ситуацию на периферии Чжоуского мира, но и представляет собой пример связи между сравнительно отдаленной евразийской скифоидной культурной общностью и китайской традицией.

Хотя могильник Мацзяюань и испытал различные культурные влияния, в пределах одного артефакта смешение стилей встречается редко. В этой связи обращают на себя внимание колесницы. На основе анализа более сорока обнаруженных к настоящему времени экземпляров исследователь Ван Хуэй разделил их на четыре категории:

- роскошные колесницы, богато украшенные золотом и серебром;
- лакированные или нелакированные экземпляры, украшенные элементами из меди, бронзы, олова;
- лакированные колесницы без декора;

— нелакированные деревянные, наиболее простые из обнаруженных [4].

Внешний вид этих колесниц варьируется, у них может быть круглая или квадратная форма. В то же время в своей основе конструкция не сильно отличается от устройства одноосных конных повозок Центральной равнины. Некоторые экземпляры в Мацзяюань даже имеют навесы. Конструкция (украшение ручки и навершие спицы зонта), явно заимствованная из традиций Центральной равнины, подобна бронзовой колеснице в мавзолее первого императора Цинь [5, р. 2—3]. Чжао Учэн тщательно реконструировал колесницы, которые видел в Мацзяюань, и разделил их на несколько типов в зависимости от их функции: боевые колесницы; церемониальные колесницы; повозки, служившие для хозяйственных нужд и как повседневный транспорт [6]. Помимо конструкции характерными чертами колесниц могильника Мацзяюань, заимствованными с Центральной равнины, являются лакированная поверхность и функциональные элементы отделки. Традиция покрытия колесниц лаком на Центральной равнине восходит к династии Шан. В отдельных случаях мы можем говорить о цветах. Судя по хорошо сохранившемуся экземпляру в яме для лошадей и колесниц (*чэмакэне*) № 1 на могильнике цзиньской знати Бэйчжао (провинция Шаньси), колесницы могли быть окрашены в три цвета: красный, черный и малахитово-зеленый [5, р. 4]. На чжоуском могильнике Цзицэнго (уезд Суйсянь городского округа Суйчжоу провинции Хубэй) колесницы в основном окрашены в красный и черный цвета [7, р. 275—289]. Лакированные деревянные артефакты из гробниц государства Чу периода Сражающихся царств нередко имеют хорошую сохранность, поэтому можно говорить о том, что в данном царстве были распространены детали колесниц, покрытые черным и красным лаком [5, р. 3]. В Мацзяюань для колесниц использовался преимущественно черный и красный лаки, заметно реже — малахитово-зеленый, темно-лазурный и белый. Все перечисленные цвета характерны и для находок с Центральной равнины [7, р. 320—328]. На боковой панели колесницы № 3 из могилы № 1 изображена личина божества, похожая на представленную в «Трактате на шелке из царства Чу» (раздел о двенадцати месяцах), который был создан в ту же эпоху [5, р. 33]. Примечательно, что концы осей колесниц в Мацзяюань часто оснащены типичными для хуася наосниками и чеками, которые не встречаются в степных районах. При этом конструктивно колесницы Мацзяюань вполне вписываются в китайский канон: поверхность их украшена большим количеством золотых, серебряных, медных и железных элементов с орнаментами, не встречающимися на Центральной равнине, но характерными для степного искусства. Среди них наиболее заметны растительные и зооморфные декоративные элементы, зачастую с характерными для скифоидных культур чертами — изображениями горных козлов, тигров, оленей и волков — классических для звериного стиля. Эти сюжеты, не характерные для Центральной равнины, были с большой аккуратностью нанесены на деревянные колесницы.

Декор колесниц Центральной равнины серьезно отличается от того, что мы видим в Мацзяюань. Создается впечатление, что деревянные повозки (включая колесницы), изготовленные в государстве Цинь

или других царствах Центральной равнины, были затем украшены западными жунами золотыми, серебряными и бронзовыми элементами в степном стиле (в соответствии с предпочтениями жунов), что придало повозкам иной итоговый облик по сравнению с аналогами из мира хуася.

Были эти элементы декора изготовлены местными жителями или же импортированы из других мест? Какой степени достигало инокультурное влияние? Эти вопросы важны для понимания происхождения степных элементов на колесницах в Мацзяюань, а также имеют решающее значение для понимания культурного происхождения и контактов населения, создавшего некрополь, связей между западом и востоком в период Сражающихся царств.

Характерные для степей зооморфные мотивы в Мацзяюань побудили многих исследователей сосредоточиться на культурах ранних кочевников. Теории, объясняющие наличие степных элементов в Мацзяюань, в основном связаны с несколькими археологическими культурами, с одной стороны, и общностями, известными по письменным источникам, — с другой. Среди таковых причерноморский, сакский, саянско-алтайский, южносибирский, ордосский культурные ареалы. Концепция взаимодействия Центрального и Северного Китая, а также евразийских степных культур разрабатывалась задолго до раскопок Мацзяюань [7, р. 523—547]. С момента открытия археологического памятника Мацзяюань ученые предлагали различные объяснения культурного происхождения степных сюжетов на колесницах. Несмотря на то, что большинство ученых в качестве культурного источника указывают на восточноевразийскую степь, особенно на регионы Алтая и Тянь-Шаня, существуют и иные мнения. Например, Ван Хуэй предполагает, что элементы традиций ранних кочевников, присутствующие в некрополе Мацзяюань, сформированы под влиянием северокитайских культур бронзового века, а также скифской, сакской и пазырыкской культур [2, р. 72—74]. Зооморфные мотивы, таким образом, могут быть связаны со знаменитым археологическим памятником Пазырык на Алтае, датируемым, по некоторым данным, IV в. до н. э., одноименная культура богата произведениями скифского звериного стиля [4, р. 28].

Украшения для колесниц в виде козерогов и растительного орнамента, вероятно, относятся к элементам культуры северных бронз. Анализ металлических артефактов из Мацзяюань, проведенный Хуан Вэем и другими исследователями, позволяет предположить, что найденные там золотые и серебряные артефакты имеют явное сходство с золотыми и серебряными украшениями, обнаруженными в более раннем кургане Аржан-2 [2, р. 72]. Ян Цзяньхуа считает, что изображения со степным влиянием, обнаруженные в Мацзяюань, «очень отличаются от бронзовых изделий, найденных в Гуюане и Ордосе на севере Китая», и сравнивает их с зооморфными изображениями из района Семиречья (включая Иссык и север Тянь-Шаня в Восточном Казахстане). Исследовательница делает вывод, что источником выступал именно этот регион [8, р. 215—219].

В приведенном обзоре особое внимание нами уделено Южной Сибири, Саяно-Алтаю и Семиречью (северные склоны Тянь-Шаня) — это регион, где сходятся современная Южная Сибирь (в составе России),

Тыва, запад Республики Монголия, Восточный Казахстан и Синьцзян. Район Западного Саяна и Тывы, благодаря большому количеству золотых артефактов из погребений ранних кочевников, в том числе обнаруженных в Аржане-1 и Аржане-2 (VIII—VI вв. до н. э.), важен для изучения ювелирного ремесла Евразии. Эти два кургана обычно относят к раннескифской эпохе. В обоих погребениях также было обнаружено большое количество жертвенных лошадей. В Аржане-1 их было найдено более четырехсот, в специально отведенной для лошадей яме в Аржане-2 были захоронены десятки коней со сбруей, что демонстрирует их важную роль в погребальных ритуалах.

Однако с точки зрения хронологии более подходящим представляется наследие Пазырыка, современное периоду создания Мацзяюань. Обнаружение здесь шелковых изделий и бронзовых зеркал периода Сражающихся царств стало доказательством обмена между Алтайским регионом и Центральной равниной Китая. Эта тема была поднята в монографии Сергея Ивановича Руденко в 1953 г. [9] В последние годы исследованиями Ма Цзяна Саяно-Алтайского региона, а также изысканиями на Центральной равнине и в северных районах КНР был внесен вклад в понимание пространственно-временных рамок и культурного значения археологического памятника Мацзяюань [10]. Ма Цзян прослеживает постепенный прогресс советских ученых (с 1940-х гг.) в исследовании археологии Саяно-Алтая (включая Тыву), а также описывает принятую в настоящее время концепцию археологических культур региона. Это обеспечивает ценную пространственно-временную основу для понимания культурных связей между регионом, где находится Мацзяюань, и Северным и Центральным Китаем. Также Ма Цзяном рассматриваются несколько основных источников внешнего культурного влияния на Саяно-Алтае: культура саков, а также Персии, Греции и Китая. Кроме того, ученым исследуется влияние культуры этого региона на север Поднебесной и культуру царства Цинь [11].

Благодаря усилиям многих исследователей была достигнута довольно детальная классификация культурного ландшафта восточной части Евразийской степи, включающей Саяно-Алтайский регион. Теперь можно более тонко оперировать понятием «скифо-сибирский звериный стиль», предложенным Карлом Йеттмаром в 1960-х гг. Также появилась почва для вычленения в Евразийской степи отдельных скифо-сибирских групп, отражающих региональные различия [5, р. 6]. Согласно современным представлениям, мир ранних кочевников как культурный феномен времен создания Мацзяюань (IV—III в. до н. э.) простирался от Причерноморья до Байкала. Его население составляли группы, которые по письменным и археологическим источникам соотносятся со скифами, сарматами, саками, а также носителями пазырыкской и тагарской культур [12]. Важным направлением исследований стала и сравнительная хронология. К IV в. до н. э. западная часть скифского мира локализуется в районе Урала, Черного и Каспийского морей. Культура саков, тесно связанная со скифской, в основном складывалась в степях вокруг Тянь-Шаня (ныне Казахстан и Кыргызстан) и, возможно, в Синьцзяне.

В Алтайском регионе, расположенном к северо-востоку от сакского ареала, доминировала пазырыкская культура. Разнообразные куль-

туры ранних кочевников влияли друг на друга, что привело к появлению у них сходных черт. Впрочем, есть основание полагать, что разные археологические культуры были представлены различными группами людей, возможно, со своим этническим (племенным) происхождением и верованиями. Поэтому независимо от того, считаются ли предметы кочевого искусства на повозках Мацзяюань происходящими из скифской, сакской или пазырыкской культур, за ними стоят различные общности, а следовательно, и пути контактов между Евразийской степью и Мацзяюань. Грифоны (с крыльями, головами орла или льва), появившиеся в Месопотамии около 3000 г. до н. э., постепенно широко распространились в Евразийской степи в классическом виде львиного и орлиного грифона. При этом на Алтае в сочетании с местным культом оленей фантастические существа трансформировались в уникальных оленьих грифонов с орлиными головами, оленьими телами и рогами [11].

В связи с этим логично провести сопоставление изображений животных и конской упряжи из двух основных возможных культурных источников внешнего влияния на декоративные изделия из Мацзяюань: сакской культуры (регион Семиречья) и пазырыкской культуры.

Название «саки» впервые появляется в документах Дария I (правил в 522—486 гг. до н. э.), государя Ахеменидской империи в Персии. В китайских исторических источниках самое раннее упоминание о «царе саков» встречается лишь в «Хань шу», в разделе о западных регионах. Что касается происхождения этой группы, существует множество теорий, в том числе предположение о том, что они были ветвью скифов или коренным народом центральноазиатских степей [13]. Культура саков в том виде, в котором она определяется в археологии, достаточно хорошо изучена. Основной ареал ее распространения — степи Центральной Азии (территория современного Казахстана и Кыргызстана), вблизи озера Зайсан на юго-западных склонах Алтайских гор, на востоке — до центрального Синьцзяна. Центральный регион их расселения, очевидно, был расположен в Семиречье и верховьях р. Или у северного подножия Тянь-Шаньских гор. Хронологические рамки охватывают V—III вв. до н. э.

Стоит отметить, что, помимо явной принадлежности к культуре ранних кочевников, культура саков также во многом находилась под сильным персидским влиянием. Обращает на себя внимание круглый столовидный артефакт, по периметру которого находятся фигурки животных, идущих друг за другом. Также к характерным изделиям можно отнести бронзовые (в том числе стремечковидные) удила и бронзовое клинковое оружие. Изображения животных на бляхах, плоскостные и рельефные, варьируются от вполне реалистичных до стилизованных. Кроме этого, под влиянием персидского искусства сформировалась традиция украшений в виде ажурных колокольчиков.

Самые богатые памятники сакской культуры сосредоточены в Семиречье (бассейн р. Или), на северном склоне Тянь-Шаньских гор в Казахстане. Среди них наиболее важным является курган Исык, раскопанный в период с 1969 по 1970 г. В настоящее время датируется этот археологический памятник V—IV вв. до н. э. или даже III—II в. до н. э. [5, р. 9]. Курган, известный как «погребение „Золотого человека“», по мнению китайских ученых, является памятником,

который логично сравнивать с комплексом Мацзяюань. Ян Цзяньхуа, например, утверждает, что предметы искусства из драгоценных металлов, найденные в Мацзяюань, своим происхождением обязаны именно иссыкской традиции. Сравнение золотых артефактов из гробницы Иссыка с артефактами из Мацзяюань позволяет выявить множество сходств. Широкое использование золота и серебра, частое использование образов таких животных, как козероги и тигры, ажурные орнаменты — все это похоже на украшения колесниц, найденных в Мацзяюань [8]. Вероятно, подобное сходство отражает общее влияние степного культурного фона на оба памятника, формирующего общий скифо-сибирский художественный стиль, распространенный среди различных групп ранних кочевников.

При этом тщательное сравнение золотых артефактов и изображений животных, найденных в кургане Иссык, с артефактами из гробницы Мацзяюань выявляет существенные различия в деталях. Несмотря на то, что в изображениях с обоих мест имеются схожие мотивы (образы степных животных и ажурные узоры), существуют явные различия в технике исполнения золотых изделий.

1. В обоих случаях используются бляхи, однако в Мацзяюань в основном применяются тонкие зигзагообразные линии вдоль фигур для придания объема, в то время как в Иссыке для достижения такого эффекта используются поперечные волнообразные линии.

2. На изображениях из Мацзяюань для передачи текстуры шкур животных (особенно на их конечностях) используются параллельные зигзагообразные линии, иногда добавляются выпуклые точки для подчеркивания деталей. Изображения животных из Иссыка с гладкими и округлыми формами демонстрируют реализм и живость.

3. Изображения козрогов в Иссыке отличаются яркими и реалистичными формами: часто с поднятой головой и выпяченной грудью или с четырьмя ногами, сведенными вместе (что, возможно, символизирует прыжок). В искусстве Мацзяюань подобные животные также встречаются, но здесь они переданы в виде силуэта: четыре ноги разведены в стороны, морда опущена, рога подняты. Под влиянием персидской культуры некоторые объемные изображения козлов, обнаруженные в Иссыке, имеют ярко выраженные крылья. Подобные мотивы, тяготеющие к Передней Азии, в Мацзяюань не встречаются.

4. Различия в фигурах тигров также весьма существенны. Тигры Мацзяюань обращены вперед, демонстрируя позу спокойствия, в то время как в Иссыке они изображены с изогнутыми телами S-образной формы. Взгляд хищников направлен назад, композиция выражает мощь и динамику.

5. На некоторых золотых артефактах из Иссыка присутствует изображение копытного с вывернутой задней частью. Эта особенность встречается на небольшом количестве поясных украшений Мацзяюань, да и стилистика здесь несколько иная.

6. Композиционное расположение тигров и копытных не одинаково. На деталях декора колесницы № 1 погребения № 3 в Мацзяюань изображения длинноногого козла и тигра расположены парами, словно в отражении. Между хищником и копытным нет прямого сюжетного взаимодействия [5, р. 9]. На деталях декора колесницы № 1 в погребении № 16 тигры и копытные идут друг за другом, словно

процессия, что создает умиротворенную атмосферу [14]. На головном уборе из Иссыка тигры, повернувшие головы назад, готовы атаковать травоядных животных, а расположенные рядом стилизованные изображения гор представляют собой место разворачивающейся драмы. Изображения тигров, горных козлов образуют непрерывную композицию: тигры прыгают и нападают на скачущих горных козлов на вершине горы. Сцена полна экспрессии, отражает реалии дикой природы региона обитания ранних кочевников [8, р. 217].

Сравнивая композиции с изображением тигров и козрогов из двух археологических памятниках, заметим, что их изображения на декорах колесниц Мацзяюань сочетаются с орнаментами, образуя ритмическую композицию, что существенно отличается от экспрессивных и динамичных украшений главного головного убора «Золотого человека». Следовательно, при наличии сходных элементов перед нами иные выразительные средства и конечный результат.

Конская сбруя, особенно удила и псалии, широко распространены в евразийских культурах ранних кочевников, отличаются быстро меняющимися и разнообразными формами, являясь важным критерием для датировки, существенным культурным маркером. Формы сакских и мацзяюаньских удили сильно различаются. Удила саков в основном бронзовые, со стремечковидными концами и соединением в виде двух вставленных друг в друга колец. Псалии же зачастую гладкие или очень просто декорированные. Найденные в Мацзяюань удила в основном изготовлены из железа, и их форма проще, чем у саков. Они с обеих сторон завершаются простыми кольцами, образованными путем сгибания обоих концов железного прута. Внешнее (для псалиев) кольцо больше, а соединительное имеет каплевидную форму. Псалии также железные, в основном S-образной формы [5, р. 9—10].

Описанные выше различия демонстрируют, что Мацзяюань со своими декорированными колесницами значительно отличается от сакской культуры как по художественным традициям, так и по конскому снаряжению. Сакская культура в регионе Семиречья имеет слабую связь с Мацзяюань и вряд ли является источником степного влияния на этот жунский памятник.

Конская сбруя в курганах Пазырыка и Берели, в первую очередь украшения для седел (из кожи и шерсти) и иных элементов снаряжения (в том числе деревянные с позолотой), имеют явные общие черты. На могильнике Мацзяюань не было найдено седел. Этот факт позволяет предположить, что лошади здесь в основном использовались запряженными в колесницу. Однако конская упряжь все же имеет сходство с пазырыкской упряжью. Во-первых, железные псалии из Мацзяюань, как и деревянные псалии из Пазырыка и Берели, имеют S-образную форму. S-образные псалии пазырыкской культуры часто украшены с обоих концов симметричными стилизованными растительными и зооморфными мотивами (львы в персидском стиле, орлы в скифском стиле, архары и т. д.). Среди множества примеров сходства — удила из берельского кургана № 36 и М1 в Мацзяюань. Железные удила из Берели и Мацзяюань почти идентичны, имеют круглое внешнее кольцо и соединительное кольцо в форме капли. Орнаменты в виде орлов на обоих концах S-образных псалиев также

перекликаются друг с другом. На поверхности деревянных псалиев из Берели сохранились остатки позолоты. Практика золочения деревянных поверхностей была распространена в пазырыкской культуре. Это очень схоже с украшением драгоценными металлами концов железных псалиев из Мацзяюань [4]. Вполне возможно, что золочение и серебрение поверхности железного оружия в Западном Саяне около VII в. до н. э. (что хорошо заметно в Аржане-2) повлияло на более позднюю практику золочения деревянных псалиев в пазырыкской культуре западного Алтая. Своеобразное сочетание подобных традиций мы видим на могильнике Мацзяюань, где акцент делается скорее на колесницах, чем на лошадях. Позолоченные и посеребренные железные предметы, помимо упомянутых псалиев, широко использовались и в элементах колесниц. Например, колесница № 1 в погребении № 14 имеет деревянные элементы, такие как ярмо, ось и кузов, при этом большие участки поверхности декорированы золотыми, серебряными и железными украшениями. Этот же подход применялся к наосьникам колесниц, выполненным под сильным влиянием царств Центральной равнины, как это видно на примере M1 [5, р. 11—12]. Техника инкрустации золотом и серебром железных элементов колесниц Мацзяюань не встречается на бронзах с колесниц Центральной равнины. Эти инкрустированные золотом и серебром железные детали колесниц, вероятно, созданы местными мастерами, которые объединили формы колесниц Центральной равнины с техникой инкрустации золотом и серебром Саянско-Алтайского региона, создав на стыке двух других местную традицию.

Список источников

1. Mi Yumei, Zhao Wucheng. A Look at the Cultural Exchange between China and the West in Ancient Times Based on the Warring States Burials in Majiayuan // Journal of Ludong University. 2015. Vol. 32, no. 6. P. 88—91 (in Chinese).
2. Wang Hui. Preliminary study of the issues related to the Majiayuan burial ground in Zhangjiachuan // Cultural Heritage. 2009. No. 10. P. 70—77 (in Chinese).
3. Study of the technology of manufacturing metal products from the cemetery Majiayuan: A Discussion of Cultural Exchange in Northwest China during the Warring States Period / Wei Huang, Jianli Chen, Hui Wang, Xiaohong Wu. Beijing : Beijing University Press, 2013. 264 p. (in Chinese).
4. Wang Hui. A Review of the Majiayuan Cemetery from the Warring States Period // Treasures of the Western Rongs (Cultural Heritage Found at the Majiayuan Burial Ground from the Warring States Period). Beijing : Heritage Publishing House, 2014. P. 10—31 (in Chinese).
5. Wu Xiaojun. Deers, tigers and wild goats on mountain tops: traces of steppe decorative traditions on chariots Majiayuan // Palace Museum Academic Quarterly. 2016. Vol. 34, no. 1. P. 1—50 (in Chinese).
6. Zhao Wucheng. Reconstruction of a Chariot from a Warring States Period Tomb in Majiayuan (Gansu Province) and a Discussion of Ethnic Affiliation // Cultural Heritage. 2010. No. 6. P. 75—83 (in Chinese).
7. Zhang Changshou, Yin Weizhang. Chinese Archaeology: The Two Zhou Era. Beijing : China Social Sciences Press, 2004. 564 p. (in Chinese).
8. Yang Jianhua. Study of the Steppe Influence on Tombs in Zhangjiachuan County — An Open Route through Tianshan // Archaeological Research of the Pre-Qin Northern Region. Beijing : Science, 2015. P. 215—222 (in Chinese).
9. Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время / Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 404 с.

10. Ma Jian. Gold Artifacts as Evidence of Cultural Exchanges between the Central Asian Steppe and China // Study of the Western Region. 2009. No. 3. P. 50—64 (in Chinese).
11. Ma Jian. Early Iron Age cultural exchange between the Sayan-Altai region and the steppes of Eastern Eurasia in the 8th-3rd centuries BC // Eurasian Studies. 2006. Vol. 8. P. 38—84 (in Chinese).
12. Zhang Wenling. Steppe Features of Qin Culture — As Exemplified by Metal Images of Fantastic Creatures from the Late Warring States Period // Monthly Journal of the Palace Museum. 2016. Issue 399. P. 66—73 (in Chinese).
13. Wang Binghua. Historical study of the Saka people in ancient Xinjiang // Archaeological research on the Silk Road. Urumqi : Xinjiang People's Publishing House, 2009. P. 154—166 (in Chinese).
14. Zhao Wucheng. Reconstruction of Warring States Period Chariots from the Majiayuan Burial Ground, Gansu. Part 1 // Cultural Heritage. 2010. No. 11. P. 84—96 (in Chinese).

References

1. Mi Yumei, Zhao Wucheng. A Look at the Cultural Exchange between China and the West in Ancient Times Based on the Warring States Burials in Majiayuan, Journal of Ludong University, 2015, vol. 32, no. 6, pp. 88-91 (in Chinese).
2. Wang Hui. Preliminary study of the issues related to the Majiayuan burial ground in Zhangjiachuan, Cultural Heritage, 2009, no. 10, pp. 70-77 (in Chinese).
3. Huang Wei, Chen Jianli, Wang Hui, Wu Xiaohong. Study of the technology of manufacturing metal products from the cemetery Majiayuan: A Discussion of Cultural Exchange in Northwest China during the Warring States Period. Beijing, Beijing University Press, 2013, 264 p. (in Chinese).
4. Wang Hui. A Review of the Majiayuan Cemetery from the Warring States Period, Treasures of the Western Rongs (Cultural Heritage Found at the Majiayuan Burial Ground from the Warring States Period). Beijing, Heritage Publishing House, 2014, pp. 10-31 (in Chinese).
5. Wu Xiaojun. Deers, tigers and wild goats on mountain tops: traces of steppe decorative traditions on chariots Majiayuan, Palace Museum Academic Quarterly, 2016, vol. 34, no. 1, pp. 1-50 (in Chinese).
6. Zhao Wucheng. Reconstruction of a Chariot from a Warring States Period Tomb in Majiayuan (Gansu Province) and a Discussion of Ethnic Affiliation, Cultural Heritage, 2010, no. 6, pp. 75-83 (in Chinese).
7. Zhang Changshou, Yin Weizhang. Chinese Archaeology: The Two Zhou Era. Beijing, China Social Sciences Press, 2004, 564 p. (in Chinese).
8. Yang Jianhua. Study of the Steppe Influence on Tombs in Zhangjia-chuan County — An Open Route through Tianshan, Archaeological Research of the Pre-Qin Northern Region. Beijing, Science, 2015, pp. 215-222 (in Chinese).
9. Rudenko S.I. Culture of the Population of the Altai Mountains in the Scythian period, Akad. nauk SSSR. In: Istoriya materialnoy kultury. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1953, 404 p.
10. Ma Jian. Gold Artifacts as Evidence of Cultural Exchanges between the Central Asian Steppe and China, Study of the Western Region, 2009, no. 3, pp. 50-64 (in Chinese).
11. Ma Jian. Early Iron Age cultural exchange between the Sayan-Altai region and the steppes of Eastern Eurasia in the 8th-3rd centuries BC, Eurasian Studies, 2006, vol. 8, pp. 38-84 (in Chinese).
12. Zhang Wenling. Steppe Features of Qin Culture — As Exemplified by Metal Images of Fantastic Creatures from the Late Warring States Period, Monthly Journal of the Palace Museum, 2016, issue 399, pp. 66-73 (in Chinese).
13. Wang Binghua. Historical study of the Saka people in ancient Xinjiang, Archaeological research on the Silk Road. Urumqi, Xinjiang People's Publishing House, 2009, pp. 154-166 (in Chinese).
14. Zhao Wucheng. Reconstruction of Warring States Period Chariots from the Majiayuan Burial Ground, Gansu. Part 1, Cultural Heritage, 2010, no. 11, pp. 84-96 (in Chinese).

Информация об авторе

Шульга Даниил Петрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр экономической и социальной истории, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: shulga-dp@ranepa.ru

Information about the author

Daniil P. Shulga — Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Center for Economic and Social History, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. E-mail: shulga-dp@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 30.01.2026; одобрена после рецензирования 19.03.2026; принята к публикации 24.03.2026.

The article was submitted 30.01.2026; approved after reviewing 19.03.2026; accepted for publication 24.03.2026.

Между развлечением и дидактикой: китайская дорама как транслятор государственного заказа

Татьяна Вячеславовна Савина^{1✉}, Карина Игоревна Илларионова²

^{1,2} Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация

¹ savina-tav@ranepa.ru✉

² illarionova-ki@ranepa.ru

Аннотация. Китайские телевизионные дорамы за последние годы превратились в глобальный медиафеномен, однако их коммерческий успех неразрывно связан с идеологической функцией: государство использует этот массовый продукт для трансляции актуальных политических и социальных нарративов. В статье на примере сериалов 2016—2026 гг. анализируются конкретные сюжетные механизмы, с помощью которых дорамы оперативно реагируют на изменения государственной повестки. Исследование охватывает четыре ключевых вектора: демографическую политику (переход от политики «одна семья — один ребенок» к стимулированию рождаемости; противопоставление «китайской мечты» (коллективное процветание, служение родине) «американской мечте» (индивидуальный успех); реализацию закона о патриотическом воспитании (2024) через дорамы; наконец, антикоррупционный нарратив. Особое внимание уделяется вызову со стороны «вертикальных» микросериалов, популярных у поколения Z. Этот формат изначально был менее доступен цензуре, однако реакция NRTA (запрет сюжетов о Золушках, директивы 2024 г.) доказывает стремление государства подчинить себе и этот канал. Авторы делают вывод, что китайские дорамы представляют собой динамичный инструмент социальной коррекции, который непрерывно адаптируется к новым медиаформатам и молодой аудитории, превращая развлечение в действенный способ конструирования образа справедливого и эффективного государства.

Ключевые слова: китайские дорамы, государственный заказ, сюжетные механизмы, социальная коррекция

Для цитирования: Савина Т. В., Илларионова К. И. Между развлечением и дидактикой: китайская дорама как транслятор государственного заказа // Сибирь гуманитарная. 2026. № 2. С. 123—132. EDN DDNZDF.

Between Entertainment and Didactics: Chinese Drama as a State-Ordered Broadcaster

Tatiana V. Savina^{1✉}, Karina I. Illarionova²

^{1, 2} Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation

¹ savina-tav@ranepa.ru✉

² illarionova-ki@ranepa.ru

Abstract. Chinese television dramas have become a global media phenomenon in recent years, but their commercial success is inextricably linked to their ideological function: the state uses this mass-market product to convey current political and social narratives. Using series released from 2016 to 2026 as examples, this article analyzes the specific narrative mechanisms through which dramas promptly respond to shifts in the state agenda. The study covers four key areas: demographic policy (the transition from the one-child policy to birth stimulation); the juxtaposition of the “Chinese Dream” (collective prosperity, service to the motherland) with the “American Dream” (individual success); the implementation of the Patriotic Education Law (2024) through dramas; and finally, the anti-corruption narrative. Particular attention is paid to the challenge posed by “vertical” micro-series, popular with Generation Z. This format was initially less accessible to censorship, but the NRTA's response (the ban on Cinderella stories, the 2024 directives) demonstrates the state's desire to subjugate this channel as well. The authors conclude that Chinese dramas represent a dynamic tool of social correction that continuously adapts to new media formats and a young audience, turning entertainment into an effective way of constructing the image of a just and effective state.

Keywords: Chinese dramas, state orders, plot mechanisms, social correction

For citation: Savina T.V., Illarionova K.I. Between Entertainment and Didactics: Chinese Drama as a State-Ordered Broadcaster. *Siberia Humanitarian*. 2026;(2):123—132. (In Russ.). <https://elibrary.ru/ddnzdff>.

Введение

В последние годы китайские телевизионные сериалы (дорамы) превратились в заметный феномен глобального медиарынка. За пределами Китая они собирают многомиллионную аудиторию, активно обсуждаются в социальных сетях и фанатских сообществах, а их экспортный потенциал постоянно растет: по данным за 2024 г., экспорт китайских сериалов составляет более 60 % всего объема экспорта китайской телевизионной продукции, при этом с 2012 по 2023 г. этот показатель увеличился примерно в три раза¹. Однако за этой коммерческой успешностью стоит не только очевидный экономический интерес, но и другой, не менее важный — идеологический. Китайское правительство рассматривает экспорт культурной продукции как

стратегический ресурс «мягкой силы»¹ для конструирования «богатого, объемного и в то же время реалистичного образа китайской нации», который становится «живым отражением пути развития и достижений Китая»².

Феномен китайских дорам уже привлек внимание исследователей, работающих в русле нескольких парадигм. Во-первых, это политологические исследования, в рамках которых китайские сериалы анализируются как элемент государственной «мягкой силы» и культурной дипломатии [1]. Во-вторых, это культурологические и медиаисследования, в которых китайские дорамы рассматриваются как пример гибридизации или глокализации, т. е. взаимодействия глобальных и локальных культурных форм. В частности, исследователи, опираясь на концепции Х. Бхабхи и А. Аппадурай, анализируют дорамы как «третье пространство», где происходит столкновение и смешение традиционных китайских и западных культурных кодов [2]. В-третьих, ряд лингвистических работ исследуют специфику перевода китайских сериалов на другие языки [3]. Таким образом, значимая роль китайских сериалов как инструмента «мягкой силы» и транслятора культуры не подвергается сомнению. Однако несмотря на значительный масштаб производства и глобального распространения китайских дорам, а также очевидность их идеологической функции, конкретные способы и механизмы, с помощью которых создатели сериалов реагируют на актуальную государственную политику и социальный заказ, остаются недостаточно изученными. Несомненно, что этот процесс не является стихийным: за ним стоит сложная система регулирования, прямые и косвенные директивы со стороны государства³, которое требует от создателей кинопродукта разрабатывать специфические сюжетные линии. При этом развлекательный по своей природе и достаточно примитивный продукт, ориентированный на массовую и не всегда критически настроенную аудиторию, становится проводником официальных нарративов. В этом контексте исследование того, как именно и с помощью каких сюжетных механизмов китайские дорамы реагируют на изменения государственной повестки, позволяет понять, как современная массовая культура становится не только развлечением, но и инструментом социальной инженерии.

Целью данного исследования является анализ китайских сериалов последних лет, который позволит продемонстрировать, как сюжетные линии, системы персонажей и типы конфликтов структурируются в соответствии с актуальными государственными директивами и социальными кампаниями. Выбор сюжета в качестве основного объекта анализа обусловлен самой природой потребления массового продукта: именно сюжет (последовательность событий, мотивация героев, способ разрешения конфликта) является тем элементом,

¹ «Кино+» способствует мощному развитию китайской киноиндустрии // Синьхуа Новости. 2026. 2 апр. URL: <https://russian.news.cn/20260204/ae7bbcc095949e884bc00ac14acae8f/c.html> (дата обращения: 05.04.2026).

² Современное китайское кино // ЕАМИ — Евразийская ассоциация международных исследований. 2022. 30 апр. URL: <https://eami.kz/2022/04/30/sovremennoe-kitajskoe-kino/> (дата обращения: 05.04.2026).

³ The Office of the Central Committee of the Communist Party of China and the General Office of the State Council issued the “14th Five-Year” Cultural Development Plan // www.gov.cn. 2022. 16 авг. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2022-08/16/content_5705612.htm (дата обращения: 28.04.2026).

который зритель запоминает, пересказывает и обсуждает. Следовательно, если государство стремится внедрить в массовое сознание определенные модели поведения, то эти установки должны быть встроены именно в сюжет.

Вызовы демографии

Наиболее заметным вектором китайской повестки, которая последнее время последовательно транслируется через массовый кинопродукт, является демографическая политика¹. На фоне тенденции к снижению рождаемости китайское правительство перешло от политики «одна семья — один ребенок» к активному стимулированию рождаемости: с 2021 г. разрешено иметь троих детей, а в 2025 г. была введена общегосударственная система родительских пособий, которая распространяется на детей в возрасте до трех лет². Этот поворот демографической политики немедленно повлиял на сюжетные линии в мини-сериалах, которые все чаще демонстрируют счастливые многодетные семьи, правильное отношение к браку и детям, а незапланированная беременность превращается в повод для укрепления семейных уз. Так, например, китайская дорама «Здравствуйте, дети» (Hey, Kids / Hey, Child), выпущенная в 2016 г., прекрасно иллюстрирует напряженную атмосферу вокруг деторождения. К этому времени политика «одна семья — один ребенок» уже утратила актуальность и общество находилось в состоянии переходного периода. Три сюжетные линии отражают несколько аспектов одной и той же проблемы. Одна из героинь отказывается от карьеры и отчаянно пытается забеременеть, другая — проходит через травму потери ребенка, а третья погрязла в семейных конфликтах из-за требований продолжения рода со стороны родителей. Сюжетные линии пересекаются, формируя объемную картину тех проблем, с которыми сталкиваются современные семьи в Китае: воспитание детей, бремя родительства и конфликт поколений.

Современные китайские сериалы показывают, как изменился посыл³. Демографическая повестка аккуратно вплетается в сюжеты многих романтических, городских и даже офисных дорам, и теперь подход к этим вопросам кардинально иной. Так, например, сюжет романтической драмы «Мир добр ко мне» (The world treats me kindly, 2023) построен на случайной встрече богатого предпринимателя и девушки из бедной семьи. Случайная связь и беременность преподносятся как основа зарождения чувств, создания семьи и рождения двух детей. Такие сюжеты тиражируются и с незначительными вариациями повторяются в десятках сериалов, но при этом финал всегда оптимистичен в соответствии с законами жанра.

Очевидно, что в силу своей развлекательной природы дорама — это инструмент мягкой социальной коррекции, не затрагивающий

¹ China's Reproductive Rights: Calls for a Childbirth Culture // Population Matters. URL: <https://populationmatters.org/news/2025/02/chinas-reproductive-rights-calls-for-a-childbirth-culture/> (дата обращения: 28.03.2026).

² В Китае семьям с детьми до трех лет будут выплачивать \$500 в год // Interfax. 2025. 28 июля. URL: <https://www.interfax.ru/world/1038439> (дата обращения: 28.04.2026).

³ China Announces Big Changes To Improve Marriage, Birth Rates // Newsweek. 2026. 6 марта. URL: https://www.newsweek.com/china-announces-changes-to-improve-marriage-birth-rates-11632127?utm_source=reddit&utm_campaign=reddit_main (дата обращения: 20.03.2026).

причины демографического кризиса. В отличие от «дорамного оптимизма», авторское китайское кино задает вопросы и предлагает неутешительные ответы. Например, фильм «Детка» (Baby, 2018) режиссера Лю Цзе — это авторское, фестивальное кино, снятое в суровой документальной манере (*vérité style*) с использованием ручной камеры, неяркого освещения и минимумом музыки. Главная героиня обнаруживает, что ее биологическая мать когда-то отказалась от нее в пользу воспитания младшего брата. Встретив умирающего брата в больнице, она решает взять на себя ответственность по уходу за ним и лечению. Героиня пытается разобраться в собственных чувствах и понять, готова ли она на жертвы ради семьи, которую едва знает. Вместо привычной для дорам эстетизированной реальности зритель погружается в мрачный мир, где каждый персонаж находится под давлением бездушной бюрократической системы. В то время как дорама избегает глубокой трагедии и стремится сгладить конфликт с существующей государственной системой, «Детка» — это фильм-расследование того, куда завела китайские семьи политика «одна семья — один ребенок»¹. В дораме социальный конфликт обычно заканчивается счастливым браком и восстановлением иерархии ценностей, но в «Детке» героиня обречена: закон не на ее стороне, социальные службы бессильны, а финал фильма не предлагает решения.

«Китайская мечта» против «американской мечты»

Концепция «китайской мечты», провозглашенная Си Цзиньпином в 2012 г. как «великое возрождение китайской нации», остается краеугольным камнем политической пропаганды. Государственная идеология транслирует четкую идею: личный успех гражданина неразрывно связан с успехом страны. Этот нарратив находит свое воплощение в дорамах через образы героев-профессионалов, служащих на благо родины, а также через исторические сюжеты, создающие образ непрерывной и великой цивилизации.

«Китайская мечта» значительно моложе «американской мечты», и центральное различие между этими концепциями лежит в понимании того, ради чего человек стремится к успеху. «Американская мечта» делает акцент на личном процветании, индивидуальной свободе и социальной мобильности, она тесно связана с понятием *self-made man*. Достижения здесь рассматриваются как результат личной инициативы и конкуренции на свободном рынке, а конечная цель — это достижение личного счастья и материального благополучия отдельным человеком.

«Китайская мечта», напротив, ставит во главу угла национальное возрождение и коллективное процветание [4]. Ее идеологическая формула включает весьма значимое уточнение: «наша общая мечта». Индивидуальный успех неразрывно связан с благополучием государства и нации. Конечная цель направлена на «великое возрождение китайской нации», где сила страны напрямую влияет на богатство народа. В то время как «американская мечта» — это обычно история восхождения снизу вверх, «китайская мечта» — это всегда история служения на благо общего дела.

¹ Film Review: 'Baby' by Maggie Lee // Variety. 2018. 9 сент. URL: <https://variety.com/2018/film/reviews/baby-review-baobei-1202934531/#article-comments> (дата обращения: 20.03.2026).

Сюжеты многих дорам строятся на том, что герой возвращается в Китай после учебы или работы за границей. Как правило, это врачи или предприниматели, которые стремятся использовать приобретенные навыки для процветания страны. Так, «Китайская мечта» (2019) — это программный сериал, в котором герои, уехавшие в США за «американской мечтой», разочаровавшись, возвращаются в Китай и именно здесь находят истинный смысл жизни и применение своим талантам. Интересно, что оригинальное название сериала звучит как «Мечта на *этой* стороне моря».

В контексте трансляции политической повестки с помощью телевизионных сериалов обращают на себя внимание исторические сюжеты, как давнего, так и сравнительно недавнего прошлого. Так, сюжет сериала «В погоне за Нефритом» (Pursuit of Jade, 2026) представляет собой пример более тонкой пропаганды: традиционная китайская философия (*инь-ян*) интегрируется в романтический сюжет, что позволяет ненавязчиво утверждать «мягкую силу» китайской культуры через историческое повествование, а не через прямые лозунги.

Кроме того, в китайском кинематографе есть целый пласт сюжетов, где собственные национальные практики противопоставляются западным, и это всегда делается с четкой расстановкой акцентов: да, западное — современное и технологичное, но свое глубже, гуманнее, целостнее. Традиционные китайские боевые искусства чаще всего противопоставляются технологичной, но обезличенной силе (например, бомбы и пушки). Герои-мастера кунг-фу, владеющие внутренней энергией *ци* и философией *инь-ян*, оказываются морально и технически сильнее любого западного или технологичного врага. В сериале 2019 г. «Старый доктор» (Doctor of Traditional Chinese Medicine) действие происходит в 1920-е гг., когда западная медицина активно пыталась вытеснить традиционные методы. Главный герой, наследник знаменитой медицинской школы, бросает вызов системе, отстаивает ценность своего подхода перед государством и принимает активное участие в антияпонской войне. Сериал был задуман как прямое «воздание чести» китайской медицине на фоне исторической несправедливости.

Закон о патриотическом воспитании

С 1 января 2024 г. в Китае вступил в силу закон о патриотическом воспитании, который обязывает все учебные заведения внедрять идеи патриотизма во все аспекты учебного процесса. Хотя закон направлен в первую очередь на систему образования, его идеологическая риторика и акцент на «единстве нации» и «преданности родине» оказывают влияние и на культурную среду в целом, включая телевизионный контент. В дорамах это проявляется в усилении внимания к темам «правильной» истории и «общей судьбы» различных народов Китая.

В 2025 г. к 80-летию Победы во Второй мировой войне был выпущен в прокат сериал «Долгий путь домой» (The Long Way Back). Его создание шло под прямым контролем государства: производством и продвижением сериала руководили Государственное управление по делам радио и телевидения КНР (NRTA) и Министерство обороны Китая. В центре сюжета небольшая группа бойцов Северовосточного объединенного антияпонского отряда, которые после ожесточенного

сражения с японскими захватчиками и потери связи с основными силами оказываются в глубоком тылу врага. Это история тяжелого возвращения к своим товарищам, но в первую очередь — возвращения к борьбе. Не случайно оригинальное название сериала — «Вернуться в строй».

В силу того, что закон о патриотическом воспитании направлен прежде всего на молодежь, особый интерес в контексте трансляции государственного заказа представляет аудитория поколения Z (16—24 лет). Подростки и молодые люди в значительной степени потребляют не традиционный телевизионный контент, а «вертикальные» видео из социальных сетей на мобильных устройствах. Именно эта аудитория является одновременно и основной возрастной группой, на которую направлена государственная политика патриотического воспитания, и наименее доступной для традиционных инструментов цензуры. Здесь следует сказать о феномене «вертикальных» микросериалов — формате, изначально возникшем как рыночный ответ на практики мобильного просмотра [5]. Этот формат обладает рядом характеристик, делающих его идеальным каналом для обхода государственного контроля: короткая продолжительность серий (1—5 мин.), ориентация на сюжет, а не на характер, а также высокая скорость производства. Ключевое отличие «вертикалок» от официальных дорам заключается в их относительной свободе от цензуры: они показывают обнаженное тело, сцены курения, мафиозные разборки, мистику, т. е. затрагивают те темы, которые практически не встречаются в традиционных сериалах. Однако, как отмечают исследователи, эта индустрия страдает от однотипности сюжетов, массового тиражирования одних и тех же IP-адаптаций, что снижает зрительский интерес. И, что важнее, реакция государства не заставляет себя ждать.

В ноябре 2024 г. NRTA выпустило директивы, в которых потребовало исключить из микродрам такие штампы, как «деспотичный CEO» и «злая свекровь», и заменить их образами «образцовых предпринимателей», идеями филиальной почтительности и социальной гармонии. Кульминацией противостояния государства и «вертикального кино» стал прямой запрет NRTA сюжетов о Золушке (т. е. о бедной девушке, которую спасает богатый CEO), самого популярного сюжета «вертикальных» сериалов¹. Причина запрета, официально сформулированная как борьба с «нездоровыми ценностями», на деле отражает стремление государства подчинить себе этот, казалось бы, дикий рынок: вместо пассивного ожидания «волшебного спасителя» молодежи предлагается «нормированный рабочий день, белая зарплата и ДМС со стоматологией», т. е. реалистичная, а не сказочная модель успеха в рамках официальной доктрины «китайской мечты». Директивы NRTA — это прямое доказательство того, что даже свободная стихия «вертикалок» начинает активно направляться в русло официальной повестки.

¹ China to regulate CEO romance micro dramas, warns against content promoting materialism, flaunting of wealth: report // Global Times. 2024. 26 нояб. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202411/1323805.shtml#:~:text=The%20guidelines%20said%20creators%20should,instant%20success%2C%20or%20overnight%20wealth> (дата обращения: 20.03.2026).

Таким образом, можно наблюдать двойную динамику: с одной стороны, поколение Z становится объектом активного культурного управления через традиционные «горизонтальные» дорамы, транслирующие официальный дискурс. Как показывают исследователи, китайские дорамы целенаправленно используются как инструмент культурного управления именно поколением Z, соединяя прошлое, настоящее и будущее Китая в единый патриотический нарратив [6]. С другой стороны, государство сталкивается с вызовом со стороны «вертикального», менее контролируемого формата, который быстро заполняет нишу, оставленную традиционной цензурой. Поле борьбы официального нарратива и неформальной стихии оказывается именно там, где сосредоточена самая активная и грамотная в цифровом отношении аудитория — в пространстве мобильного «вертикального» видео. Это указывает на то, что для поколения Z «мягкая сила» через традиционные дорамы работает лишь отчасти: привлекательность идол-культуры и художественного качества оказывается недостаточной для создания полноценной «китайской мечты».

Борьба с коррупцией

В 2025 г. Китай набрал 43 балла из 100 согласно Индексу восприятия коррупции, опубликованному Transparency International¹. В 2019 г. единое продвижение «трех не» — не сместь быть коррумпированным, не иметь возможности быть коррумпированным, не желать быть коррумпированным — было обозначено как основная политика в борьбе с коррупцией и важная стратегия внутрипартийного управления [7]. Интересно, что концепция «трех не» зародилась еще в эпоху Мин, что свидетельствует о неизменном и постоянном обращении современного Китая к своему историческому прошлому.

Антикоррупционные сюжеты телесериалов служат площадкой для демонстрации «нужных» добродетелей: честности, служения обществу, приоритета закона над личными связями. Герои-прокуроры, действующие во имя народа и справедливости, становятся ролевыми моделями, пропагандируя через свою самоотверженность официальные ценности «китайской мечты», когда личный успех и признание достигаются именно через служение государству и обществу. Показывая в сериалах, как честные прокуроры и партийные органы успешно разоблачают даже высокопоставленных коррупционеров, государство транслирует месседж: «Система способна к самоочищению». Это формирует у зрителя, особенно у молодежи, уверенность в том, что власть стоит на страже справедливости, а несправедливость только лишь результат действий отдельных «плохих чиновников», а не системный порок. Перенаправляя внимание зрителя на борьбу с этим явлением и предлагая морально удовлетворяющие сценарии наказания виновных, дорамы работают как «предохранительный клапан».

Драма «Бесконечная защита» (Endless Defense), снятая в 2025 г., рассказывает об истории первого в Китае отдела по защите несовершеннолетних в провинции Юньхай. Единый сквозной сюжет пред-

¹ China Corruption Index. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/china/corruption-index> (дата обращения: 29.04.2026).

ставляет собой антологию дел, которые расследует отдел, что позволяет охватить большой пласт социальных проблем и унифицировать их под эгидой одного ведомства.

Сериал «Во имя народа» (In the Name of People, 2017) стал классической масштабной политической антикоррупционной драмы, так как позволяет увидеть почти панорамную картину коррупционных связей. Сюжет построен вокруг расследования обстоятельств дела о масштабной коррупции в вымышленной провинции Ханьдун. Все начинается с локального инцидента, побега за границу замешанного во взятках вице-мэра, но затем перерастает в противостояние с целой системой, продажность которой достигает самого высокого уровня. Ключевая идея сериала заключается в том, что государство само способно выявлять и наказывать коррупцию на самом высоком уровне. Сериал транслирует силу и неподкупность закона, а также непримиримость борьбы добра со злом, независимо от ранга преступника.

Заключение

Таким образом, китайские дорамы представляют собой многоуровневый и динамично развивающийся инструмент социальной коррекции, который оперативно реагирует на изменения государственной повестки: демографической, идеологической, патриотической, антикоррупционной. Эволюция жанра (от «горизонтальных» дорам к «вертикальным» микросериалам) и ответная реакция государства демонстрируют, что государственный заказ в Китае — это не статичная система запретов, а непрерывный процесс адаптации к новым медиаформатам и новым поколениям зрителей. И при всей своей развлекательной природе именно дорамы становятся сегодня одним из самых действенных каналов формирования у аудитории (и прежде всего у молодежи) образа справедливого, эффективного и заботливого государства, где закон торжествует, служение становится высшей ценностью, а «китайская мечта» обретает зримые, привлекательные и эмоционально убедительные очертания.

Список источников

1. Проскурнова Е. Л., Чжу Вань, Те О. Е. Пропаганда национальных культурных ценностей в современных телепередачах Китая // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 54—67. DOI: 10.17223/15617793/511/5.
2. Оян Ж. Современная китайская культура как объект медиаотражений // Коммунология. 2024. Т. 12, № 4. С. 42—54. DOI: 10.21453/2311-3065-2024-12-4-42-54.
3. Бузаева Я. А., Жернова И. К. Перевод субтитров к азиатским фильмам и сериалам // Современные исследования социальных проблем. 2022. Т. 14, № 4. С. 57—71. DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-57-71.
4. Распертова С. Ю. «Китайская мечта» как культурная стратегия КНР по повышению «мягкой силы» государства на международной арене // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 13 (724). С. 104—116.
5. Си Л., Новикова А. А., Сун Ц. Вертикальный поворот китайских сериалов: влияние практик мобильного просмотра на индустрию и нарратив // Вестник РУДН. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30, № 4. С. 887—901. DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-4-887-901. EDN: SPPIYS.
6. Ünal Seveda, Binark Multu. How past-present-future interconnect in China: CDramas as a tool of cultural governance and the possibility of a ‘Chinese wave’ in the case of GenZ //

- Connectist: Istanbul University Journal of Communication Sciences. 2024. No. 67. P. 177—208. DOI: 10.26650/CONNECTIST2024-1519379.
7. Никифорцева А. Н. Система «трёх не» в борьбе с коррупцией в Китае // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7, № 2. С. 6—18.

References

1. Proskurnova Ye.L., Chzhu Van, Te O.Ye. Propaganda of National Cultural Values in Modern Chinese Television Programs, Bulletin of Tomsk State University, 2025, no. 511, pp. 54-67. DOI: 10.17223/15617793/511/5.
2. Oyan Zh. Contemporary Chinese Culture as an Object of Media Reflections, Communicology, 2024, vol. 12, no. 4, pp. 42-54. DOI: 10.21453/2311-3065-2024-12-4-42-54.
3. Buzaeva Ya.A., Zhernova I.K. Subtitles Translation for Asian films and TV Series, Modern Studies of Social Issues, 2022, vol. 14, no. 4, pp. 57-71. DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-57-71.
4. Raspertova S.Yu. The "Chinese Dream" as Cultural Strategy of the PRC to Increase the State's "Soft Power" in International Arena, Bulletin of the Moscow State Linguistic University, 2015, Vip. 13 (724), pp. 104-116.
5. Si L., Novikova A.A., Sun Ts. The Vertical Rotation of Chinese TV Series: The Impact of Mobile Viewing Practices on the Industry and Narrative, RUDN University Bulletin. Series: Literary Studies. Journalism, 2025, vol. 30, no. 4, pp. 887-901. DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-4-887-901. EDN: SPPIYS.
6. Ünal Sevada, Binark Multu. How past-present-future interconnect in China: CDramas as a tool of cultural governance and the possibility of a 'Chinese wave' in the case of GenZ, Connectist: Istanbul University Journal of Communication Sciences, 2024, no. 67, pp. 177-208. DOI: 10.26650/CONNECTIST2024-1519379.
7. Nikifortseva A.N. The "Three Nos" System in Fight against Corruption in China, East Asia: Facts and Analytics, 2025, vol. 7, no. 2, pp. 6-18.

Информация об авторах

Савина Татьяна Вячеславовна — кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков и лингводидактики, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: savina-tav@ranepa.ru

Илларионова Карина Игоревна — студент, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: illarionova-ki@ranepa.ru

Information about the authors

Tatyana V. Savina — Candidate of Sciences (Philology), Head of the Department of Foreign Languages and Linguistics, Siberian Institute of Management — branch of RANEP, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: savina-tav@ranepa.ru

Karina I. Illarionova — Student, Siberian Institute of Management — branch of RANEP, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: illarionova-ki@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 12.03.2026; одобрена после рецензирования 15.04.2026; принята к публикации 27.04.2026.

The article was submitted 12.03.2026; approved after reviewing 15.04.2026; accepted for publication 27.04.2026.

ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ EDUCATION AND UPBRINGING

Сибирь гуманитарная. 2026. № 2. С. 133—143.
Siberia Humanitarian. 2026;(2):133—143.

Образование и воспитание

Научная статья
УДК 371.014(470+571+55):372.893
EDN DIHMQQL

Сравнительный анализ национальных парадигм исторического просвещения Российской Федерации и Исламской Республики Иран

Александр Евгеньевич Бобер¹, Яна Игоревна Устименко²

^{1,2} Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация

¹ bober-ae@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0000-6367-4852>

² ustimenko-yi@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0002-3603-9858>

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу государственной образовательной политики России и Ирана. Рассматривается роль школьного курса истории в формировании гражданина. Российский Указ Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314 и обновленные федеральные государственные образовательные стандарты впервые закрепили историческое просвещение как самостоятельное направление государственной политики, целью которого является формирование общероссийской гражданской идентичности, патриотизма, высоких нравственных и культурных стандартов. Иранский Документ о фундаментальных преобразованиях в сфере образования и Национальная учебная программа выстраивают содержание школьного образования вокруг теоцентрической концепции *Naayat-e Teuyebeh* («чистая жизнь»). Анализ нормативных документов проведен по четырехэтапной модели Бередея с опорой на теорию культурной памяти Я. Ассмана, концепцию социальных рамок памяти М. Хальбвакса и теорию онтологической безопасности Э. Гидденса и Дж. Митцен. Авторы показывают, что обе системы, при всем цивилизационном различии, обнаруживают существенное институциональное сходство, поскольку они сопоставимо централизуют содержание и придают приоритет воспитательной задаче наряду с академической. Различаются они в целеполагании. Россия ориентирована на формирование гражданина государства-цивилизации, Иран — верующего, готового к участию в построении исламского общества.

В сравнении выявлены две противоречивые тенденции: парадокс внутренней критики (более централизованная иранская система сопровождается более активной внутренней академической дискуссией) и мнемоническая асимметрия (политическое сближение двух стран сосуществует с устойчивыми расхождениями исторических нарративов). Общий вызов для обеих систем состоит в поддержании баланса между нормативной унификацией содержания и пространством профессиональной самостоятельности учителя.

Ключевые слова: историческое просвещение, образовательные стандарты, сравнительная педагогика, историческое сознание, гражданская идентичность, ФГОС, Hayat-e Teyyebah, дидактика истории

Для цитирования: Бобер А. Е., Устименко Я. И. Сравнительный анализ национальных парадигм исторического просвещения Российской Федерации и Исламской Республики Иран // Сибирь гуманитарная. 2026. № 2. С. 133—143. EDN DIHMQ.

Education and upbringing

Original article

Comparative Analysis of National Historical Enlightenment Paradigms of the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran

Alexander E. Bober¹, Yana I. Ustimenko²

^{1, 2} Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation

¹ bober-ae@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0000-6367-4852>

² ustimenko-yi@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0002-3603-9858>

Abstract. This article provides a comparative analysis of the state educational policies of Russia and Iran. It examines the role of the school history course in the development of citizens. The Russian Presidential Decree No. 314 of May 8, 2024, and the updated federal state educational standards for the first time enshrined historical education as an independent area of state policy, the goal of which is the formation of an all-Russian civic identity, patriotism, and high moral and cultural standards. The Iranian Document on Fundamental Transformations in Education and the National Curriculum structure the content of school education around the theocentric concept of Hayat-e Teyyebah (pure life). The analysis of regulatory documents is conducted using Bereday's four-stage model, relying on J. Assmann's theory of cultural memory, M. Halbwachs's concept of the social framework of memory, and E. Giddens and J. Mitzen's theory of ontological security. The authors demonstrate that both systems, despite their civilizational differences, exhibit significant institutional similarities, as they centralize content to a comparable degree and prioritize educational goals alongside academic ones. They differ in their goal setting. Russia focuses on developing citizens of a state-civilization, while Iran focuses on developing believers ready to participate in building an Islamic society. The comparison reveals two contradictory tendencies: the paradox of internal criticism (the more centralized Iranian system is accompanied by more active internal academic debate) and mnemonic asymmetry (the political rapprochement between the two countries coexists with persistent divergences in historical narratives). A common challenge for both systems is maintaining a balance between the normative unification of content and the space for professional teacher autonomy.

Keywords: historical enlightenment, educational standards, comparative pedagogy, historical consciousness, civic identity, Federal State Educational Standards, Hayat-e Teyyebah, history didactics

For citation: Bober A.E., Ustimenko Ya.I. Comparative Analysis of National Historical Enlightenment Paradigms of the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran. *Siberia Humanitarian*. 2026;(2):133—143. (In Russ.). <https://elibrary.ru/dihmql>.

Современные государства все чаще говорят о школьном предмете «История» как о стратегическом ресурсе: учебник истории перестает быть просто пособием и становится инструментом формирования гражданина.

Россия и Иран смогли поставить систему образования в основу политики формирования гражданской идентичности. Так, в мае 2024 г. указом Президента историческое просвещение в России было закреплено как самостоятельное направление государственной политики¹. Синхронно с этим обновленные федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) добавили в школьный курс десятки часов по истории и обязательный модуль «История нашего края»². Десятилетием ранее в Иране был принят Документ о фундаментальных преобразованиях в сфере образования — Fundamental Reform Document of Education (FRDE)³ и национальная учебная программа⁴, в которых все школьное содержание подчинено единой ценностной концепции Hayat-e Teyyebah («чистая жизнь») [1].

Внешне это две очень разные реформы: одна светская, другая теоцентрическая; одна обращается к гражданскому, другая — к религиозному. Однако обе ставят перед школой одну и ту же задачу — формировать через предмет истории определенный тип человека. Сравнение этих реформ до сих пор не предпринималось, хотя такой материал дает редкую возможность увидеть, что делает с историей государство, заинтересованное в том, чтобы собрать вокруг нее общенациональный консенсус.

Исследование строится по четырехэтапной модели Бердея — описание, интерпретация, сопоставление, сравнение [2] — и опирается на отечественную традицию сравнительной педагогики, представленную работами Б. Л. Вульфсона [3]. В этой традиции сравнительно-педагогическое исследование понимается как поиск соотношения всеобщих тенденций и национально-региональной специфики, а его задача — не только зафиксировать сходство образовательных систем, но и объяснить расхождения и противоречивые тенденции внутри схожих по форме реформ. К материалу применяются три взаимодей-

¹ См.: Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения : утв. Указом Президента Рос. Федерации от 8 мая 2024 г. № 314 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405080001> (дата обращения: 22.04.2026).

² См.: Федеральная образовательная программа основного общего образования : утв. приказом Министерства просвещения Рос. Федерации от 18 мая 2023 г. № 370 (с изм.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307120023> (дата обращения: 22.04.2026).

³ См.: Fundamental Reform Document of Education (FRDE) / The Islamic Republic of Iran Ministry of Education. Tehran : Supreme Council of the Cultural Revolution, 2011. 54 p.

⁴ См.: The National Curriculum of the Islamic Republic of Iran / The Islamic Republic of Iran Ministry of Education. Tehran : Education Higher Council, 2012. 69 p.

полняющих подхода. Аксиологический подход позволяет показать иерархию ценностей, которую закладывают нормативные документы: каким должен быть выпускник; что считается приоритетным — знания или установки; какое место в этой иерархии занимает критическое мышление. Культурологический подход помогает увидеть в нормативных решениях не произвол ведомства, а отражение глубоких культурных привычек: для России — традиции просветительского государства, исторически берущего на себя задачу формирования идентичности; для Ирана — шиитской традиции, в которой образование неотделимо от формирования верующего по религиозному закону. Цивилизационный подход переводит наблюдаемое сходство механизмов с уровня описания на уровень объяснения: обе системы устроены сходно, потому что обе принадлежат моделям, для которых активная роль государства в работе с идентичностью органична.

Теоретические рамки исследования образованы тремя уровнями. Первый — теория культурной памяти Я. Ассмана [4]. Образовательный стандарт здесь предстает как институциональная машина культурной памяти: организованной передачи «фигур памяти» от поколения к поколению. Ключевое для Ассмана понятие — «коннективная структура» культуры, которая одновременно скрепляет общество ценностями и «сшивает» его во времени образами прошлого [4, с. 15—18]. История, преподаваемая по этой логике, неизбежно работает с «канонами» — обязательным набором событий, оценок и сюжетов, и именно эта логика стоит за единым учебником истории в России и единой национальной учебной программой в Иране.

Второй уровень представлен концепцией социальных рамок памяти М. Хальбвакса. Хальбвакс отмечал, что то, как именно мы помним, определяется обществом: речью, представлениями о времени и пространстве, институтами [5]. В школе эту работу выполняет программа: она задает рамки, внутри которых ученик встречается и удерживает исторический материал. Для нашего сопоставления это значит, что российский и иранский кейсы можно и нужно сравнивать не на уровне самих нарративов, а на уровне институциональной архитектуры, которая эти нарративы порождает.

Третий уровень связан с теорией онтологической безопасности Э. Гидденса. На уровне индивида, согласно Э. Гидденсу, идентичность держится рутинной: повторяемыми, привычными схемами действия и рассказа [6]. Урок истории — один из таких рутинизирующих процессов: каждую неделю он воспроизводит определенные объяснения, постепенно делая их само собой разумеющимися. Стандарт делает рутинизацию массовой: одни и те же объяснения транслирует одновременно весь корпус учительства. Как отмечала Дж. Митцен, на уровне государства контроль над историческим нарративом обеспечивает устойчивый образ государственного «Я», который воспроизводит каждое новое поколение [7 ; 8]. Три уровня собираются в одну рабочую конструкцию: Хальбвакс описывает механизм памяти, Ассман — нормативную функцию школы как ее хранителя, Гидденс и Митцен — государственный интерес в монополизации этой функции.

Основу нашего исследования составляет анализ следующих материалов: Указа Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314, которым были утверждены Основы государственной поли-

тики Российской Федерации в области исторического просвещения (Указ Президента России № 314); Федеральной образовательной программы основного общего образования (ФООП ООО); национальной учебной программы Исламской Республики Иран, а также академических исследований содержания иранских учебников и реализации иранских образовательных реформ [9—13]. Аналитические категории, примененные нами: телеологические формулировки — декларируемые цели системы; ценностные маркеры — описания желаемых качеств выпускника; механизмы централизации; отношение к критическому мышлению и вариативности.

Начнем анализ с российских источников. Указ Президента России № 314 впервые закрепил историческое просвещение как самостоятельное направление государственной политики, определив его цель — «формирование у граждан общероссийской гражданской идентичности, патриотизма, гражданской ответственности, высоких нравственных и культурных стандартов». Это гражданско-патриотическая телеология в чистом виде, поскольку государство прямо вменяет школе задачу формирования нормативного субъекта с заданными ценностными параметрами. Не менее показательно, что указ выстраивает непрерывный педагогический контур, в котором единая методология охватывает все ступени — от детского сада до вуза, а заодно вводит мониторинг компьютерных игр и образовательных продуктов. Иначе говоря, государство признало, что важная часть исторического воспитания происходит в цифровой среде. Обновленным ФГОС была увеличена аудиторная нагрузка по истории на 136 часов и введен обязательный курс «История нашего края» (17 часов). Опираясь терминами Хальбвакса, отметим, что это целенаправленная сборка локального и общенационального нарративов: краеведческое содержание подключается к национальному и региональная идентичность встраивается в национальную как ее часть. Главным дидактическим инструментом становится отказ от вариативности учебников и переход к единой государственной линейке. Как показывает А. В. Лубков, эта мера встраивается в отечественную традицию, для которой стандартизированный нарратив всегда был «общей платформой» гражданской идентичности [14], поэтому нынешняя централизация — не институциональный разрыв, а воспроизводство устойчивой государственно-педагогической рутины, которое прекрасно ложится в логику онтологической безопасности.

Сопутствующие реформы — переименование «Технологии» в «Труд (технология)»¹, обновление программ по литературе и географии — складываются в общую картину, в которой гуманитарный блок выстраивается вокруг ценностно ориентированного обучения. На уровне высшей школы контур замыкается обязательным курсом «Основы российской государственности» с его аксиологической формулой

¹ См.: О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»: федер. закон от 19 дек. 2023 г. № 618-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312190026> (дата обращения: 28.02.2026).

«человек — семья — общество — государство — страна»¹. Тенденция к идеологической унификации гражданского образования в университетах прослеживается с конца 2010-х гг. [15 ; 16]

ФООП ООО описывает выпускника как человека, «ценящего единство и целостность Российского государства». Эта формулировка сама по себе показательна. Государственная целостность включена не в перечень знаний, а в портрет выпускника, т. е. стандарт регулирует не только то, что школьник будет знать, но и то, как он будет к этому относиться. «Критическое мышление» в стандартах присутствует, однако в разделах об истории оно оказывается встроенным в логику оценки событий «с позиций гражданственности и патриотизма»: критичность работает внутри ценностной рамки, а не поверх нее.

Академическое сообщество фиксирует риски, сопряженные с избыточной централизацией содержания образования. Нормативное устранение педагогической вариативности создает устойчивое противоречие между курсом на суверенное образование и профессиональными традициями школы [17 ; 18]. Эксперты Института образования НИУ ВШЭ предупреждают, что последовательная стандартизация несет риск утраты академической автономии школы [19]. При этом связь между стандартом и практикой не механическая. Как показывает Т. О. Гордеева и О. А. Сычев, контролирующий стиль преподавания определяется прежде всего системными характеристиками учительского труда — мотивацией и самоэффективностью, а не одной только нормативной логикой [20].

Иранская система в свою очередь являет пример последовательно теоцентрической образовательной модели, в которой государственные стандарты и религиозная догматика срослись. Базовые документы (FRDE и национальная учебная программа) выстроены вокруг концепции *Науат-е Теуебан* [1]. FRDE прямо называет целью образования создание условий для «жизни согласно воле Бога и достижения чистой жизни»: это теоцентрическая телеология, в которой выпускник определен не через гражданское, а через религиозно-онтологическое измерение. Документ называет секулярную педагогику монархической эпохи принципиально недостаточной и провозглашает ее замену педагогией исламской. В антропологии иранского стандарта развитие личности достигается только через ценностно ориентированный подход, в котором духовное воспитание дидактически предшествует академическому обучению [11]. Управление школой формально возложено на Министерство образования, но идеологическое содержание определяет Высший совет культурной революции — институционально-религиозный механизм, в котором государственная и религиозная власть совмещены. Этим иранская модель отличается от российской, где идеологическое целеполагание и нормативное регулирование сосредоточены в одном государственном центре.

¹ См. об этом: Концепция учебно-методического комплекса модуля «Основы российской государственности»: [письмо № МН-11/1610-ОП от 11 авг. 2023 г.] / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации // FGOSVO: портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/metod/Ps_MON_11_1610_11082023.pdf (дата обращения: 28.02.2026).

Национальная учебная программа ставит перед школой задачу собрать национальную идентичность из трех составляющих: фундаментальных исламских ценностей, классической персидской литературы и революционного наследия [10]. Современные исследователи содержания иранских учебников считают, что именно учебник остается главным проводником этого синтеза, поскольку доисламский этос персидской цивилизации в нем органично соединен с ирано-исламской революционной идентичностью [12]. Содержание учебных дисциплин, включая отдельный курс «Оборонная готовность» для старшеклассников, последовательно формирует у школьников нарратив мартирологии и революционного самопожертвования. Это зафиксировано, в частности, в докладе израильской мониторинговой организации IMPACT-se и неотрывно связано с антизападной риторикой иранской образовательной доктрины¹. Параллельным ценностным маркером в национальной учебной программе выступает также описание выпускника как обладателя *pious-oriented* (богоугодного) мышления, т. е. духовно-нравственная чистота фиксируется как центральный ориентир, а гражданские и территориальные компоненты остаются на периферии ценностной иерархии.

При этом внутри Ирана нет академического консенсуса относительно FRDE. Образовательное сообщество критикует документ за идеализм декларируемых целей и оторванность от реальной школы [9]. Жесткая централизация ограничивает профессиональную автономию учителя, превращая его в пассивного транслятора официального нарратива. На практике это, по данным исследований, ведет к формальному, а не подлинному усвоению ценностей [9 ; 13]. Попытки внедрить активные методы обучения упираются в переполненные классы и слабую материально-техническую базу [13]. Иранские учебные программы почти не нацелены на развитие критического мышления и компетенций XXI в., что приводит к разрыву между педагогическим идеалом и запросами иранской молодежи в условиях глобализации [11]. FRDE декларирует «исламское рациональное мышление» как идеал познания, но на практике его место часто занимает религиозно санкционированная интерпретация действительности [9 ; 11].

Обратимся к итогам сравнения. При сопоставлении двух моделей обнаруживаются те закономерности и вопросы, на которые простая логика централизации не отвечает. Главное различие пролегает на уровне цели. Российская политика, юридически закреплённая в Указе Президента России № 314 и обновлённых ФГОС, является светско-государственной. Её цель — устойчивая общероссийская гражданская идентичность в рамках цивилизационной парадигмы. В основе же иранской модели находится религиозная эсхатология, которая своей целью ставит духовную трансформацию ученика для участия в построении идеального исламского общества. И все же обе системы преподают историю не как науку об объяснении прошлого, а как инструмент трансляции ценностного нарратива.

На операционном уровне сходство моделей проявляется заметнее. Школа в обеих странах рассматривается как главное место сборки

¹ См.: IMPACT-se. Iran's Radical Education: The Continuous Revolution. Jerusalem ; N. Y. : IMPACT-se, 2022. 54 p.

идентичности в противовес внешнему ценностному влиянию. Обе системы нормативно устраняют вариативность содержания. В обеих моделях отражено неформальное образование: в российской — через мониторинг цифровой среды, иранской — через институты религиозного воспитания. Различается тип централизации: Россия использует административно-правовой механизм, Иран — институционально-религиозный. За этим различием стоит разная природа легитимирующего субъекта.

Тем не менее, как настаивал Вульфсон, сравнительная педагогика существует не ради констатации сходств, а ради «противоречивых тенденций» и отступлений от ожидаемого паттерна [3]. Сходство двух централизованных систем с выраженной государственной идеологией предсказуемо. При этом выявленные исследованием две противоречивые тенденции в эту логику не вписываются.

Первая противоречивая тенденция — это парадокс внутренней критики. Иранская система нормативно жестче, с двойным (государственный и религиозный) контролем, но именно она позволяет более развитую внутреннюю академическую критику собственных реформ [9 ; 11 ; 13], тогда как российская сопоставимая дискуссия более рассеяна тематически и реже оформляется в систематические критические обзоры реформы [17 ; 18]. Это не вписывается в простую модель «чем жестче централизация, тем тише академическое сообщество». Правдоподобное объяснение лежит в культурной плоскости. Иранская академическая среда, формировавшаяся внутри традиции дискуссии в нормативном религиозном поле, хорошо умеет критиковать реализацию реформы, не покушаясь на ее основания. В российском контексте оспаривание самой логики централизации приобретает политическое измерение и реже оформляется в самостоятельный академический жанр. Эта гипотеза предварительная и нуждается в верификации на материале социологических исследований иранского академического сообщества. При этом следует отметить, что критика централизации публикуется и внутри российского академического поля, так что речь идет об асимметрии жанровой концентрации, а не об отсутствии внутренней дискуссии как таковой.

Вторая противоречивая тенденция — мнемоническая асимметрия при политическом сближении. Россия и Иран позиционируют себя как стратегические партнеры. Тем не менее их образовательные стандарты сохраняют несовместимые образы общей истории XIX в. В иранских учебниках Россия предстает через травматическую память о территориальных потерях, закрепленных Гюлистанским и Туркманчайским договорами, что трактуется как национальное унижение [12]. Эта асимметрия усугубляется и редакционно, поскольку дискурсивный анализ иранских учебников зафиксировал систематическое исключение потенциально дестабилизирующих интерпретаций [12]. Российский стандарт, ориентированный на нарратив государственного величия и цивилизационной миссии, в свою очередь, выносит исторически чувствительные для иранского партнера события на периферию учебного содержания. По теории онтологической безопасности государства воспроизводят рутинные нарративы даже тогда, когда это осложняет решение других задач, и именно эти рутины обеспечивают стабильность «государственного

Я» [7 ; 8]. Гармонизация нарративов потребовала бы от обеих сторон ревизии этих стабилизирующих рутин, что оказывается задачей куда более сложной, чем кажется на уровне декларируемого партнерства. Цивилизационный подход показывает пределы наблюдаемого изоморфизма, показывая, что мнемоническая асимметрия — не редакционная небрежность, а проявление глубинной несовместимости двух исторических образов себя, сформированных в разных культурно-религиозных матрицах. И эта несовместимость воспроизводится в стандартах независимо от текущего политического курса; следовательно, феномен структурный, а не конъюнктурный.

Таким образом, и Россия, и Иран рассматривают школьную историю как стратегический инструмент формирования гражданина: в первом случае гражданина государства-цивилизации, а во втором — верующего, готового строить идеальное исламское общество. Институциональные приемы при этом удивительно похожи: централизация содержания, единый нарратив, непрерывный контур от детского сада до вуза, контроль над неформальным образованием. Разнятся не приемы, а образ человека, ради которого эти приемы пускают в ход.

И все же главное — не то, что обе системы устроены похоже, а то, что не объясняется их сходством. Более жесткая иранская система парадоксальным образом производит более живую внутреннюю академическую дискуссию о собственных реформах, чем менее жесткая российская, а это означает, что степень нормативного давления вовсе не однозначно предсказывает степень академической рефлексии. Политическое сближение двух стран не растворяет глубинные расхождения в образах общей истории. И, наконец, обе системы делят одну и ту же уязвимость — не идеологическую, а административную: чем больше школьная история сводится к воспроизводству предписанного нарратива, тем меньше в классе остается пространства для учителя как самостоятельного профессионала и тем больше риск, что школьник усвоит правильные слова, но не то, что за ними должно стоять.

Список источников

1. Marzooghi R., Deimehkar Haghighi F. The Validation of the Conceptual Scale of Hayat Tayyaba based on Islamic Texts, *Educational Systems Innovations*, 2024, vol. 2, pp. 1-15.
2. Bereday G. Z. F. *Comparative Method in Education*. N. Y. : Holt, Rinehart and Winston, 1964. 302 p.
3. Вульфсон Б. Л. *Сравнительная педагогика: история и современные проблемы*. М. : Изд-во УРАО, 2003. 232 с.
4. Ассман Я. *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности* / пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
5. Хальбвакс М. *Социальные рамки памяти* / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М. : Новое изд-во, 2007. 348 с.
6. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford : Stanford University Press, 1991. 256 p.
7. Mitzen J. Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma // *European Journal of International Relations*. 2006. Vol. 12, no. 3. P. 341—370.
8. Мафуанг С. *Онтологическая безопасность: генезис, применение в международных отношениях* // *Общество: политика, экономика, право*. 2025. № 1 (138). С. 64—74. DOI: 10.24158/pep.2025.1.8.

9. Arani A., Sorkhabi S., Navid Adham M. A Systematic Review of the Critiques and Problems of Implementation of Fundamental Reform Document of Education // *Iranian Journal of Comparative Education*. 2023. Vol. 6, no. 2. P. 2426—2445.
10. Armand M., Azimi Vahid M., Mazaheri H. Reviewing textbooks in order to provide the strategy to institutionalize the values of the Islamic Revolution in students // *The Islamic Revolution Approach*. 2022. Vol. 16. P. 45—66.
11. Khodamoradi A. 21st Century Skills and Literacies: Fundamental Reform Document of Education (FRDE) vs. P21 Framework for 21st Century Learning // *Iranian Journal of Comparative Education*. 2024. Vol. 7. P. 3250—3266.
12. Rezaei S., Abe S., Farhang A. Values and identities in Iranian primary school social studies textbooks: a discursive approach // *Pedagogy, Culture & Society*. 2022. Vol. 30. P. 1—21. DOI: 10.1080/14681366.2020.1853811.
13. Taghipoor M., Gholtash A., Mashinchi A. Performance of Educational System of Iran in Implementation of BOM Program in the Middle Secondary Schools // *Iranian Journal of Comparative Education*. 2024. Vol. 7, no. 1. P. 2827—2838.
14. Лубков А. В. О едином учебнике истории: концептуальные основания // *Преподаватель XXI век*. 2024. № 1. С. 303—320. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-1-303-320.
15. Спиридонова В. И. «Цивилизационное государство» versus «национальное государство» как отражение кризиса неолиберального проекта // *Знание. Понимание. Умение*. 2022. № 3. С. 15—28.
16. Бронников И. А., Цыбрюева М. В. Политологическое образование в современных российских вузах (2017—2021 гг.) // *Дискурс-Пи*. 2021. Т. 18, № 4. С. 125—140. URL: https://madipi.ru/images/uploads/125-140_Бронников_Цыбрюева.pdf (дата обращения: 28.02.2026).
17. Метлик И. В. Развитие ценностно-целевого содержания гражданско-патриотического воспитания в связи с принятием изменений в Конституцию России (2020 г.) // *Педагогическое образование в России*. 2022. № 1. С. 372—381.
18. Гавриленко П. А., Сорокин П. С. Изменения в представлениях и практиках школьных учителей относительно самостоятельности учеников // *Психологическая наука и образование*. 2022. Т. 27, № 3. С. 26—43. DOI: 10.17759/pse.2022270302.
19. Итоги 2025 года в школьном образовании: экспертный комментарий / Центр общего и дополнительного образования им. А. А. Пинского // *Высшая школа экономики*. 2025. 30 дек. URL: <https://ioe.hse.ru/ds/news/1115162032.html> (дата обращения: 24.03.2026).
20. Гордеева Т. О., Сычев О. А. Что стоит за поддерживающим автономию и контролирующим стилями преподавания у учителей // *Вопросы образования*. 2025. № 1. С. 90—116.

References

1. Marzooghi R., Deimehkar Haghighi F. The Validation of the Conceptual Scale of Hayat Tayyaba based on Islamic Texts, *Educational Systems Innovations*, 2024, vol. 2, pp. 1-15.
2. Bereday G.Z.F. *Comparative Method in Education*. New York, Holt, Rinehart and Winston, 1964, 302 p.
3. Vulfson B.L. *Comparative Pedagogy: History and Contemporary Issues*. Moscow, Publ. URAO, 2003, 232 p.
4. Assman Ya. *Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in Ancient High Cultures*. Moscow, Yaziki slavyanskoi kulturi, 2004, 368 p. (in Russ.)
5. Khalbvaks M. *Social Frameworks of Memory*. Moscow, Novoe izd-vo, 2007, 348 p. (in Russ.)
6. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, Stanford University Press, 1991, 256 p.
7. Mitzen J. Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma, *European Journal of International Relations*, 2006, vol. 12, no. 3, pp. 341-370.
8. Mafuang S. Ontological Security: Genesis, Application in International Relations, *Society: Politics, Economics, Law*, 2025, no. 1 (138), pp. 64-74. DOI: 10.24158/pep.2025.1.8.
9. Arani A., Sorkhabi S., Navid Adham M. A Systematic Review of the Critiques and Problems of Implementation of Fundamental Reform Document of Education, *Iranian Journal of Comparative Education*, 2023, vol. 6, no. 2, pp. 2426-2445.

10. Armand M., Azimi Vahid M., Mazaheri H. Reviewing textbooks in order to provide the strategy to institutionalize the values of the Islamic Revolution in students, *The Islamic Revolution Approach*, 2022, vol. 16, pp. 45-66.
11. Khodamoradi A. 21st Century Skills and Literacies: Fundamental Re-form Document of Education (FRDE) vs. P21 Framework for 21st Century Learning, *Iranian Journal of Comparative Education*, 2024, vol. 7, pp. 3250-3266.
12. Rezaei S., Abe S., Farhang A. Values and identities in Iranian primary school social studies textbooks: a discursive approach, *Pedagogy, Culture & Society*, 2022, vol. 30, pp. 1-21. DOI: 10.1080/14681366.2020.1853811.
13. Taghipoor M., Gholtash A., Mashinchi A. Performance of Education-al System of Iran in Implementation of BOM Program in the Middle Sec-ondary Schools, *Iranian Journal of Comparative Education*, 2024, vol. 7, no. 1, pp. 2827-2838.
14. Lubkov A.V. On a Unified History Textbook: Conceptual Foundations, *Teacher of the 21st Century*, 2024, no. 1, pp. 303-320. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-1-303-320.
15. Spiridonova V.I. "Civilizational State" versus "Nation State" as a Reflection of the Crisis of the Neoliberal Project, *Knowledge. Understanding. Skill*, 2022, no. 3, pp. 15-28.
16. Bronnikov I.A., Tsibryaeva M.V. Political Science Education in Modern Russian Universities (2017-2021), *Discourse-Pi*, 2021, vol. 18, no. 4, pp. 125-140. Available at: https://madipi.ru/images/uploads/125-140_Bronnikov_Tsibryaeva.pdf (accessed: 28.02.2026).
17. Metlik I.V. Development of the Value-Target Content of Civic-Patriotic Education Regarding Amendments to the Constitution of Russia (2020), *Pedagogical Education in Russia*, 2022, no. 1, pp. 372-381.
18. Gavrilenko P.A., Sorokin P.S. Changes in School Teachers' Perceptions and Practices Regarding Student Independence, *Psychological Science and Education*, 2022, vol. 27, no. 3, pp. 26-43. DOI: 10.17759/pse.2022270302.
19. 2025 Results in School Education: Expert Commentary, Higher School of Economics, 2025, 30 December. Available at: <https://ioe.hse.ru/ds/news/1115162032.html> (accessed: 24.03.2026).
20. Gordeeva T.O., Sichev O.A. What's Behind Teachers' Autonomy-Supporting and Controlling Teaching Styles?, *Education Issues*, 2025, no. 1, pp. 90-116.

Информация об авторах

Бобер Александр Евгеньевич — преподаватель кафедры иностранных языков и лингводидактики, аспирант, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: bob-ae@ranepa.ru

Устименко Яна Игоревна — преподаватель кафедры иностранных языков и лингводидактики, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: ustimenko-yi@ranepa.ru

Information about the authors

Alexander E. Bober — Lecturer, Department of Foreign Languages and Linguodidactics, Postgraduate Student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: bob-ae@ranepa.ru

Yana I. Ustimenko — Lecturer, Department of Foreign Languages and Linguodidactics, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: ustimenko-yi@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 04.03.2026; одобрена после рецензирования 15.04.2026; принята к публикации 22.04.2026.

The article was submitted 04.03.2026; approved after reviewing 15.04.2026; accepted for publication 22.04.2026.

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: РУССКИЙ СЛЕД

PRESERVATION OF HISTORICAL MEMORY: THE RUSSIAN TRACE

Сибирь гуманитарная. 2026. № 2. С. 144—151.
Siberia Humanitarian. 2026;(2):144—151.

Сохранение исторической памяти: русский след

Информационная статья
УДК 355.425(450)"1935/45"(093)
EDN ITDQEW

Русский гарибальдиец Анатолий Тарасов, «русский сын» Альчиде Черви

Михаил Григорьевич Талалай

Международный научно-исследовательский центр Павла Муратова, Милан, Италия,
talalaym@mail.ru

Аннотация. Статья синтезирует уже известные сведения и приводит новые данные об участнике итальянского Сопротивления, Анатолии Макаровиче Тарасове. Политический комиссар Русского ударного батальона в регионе Эмилия-Романья, которым командовал легендарный «капитано руссо» Владимир Переладов, он написал воспоминания «В горах Италии», которые были изданы в 1960 г. Со временем эти воспоминания стали важным историографическим источником. В 1975 г. книга А. Тарасова была издана в Италии в переводе Риккардо Бертани, дополнившего ее сведениями из местных архивов. В 2025 г. эта книга была переиздана, что вновь привлекло внимание к одному из центральных эпизодов истории советских партизан в Италии. Особый интерес представляют отношения Тарасова с известной семьей Черви, все семь братьев которой были казнены фашистами. Переживший своих сыновей Альчиде Черви-старший считал Анатолия своим «восьмым сыном». В статье описывается жизненный путь А. Тарасова. Особое внимание уделено его участию в движении Сопротивления в Италии, а также характеристике литературного наследия, основанного на воспоминаниях героя. Его воспоминания — это уроки международного братства, а не просто военные хроники. Они не утратили своей актуальности в настоящее время. Автор констатирует, что память о советских героях-партизанах — участниках европейского Сопротивления нуждается в сохранении.

Ключевые слова: Анатолий Тарасов, движение Сопротивления, русские партизаны в Италии, Советская миссия по репатриации, общество дружбы «Италия — СССР», Альчиде Черви

Для цитирования: Талалай М. Г. Русский гарибальдиец Анатолий Тарасов, «русский сын» Альчиде Черви // Сибирь гуманитарная. 2026. № 2. С. 144—151. EDN ITDQEW.

Preservation of historical memory: the Russian trace

Information article

Russian Garibaldian Anatoly Tarasov, “Russian son” of Alcide Cervi

Mikhail G. Talalay

Pavel Muratov International Research Center, Milan, Italy, talalaym@mail.ru

Abstract. This article presents well-known information and provides new data about Anatoly Makarovich Tarasov, a member of the Italian Resistance. A political commissar of the Russian Shock Battalion in the Emilia-Romagna region, commanded by the legendary "Captain Russo" Vladimir Pereladov, he wrote a memoir, "In the Mountains of Italy," which was published in 1960. Over time, these memoirs became an important historiographic source. In 1975, Tarasov's book was published in Italy in a translation by Riccardo Bertani, who supplemented it with information from local archives. In 2025, this book was reissued, bringing renewed attention to one of the central episodes in the history of Soviet partisans in Italy. Of particular interest is Tarasov's relationship with the notorious Cervi family, all seven of whose brothers were executed by the fascists. Alcide Cervi Sr., who outlived his sons, considered Anatoly his “eighth son”. This article describes the life of A. Tarasov, focusing on his participation in the Resistance movement in Italy and on the literary legacy based on his memoirs. His memoirs offer lessons in international brotherhood, not mere war chronicles. They remain relevant today. The author concludes that the memory of the Soviet partisan heroes who participated in the European Resistance needs to be preserved.

Keywords: Anatoly Tarasov, Resistance movement, Russian partisans in Italy, Soviet Repatriation Mission, Italy-USSR Friendship Society, Alcide Cervi

For citation: Talalay M.G. Russian Garibaldian Anatoly Tarasov, “Russian son” of Alcide Cervi. *Siberia Humanitarian*. 2026;(2):144—151. (In Russ.). <https://elibrary.ru/itdqew>.

Анатолий Макарович Тарасов (1921—1971) стал воплощенным символом русско-итальянских связей, пришедшихся на один из самых драматичных периодов европейской истории: с оружием в руках он боролся за освобождение Италии от нацифашизма, а в послевоенный период много сил отдал ради сохранения памяти о советских партизанах и в целом ради дружбы между двумя странами.

Его жизненный путь воссоздан в сборнике «Улица Анатолия Тарасова». В предисловии его составитель Людмила Королева емко представила общий образ партизана: «„Знаете, каким он парнем был?“ — слова из известной песни о первом в мире космонавте Юрии Гагарине

можно отнести и к герою этой книги, участнику итальянского движения Сопротивления Анатолию Тарасову. Каждая статья нашей книги связана или с военным временем, или с мирными буднями. Это статья о солдате Тарасове, чье мужество, храбрость, ответственность, находчивость, доброта, верность проявились настолько ярко, что после раннего ухода из жизни, а Тарасов не дожил до 50 лет, товарищи Анатолия по Сопротивлению посчитали необходимым увековечить память о нем, назвав его именем улицу в Италии, в городе Реджо-Эмилии. А земляки Тарасова из Удомли поставили ему памятник на окраине той деревни, где он родился»¹.

Внимание к необыкновенной судьбе русского гарибальдийца в последнее время было обращено вновь благодаря инициативе культурной ассоциации «Россия — Эмилия-Романья» и итальянского издательства Anteo Edizioni, решивших переиздать в 2025 г. перевод его мемуаров “*Sui monti d’Italia*” («В горах Италии»), впервые опубликованных в Италии в 1975 г.

Автор этих строк принимал участие в подготовке итальянского переиздания, синтезировав уже известные материалы и обнаружив новые. Впервые был представлен читателю переводчик мемуаров Тарасова на итальянский язык — Риккардо Бертани, который родился в 1930 г. в крестьянской семье в Кампеджине (провинция Реджо-Эмилия), сын первого послевоенного мэра своего родного городка, коммуниста Альбино Бертани. Риккардо увлекся классической русской литературой, читая книги из библиотеки местного отделения Итальянской компартии. Самостоятельно выучил русский язык. Вскоре обнаружили его исключительные лингвистические способности. За годы Риккардо Бертани овладел более ста языками, в том числе большинством славянских, баскским, эскимосским, монгольским и пр. Среди новаторских работ Бертани следует отметить первый рутульско-итальянский словарь (на рутульском языке говорит небольшая община в Дагестане и на севере Азербайджана). Им написаны научные работы о языках этрусков, майя, индейцев Патагонии и Огненной Земли, о фольклоре родного края. Несмотря на то, что большую часть своей жизни он проработал в семейном фермерском хозяйстве, Бертани сотрудничал с различными университетами и академиями. В середине 1990-х гг. он подарил муниципалитету Кампеджине свою богатейшую личную библиотеку, для сохранения и популяризации которой был создан специальный фонд — *Fondo Riccardo Bertani*. Лингвист-самородок скончался в 2023 г., когда ему было более девяноста лет.

В юности Бертани много слышал о действиях советских партизан в его крае и искал редкие русские публикации. Найдя самые первые очерки Тарасова в периодике, он принялся за их перевод. Когда же вышла книга «В горах Италии», Бертани тотчас принялся за ее перевод, сделав ряд уточнений и существенное дополнение — о визите Тарасова в Италию и новой встрече со знаменитым ветераном Сопротивления Альчиде Черви.

В предисловии к переизданию мемуаров на итальянском языке генеральный консул Российской Федерации в Милане Д. И. Штодин

¹ Улица Анатолия Тарасова / сост. Л. А. Королева. М. : Гелиос АРВ, 2021. С. 8.

сказал: «От других подобных воспоминаний советских партизан она отличается тем, что написана в форме своего рода дневника, живым языком. Для меня, как и для другого современного читателя, спустя более полувека, станет очень интересно узнать о братстве по оружию представителей разных народов, принимавших участие в сопротивлении фашистскому режиму и немецкой оккупации в Италии. В рядах итальянского Сопротивления в те годы собралась целая интернациональная команда. <...> То, что эта книга издается заново, очень верно. Это дань вечной памяти бойцов Сопротивления и братству по оружию представителей народов, принимавших в нем участие»¹.

Молодой красноармеец Анатолий Тарасов попал в плен к немцам осенью 1941 г. при попытке выхода из окружения и летом 1943 г. оказался в оккупированной Италии (на подневольной работе по прокладке телефонных линий). Совершив побег из плена, он почти неделю скитался в горах, попал в крестьянский дом семьи Черви. Вся семья принимала участие в антифашистской борьбе. Семеро братьев Черви были расстреляны фашистами. Их отец, Альчиде Черви, позднее считал Тарасова своим «русским сыном». Тарасов влился в отряд гарибальдийцев, а затем — в Русский ударный батальон под командованием Владимира Переладова². Этот отряд, имевший около 150 бойцов, прославил себя защитой партизанской республики Монтефьорино. Двадцатидвухлетний Анатолий, благодаря своим высоким интеллектуальным и моральным качествам, стал его политическим комиссаром. Советские воины успешно сражались с нацифашистами не только на родной земле, но и в Италии.

Когда эти края были освобождены англо-американскими союзниками, соратники Тарасова репатриировались, но он решил посвятить себя дальнейшей борьбе — в составе Советской миссии по репатриации он помогал советским партизанам, остававшимся в тылу у нацифашистов, переходить линию фронта. Была и более сложная задача — способствовать уходу соотечественников из немецких рабочих зон и военных отрядов. А. Тарасов, оставшись в Италии и после окончания боевых действий, по заданию миссии встречался с советскими гражданами, опасавшимися возвращения на родину и возможного наказания. Как известно, в особых фильтрационных лагерях проверяли репатриантов для установления факта возможного сотрудничества с врагом. Пройдя, как и все, через фильтрационный лагерь, Тарасов вернулся в свой Ленинград.

Анатолий Макарович был скромным человеком, он обладал не только литературным, но и художественным даром, благодаря которому нашел свое призвание в книжном дизайне. После многолетней работы на фабрике беловых товаров был принят на работу в крупное издательство «Лениздат» как оформитель. Знакомство и дружба с литераторами подтолкнули его к литературному творчеству. Однако первые пробы пера были много раньше: в книгу «В горах Италии» включено

¹ Tarasov A. *Sui monti d'Italia* / a cura di Michail Talalay e Giambattista Cadoppi. Cavriago : Anteo Edizioni, 2025. P. 3.

² См.: Воспоминания В. Я. Переладова «Записки русского гарибальдийца» (Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1988) недавно переизданы на итальянском языке. См.: Pereladov V. *Il battaglione partigiano russo d'assalto*, prefazione di Dmitry Shtodin. Cavriago : Anteo, 2024.

три его новеллы, написанные еще в 1947—1953 гг. и не связанные прямо с темой Сопротивления.

Первые попытки поделиться уникальным партизанским опытом с читателями относятся к середине 1950-х гг. В 1956 г. в газете «На страже Родины» (№ 209—211, 213) опубликованы заметки А. Тарасова «Всегда с тобою, Родина». Однако по сути это была литературная обработка устных воспоминаний, выполненная его другом журналистом Эдуардом Арениным.

Самостоятельным автором Тарасов выступил, опубликовав в 1958 г. в литературном журнале «Нева» (№ 4—5) серию очерков «В горах Италии. Записки русского гарибальдийца», ставших позднее книгой. В 1960 г. он опубликовал книгу «В горах Италии» о своем необыкновенном опыте итальянского партизана-антифашиста.

Думается, что двери в престижный журнал для него распахнулись благодаря важному событию: весной 1957 г. он получил орден Отечественной войны I степени. Приведем текст Наградного листа, в котором сжато отражена военная судьба Тарасова:

Товарищ Тарасов с первых дней принимал участие в Великой Отечественной войне в составе 269-го стрелкового полка на Западном фронте. При обороне города Лида (Белоруссия) часть попала в окружение. 20 октября 1941 года, при попытке перейти линию фронта, попал в плен. В плену был зачислен в рабочую команду и отправлен в Италию. Из плена бежал 8 сентября 43-го года и вступил в местный партизанский отряд братьев Черви. В одном из партизанских боев снова попал в плен и опять из плена бежал и примкнул к партизанам. Отряд состоял из советских военнопленных. Первый время был рядовым бойцом, затем комиссаром партизанского батальона. 17 ноября 1944 года вместе с отрядом перешел линию фронта.

По заданию Советской военной миссии по репатриации был направлен в немецкий тыл для отбора советских граждан, организации работы по уходу из немецких частей и отправке через линию фронта. Всего переправил через линию фронта 325 человек.

По окончании боев продолжал работать в Советской миссии и помогал выявлять и собирать советских граждан для отправки их на родину.

В 1956 году делегацией итальянских партизан, которая приезжала в Ленинград, Тарасову вручена медаль итальянских партизан¹.

С февраля 1949 г. по настоящее время работает на Ленинградской фабрике беловых товаров и характеризуется положительно. Неоднократно был премирован, активно участвует в общественной жизни фабрики.

Вывод: достоин награждения Орденом Отечественной Войны 1-й степени.

Фрунзенский райвоенком подполковник Коршун

2 апреля 1957 года².

Не исключено, что название журнальных очерков, а потом и книги, было навеяно этим важным документом, в котором было указано: «с 8.09.1943 г. по май 1945 г. партизанил в *горах Италии*».

Наряду с работой в издательстве Тарасов погрузился в общественную работу. Еще в 1954 г., когда в Ленинграде было образовано отделение Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), он стал его активным членом.

¹ Медаль им. Гарибальди Национальной ассоциации итальянских партизан (ANPI).

² Автор статьи выражает благодарность за предоставление документа Екатерине Корниловой (Неаполь), исследовательнице участия советских партизан в итальянском Сопротивлении.

В 1955 г., спустя 10 лет после окончания войны, в СССР приехал Альчиде Черви, но ему трудно было разыскать советских партизан, которых он знал только по боевым именам. Тарасов не сумел увидеться с А. Черви, но с большой энергией принялся за пропаганду его книги *“I miei setti figli”*, которая вышла в том же году. Уже в 1956 г. в Москве вышел перевод этой книги — «Мои семь сыновей», сделанный блестящей переводчицей и лингвистом Юлией Добровольской, а Анатолий Тарасов написал на книгу обширную рецензию «Искры ненависти» («Нева». 1957. № 5) с использованием собственных воспоминаний. Учрежденное в 1958 г. в Ленинграде отделение Общества дружбы «Италия — СССР» предоставило Тарасову обширное поле деятельности, в особенности по сохранению памяти о Сопротивлении. Анатолий Макарович был приглашен в правление Ленинградского отделения.

Пик его деятельности на общественном поприще пришелся на 1965 г. К 20-летию Победы А. М. Тарасов выступает с лекциями, организует выставки, курирует дружину ленинградских пионеров им. братьев Черви. В конце года Тарасов едет в Италию. Ему удается встретиться со многими соратниками и знакомыми, много времени он проводит в краю партизанской республики Монтефьорино. Те, 35 дней, которые он провел в Италии, стали источником серии очерков «Италия в сердце», которые были собраны под одной обложкой уже после кончины автора. Именно в этой поездке, спустя 20 лет, он встретился с Альчиде Черви, описав встречу в журнальном очерке.

К 1967 г. относится другая важная встреча — с приехавшим в Ленинград Мауро Галлени, который в то время заканчивал свой эпохальный труд *«Partigiani sovietici nella Resistenza italiana»* («Советские партизаны в итальянском движении Сопротивления»), которым все исследователи Сопротивления широко пользуются до сих пор. В эти годы Тарасов ведет и широкую переписку со своими итальянскими знакомыми, в первую очередь с Альчиде Черви, вплоть до его кончины в 1970 г. Всего выявлено около 70 адресатов.

Однако военные годы надломили здоровье Анатолия Макаровича, в 1971 г. он скончался. Ему не исполнилось и 50 лет. Друзья Тарасова бережно собрали очерки, написанные им, и в 1976 г. вышла его вторая книга — «Италия в сердце».

Почти сразу после его кончины в школе, где он учился*, появилась мемориальная доска с таким текстом: «С 1929 по 1936 год в этой школе учился Анатолий Макарович Тарасов, кавалер ордена Отечественной войны I степени, герой движения Сопротивления в Италии, комиссар русского ударного батальона, кавалер ордена Гарибальдийской Звезды, Почетный гражданин города Реджо Эмилия».

Многие реликвии Анатолия Тарасова, в первую очередь его собственные награды и знаки гарибальдийского движения, которые он собирал, попали в ленинградский Музей революции (ныне Государственный музей политической истории России). Некоторые экспонаты своей коллекции фалеристики он передал туда еще при жизни. Часть личного архива сохранил его племянник Владимир Георгиевич

* Теперь это петербургская школа № 550, расположенная по адресу: Торговый пер., 2.

Тарасов**, этот архив еще долго будет интересен исследователям истории советских партизан в Европе. Сам Владимир Георгиевич принял участие в подготовке итальянского издания, его предисловие, обращенное к итальянским читателям, думаем, будет интересно и нашим соотечественникам:

Огромное спасибо издательству Anteo за решение переиздать книгу моего дяди «В горах Италии».

Слова «Италия», «партизаны», «дружба между соратниками» знакомы мне с детства. Анатолий Тарасов — мой дядя, брат моего отца. Дядя старался заменить мне отца, так как он умер от ранений, полученных на войне, когда я был еще совсем маленьким. Мы жили в одной квартире в центре Ленинграда. Его работа позволяла ему работать дома, и я видел, как он трудился художником и гравером по металлу. И, конечно же, в то время активно развивались дружеские отношения между СССР и европейскими странами, основанные, в частности, на боевой дружбе партизан.

Итальянцы, участвовавшие в движении Сопротивления и приезжавшие в Ленинград, всегда встречались с Анатолием Тарасовым. Встречи проходили в Доме дружбы, в редакциях газет, в школах, в университетах. Встречи стали особенно частыми после проведения Фестиваля молодежи и студентов в Москве в конце пятидесятых годов. Молодые люди приезжали учиться в Ленинград, чаще всего в Ленинградский государственный университет. Они также активно участвовали во встречах между членами приезжающих делегаций и студентами, рабочими и жителями города.

Между старыми друзьями велась постоянная переписка. Названия городов охватывали весь север Италии. К нам домой периодически приходили итальянские газеты и журналы. Поздравительные открытки в Италию и из Италии приходили как по случаю праздников, так и с известиями о том, что все здоровы и в порядке.

Мне, который в то время еще ходил в школу, было, естественно, интересно участвовать и наблюдать за взрослыми, которые, пройдя через огонь войны, сохранили в себе те человеческие качества, которыми можно гордиться. Теперь я понимаю, что в процессе формирования личности необходимо с детства находиться рядом с людьми, которые создавали историю и которые, несмотря на возраст, сохранили ясность ума, сердечность и готовность помочь в трудные моменты.

Мой отец защищал Ленинград, был ранен и погиб после войны. Мой дядя, Анатолий Тарасов, после ранения попал в плен и оказался в Италии, но сумел бежать и присоединиться к партизанам. История говорит нам, что тысячи людей сражались в партизанских отрядах. Оружие добывали во время рейдов на места дислокации фашистов. Они сражались мужественно. Но особое место среди них занимали советские солдаты и офицеры, бежавшие из плена и влившиеся в итальянское Сопротивление¹.

Для нового итальянского переиздания публицист, доктор философских наук Джамбаттиста Кадоппи написал послесловие, проникнутое тревогой за нынешнее время:

Книга Анатолия Тарасова — это не только личные воспоминания о войне: это картография коллективной европейской памяти, которая сегодня рискует быть растоптанной. В эпоху, отмеченную прогрессирующим процессом нацификации истории, — понимаемой как удаление, искажение или моральная нейтрализация победы над нацистским фашизмом — свидетельство советского партизана приобретает значение акта граждан-

** Владимир Тарасов родился в Ленинграде в 1949 г. Получив специальность инженера-механика, он начал службу в Советских вооруженных силах. Окончил военную академию. В 1984—1986 гг. участвовал в военном конфликте в Афганистане, в 1991 г. уволился в связи с ранением, полученным при исполнении служебных обязанностей.

¹ Anatolij Tarasov. *Sui monti d'Italia* / a cura di Michail Talalay e Giambattista Cadoppi. Cavriago: Anteo Edizioni, 2025. P. 5—6.

ского сопротивления. Не потому, что текст с ностальгией обращен в прошлое, а потому, что защищает будущее от потери этического компаса, по которому ориентировалась освобожденная Европа.

Парадокс нашего времени очевиден: в то время как человечество празднует технологический прогресс и глобализацию, мы наблюдаем систематическое уничтожение материальных знаков освобождения от нацизма. На Украине, в странах Балтии и Польше более тысячи памятников, посвященных солдатам-освободителям, были снесены или разрушены. Это явление не сводится к временному геополитическому спору: оно представляет собой глубокую рану, нанесенную культурному наследию человечества, как в его материальном измерении (памятники, мемориалы, места сопротивления), так и в нематериальном (память, ценности, ритуалы).

Жизни таких людей, как Анатолий Тарасов и Владимир Переладов, воплощают это братство. Тарасов, комиссар русского батальона в районе Модены и Реджо-Эмилия, понял, что итальянское Сопротивление было частью той же мозаики, которая складывалась в Сталинграде. Его воспоминания — это уроки международного братства, а не просто военные хроники. Переладов, легендарный «русский капитан» партизанской Республики Монтефьорино, был не только военным командиром, но и политическим организатором, который способствовал одному из первых экспериментов по прямой демократии в оккупированной Италии¹.

Как мы видим, что воспоминания А. Тарасова, вышедшие 65 лет тому назад, не утратили своей актуальности, а с учетом новых сведений могли бы быть переизданы с соответствующим научным аппаратом и с богатым иллюстративным рядом.

Информация об авторе

Талалай Михаил Григорьевич — кандидат исторических наук, специалист по русско-итальянским связям, член совета Международного научно-исследовательского центра им. П. Муратова, независимый исследователь, Милан, Италия. E-mail: tala-laym@mail.ru

Information about the author

Mikhail G. Talalay — Candidate of Sciences (History), expert in Russian-Italian relations, member of the board of the Pavel Muratov International Research Center, independent researcher, Milan, Italy. E-mail: talalaym@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.02.2026; одобрена после рецензирования 02.04.2026; принята к публикации 06.04.2026.

The article was submitted 12.02.2026; approved after reviewing 02.04.2026; accepted for publication 06.04.2026.

¹ Anatolij Tarasov. *Sui monti d'Italia* / a cura di Michail Talalay e Giambattista Cadoppi. Caviglioglio: Anteo Edizioni, 2025. P. 185.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белковец Михаил Сергеевич — студент, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: mihailbelkovec8@gmail.com

Бобер Александр Евгеньевич — преподаватель кафедры иностранных языков и лингводидактики, аспирант, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: bober-ae@ranepa.ru

Власов Алексей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и историографии, Институт истории и международных отношений, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Российская Федерация. E-mail: aleksvlasov3007@gmail.ru

Иларионова Татьяна Семеновна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: ilarionovat@mail.ru

Илларионова Карина Игоревна — студент, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: illarionova-ki@ranepa.ru

Кранчев Дмитрий Алексеевич — экскурсовод, Хакасский национальный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова, Абакан, Российская Федерация. E-mail: d.kranchev@mail.ru

Маркдорф Наталья Михайловна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: markdorf-nm@ranepa.ru

Савина Татьяна Вячеславовна — кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков и лингводидактики, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: savina-tav@ranepa.ru

Симакова Софья Александровна — начальник управления культуры, молодежной политики и спорта Яшкинского муниципального округа, председатель Кемеровской региональной ассоциации общественных объединений «Координационный Совет немцев», соискатель ученой степени кандидата наук, Кемерово, Российская Федерация. E-mail: simasofya@yandex.ru

Стельмашенко Дарья Александровна — студент, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: dstelmashenko-23@edu.ranepa.ru

Талалай Михаил Григорьевич — кандидат исторических наук, специалист по русско-итальянским связям, член совета Международного научно-исследовательского центра им. П. Муратова, независимый исследователь, Милан, Италия. E-mail: tala-laym@mail.ru

Устименко Яна Игоревна — преподаватель кафедры иностранных языков и лингводидактики, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: ustimenko-yi@ranepa.ru

Фомина Екатерина Борисовна — студент, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: efomina-24@ranepa.ru

Ходкевич Климентий Олегович — преподаватель, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: khodkevich-ko@ranepa.ru

Шульга Даниил Петрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр экономической и социальной истории, Институт общественных наук Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: shulga-dp@ranepa.ru

Юрченко Маргарита Алексеевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингводидактики, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: yurchenko-maa@ranepa.ru

AUTHOR AFFILIATIONS

Mikhail S. Belkovets — Student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: mihailbelkovec8@gmail.com

Alexander E. Bober — Lecturer, Department of Foreign Languages and Linguodidactics, Postgraduate Student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: bober-ae@ranepa.ru

Aleksey V. Vlasov — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian History and Historiography, Institute of History and International Relations, Chernyshevsky Saratov State University, Saratov, Russian Federation. E-mail: aleksvlasov3007@gmail.ru

Tatiana S. Ilarionova — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Professor of the Department of State and Municipal Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. E-mail: ilarionovat@mail.ru

Karina I. Illarionova — Student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: illarionova-ki@ranepa.ru

Dmitry A. Kranchev — Tour Guide, Khakass National Museum of Local Lore named after L.R. Kyzlasov, Abakan, Russian Federation. E-mail: d.kranchev@mail.ru

Natalya M. Markdorf — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor at the Department of Social and Political Sciences and International Relations, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: markdorf-nm@ranepa.ru

Tatyana V. Savina — Candidate of Sciences (Philology), Head of the Department of Foreign Languages and Linguistics, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: savina-tav@ranepa.ru

Sofia A. Simakova — Head of the Department of Culture, Youth Policy, and Sports of the Yashkinsky Municipal District, Chairperson of the Kemerovo Regional Association of Public Organizations “Coordinating Council of Germans”, candidate of science degree, Kemerovo, Russian Federation. E-mail: simasofya@yandex.ru

Darya A. Stelmashenko — Student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: dstelmashenko-23@edu.ranepa.ru

Mikhail G. Talalay — Candidate of Sciences (History), expert in Russian-Italian relations, member of the board of the Pavel Muratov International Research Center, independent researcher, Milan, Italy. E-mail: talalaym@mail.ru

Yana I. Ustimenko — Lecturer, Department of Foreign Languages and Linguodidactics, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: ustimenko-yi@ranepa.ru

Ekaterina B. Fomina — Student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: efomina-24@ranepa.ru

Klimenty O. Khodkevich — Lecturer, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: khodkevich-ko@ranepa.ru

Daniil P. Shulga — Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Center for Economic and Social History, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. E-mail: shulga-dp@ranepa.ru

Margarita A. Yurchenko — Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Department of Foreign Languages and Language Didactics, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: yurchenko-maa@ranepa.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

1. Общие положения

Редакция журнала «Сибирь гуманитарная» принимает к рассмотрению оригинальные, ранее нигде (в том числе в сети Интернет) не публиковавшиеся статьи.

Периодичность выхода журнала — четыре раза в год (ежеквартально). Журнал распространяется по подписке. Полнотекстовые электронные версии вышедших номеров доступны на сайте Сибирского института управления — филиала РАНХиГС.

В журнале публикуются результаты фундаментальных и прикладных научных исследований отечественных и зарубежных ученых, а также аспирантов и студентов (совместно с преподавателями) по следующим научным специальностям:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки;
- 5.6. Исторические науки (5.6.1. «Отечественная история»; 5.6.2. «Всеобщая история»; 5.6.4. «Этнология, антропология, этнография»; 5.6.5. «Историография, источниковедение, методы исторического исследования»; 5.6.6. «История науки и техники»; 5.6.7. «История международных отношений»; 5.6.8. «Документалистика, документоведение, архивоведение»);
- 5.7. Философия (5.7.1. «Онтология и теория познания»; 5.7.2. «История философии»; 5.7.6. «Философия науки и техники»; 5.7.7. «Социальная и политическая философия»; 5.7.8. «Философская антропология, философия культуры»; 5.7.9. «Философия религии и религиоведение»);
- 5.8. Педагогика (5.8.1. «Общая педагогика, история педагогики и образования»; 5.8.2. «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)»; 5.8.5. «Теория и методика спорта»; 5.8.7. «Методология и технология профессионального образования»).

Статьи публикуются на русском языке и сопровождаются аннотацией и ключевыми словами на русском и английском языках.

Объем статьи должен составлять от 20 до 60 тыс. знаков (с пробелами). Статья должна быть тщательно выверена автором. За достоверность и точность приведенных фактов, цитат, географических названий, собственных имен и прочих сведений ответственность несет автор.

Материалы представляются по электронной почте e-mail: sib.gum@siu.ranepa.ru

Взаимодействие редакционной коллегии, связанное с публикацией рукописи, осуществляется с ответственным автором, который должен предоставить редакционной коллегии номер мобильного телефона для рабочих контактов. Если автор один, то он является ответственным автором. Авторский коллектив самостоятельно выбирает ответственного автора данной публикации. В редакционную коллегию представляется доверенность каждого соавтора на передачу всех прав и обязанностей по взаимодействию с редколлегией при подготовке рукописи к публикации конкретному лицу. Доверенности должны быть заверены в отделе кадров по месту работы.

2. Издательское оформление статей

Статьи в журнал «Сибирь гуманитарная» оформляются по ГОСТ Р 7.0.7-2021 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

2.1. Элементы издания, оформляемые автором:

- УДК;
- заглавие статьи — на русском и английском;
- подзаголовочные данные (при наличии) — на русском и английском;
- сведения об авторе (авторах) — на русском и английском;
- аннотация — на русском и английском (Abstract);
- ключевые слова (словосочетания) — на русском и английском (Keywords);
- благодарности (при желании) — на русском и английском (Acknowledgments);

- знак охраны авторского права;
- перечень затекстовых библиографических ссылок — на русском и английском (References);

- информация об авторе (авторах) (Information about the author(authors)).

Если статья публикуется не на русском языке, то элементы, требующие перевода, указываются сначала на языке статьи, затем — на английском языке, после чего — на русском.

2.2. Описание элементов издания

2.2.1. УДК — индекс Универсальной десятичной классификации, проставляется в соответствии с тематикой статьи.

2.2.2. Заглавие статьи — формулировка темы, точно отражающая рассматриваемую проблему.

2.2.3. Подзаголовочные данные статьи содержат сведения, поясняющие ее заглавие.

2.2.4. Сведения об авторе (авторах) содержат:

- имя, отчество, фамилию автора (авторов¹) (полностью);
- наименование организации (организаций²), ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО и др.);

- адрес организации (организаций), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна);

- электронный адрес автора (авторов);

- открытый идентификатор ученого (Open Researcher and Contributor ID — ORCID) (при наличии);

- автор, ответственный за переписку (Corresponding author) (при наличии нескольких авторов): фамилия, имя, отчество (полностью), электронный адрес.

2.2.5. Аннотацию оформляют по ГОСТ Р 7.0.99-2018 «Реферат и аннотация. Общие требования». Объем не превышает 250 слов.

2.2.6. Ключевые слова (словосочетания) должны соответствовать теме статьи и отражать ее предметную, терминологическую область. Не используют обобщенные и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты. После ключевых слов точку не ставят.

2.2.7. Благодарности. При желании приводят слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

2.2.8. Знак охраны авторского права приводят по ГОСТ Р 7.0.1-2003 «Издания. Знак охраны авторского права. Общие требования и правила оформления» внизу первой полосы с указанием фамилии и инициалов автора (авторов) или других правообладателей и года публикации статьи.

2.2.9. Перечень затекстовых библиографических ссылок формируется из подстрочных ссылок со сквозной нумерацией по всему тексту. Ссылки оформляются по ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила оформления».

2.2.10. Информация об авторе (авторах). В этот блок входит дополнительная информация об авторе (авторах): ученые степени, ученые звания, указание должности (с наименованием и адресом организации), почетные звания, членство в организациях и т. п.

2.3. Основной текст статьи может иметь следующие структурные части:

- введение;

- основную часть с выделением разделов «Материалы и методы», «Результаты», «Обсуждение» и др. (допускается деление основной части на тематические рубрики и подраз рубрики);

- заключение.

2.4. Надписи и подписи к иллюстративному материалу (таблицы, рисунки и др.) приводят на языке текста статьи и повторяют на английском языке.

¹ Имена авторов приводят в принятой ими последовательности.

² Если автор (авторы) работает (учится) в нескольких организациях.

3. Требования к техническому оформлению

3.1. Общие технические требования:

- текстовый редактор: MS WORD версия 2003 или более современная;
- редактор таблиц: MS Word 2003 или более современная (формат Excel не допускается);
- редактор графиков и диаграмм: MS Word 2003 или более современная;
- формат файла с рукописью: **.doc; .docx**
- формат файлов с рисунками, графиками, схемами и др. иллюстрациями: ***.jpg (jpeg), *.tif (tiff); *.png**.
- тип иллюстраций: полутоновой черно-белый, штриховой черно-белый;
- кегль (размер шрифта) для заголовка и текста статьи (кроме сносок) — 14;
- гарнитура — Times New Roman (TNR).

3.2. Параметры страницы:

- поля — 2 см вокруг;
- нумерация — автоматическая с первой страницы в нижнем правом углу.

3.3. Параметры абзаца:

- выравнивание — по ширине;
- отступ слева/справа — 0;
- интервал перед/после — 0;
- межстрочный интервал — 1,0.
- отступ первой строки абзаца — 0,7;
- должен быть установлен запрет висячих строк.

4. Оформление отдельных элементов текста

4.1. Рисунки должны быть четкими, подлежащими редактированию, диаграммы и графики составлены в программах Microsoft Graph или Microsoft Office Excel, фотографии — контрастными. Все иллюстрации должны иметь сквозную нумерацию, подрисуночные подписи. Не рекомендуется загромождать иллюстрации ненужными деталями: большинство надписей выносится в подрисуночную подпись, а на рисунке заменяется цифрами или буквами. Подрисуночная подпись должна быть лаконичной и соответствовать содержанию рисунка (10 пт).

4.2. Таблицы должны быть наглядными, иметь название, порядковый номер. Содержание таблиц должно быть связано с той мыслью в тексте, после изложения которой дается ссылка на таблицу. Название таблицы должно точно отражать ее содержание, заголовки граф — соответствовать их содержанию. Все данные внутри таблицы — 10 пт.

Размеры рисунков и таблиц — не более 135 × 2100 мм. Не нумеруются таблица или рисунок, если они в тексте единственные. На все таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте. Рисунки и таблицы располагаются в тексте после ссылки на них.

4.3. Формулы. Простые внутристрочные и однострочные могут быть набраны символами, без использования специальных редакторов. Сложные и многострочные формулы должны быть набраны в редакторе формул MathType 5. Смещение символов из текстовых редакторов с символами из редактора формул не допускается. Индексы и показатели степени должны быть четко ниже или выше строки. В случае ссылок на формулы в тексте нумерация формул дается справа в круглых скобках, а сама формула размещается отдельной строкой по центру. Если на конкретную формулу нет дополнительных ссылок в тексте или она в тексте единственная, то нумерация не нужна. Длина формулы — не более 12,5 мм.

4.4. Буква «ё» употребляется только в целях смысловоразличения слов, в именах и фамилиях согласно записи в документах, удостоверяющих личность.

4.5. Примечания, комментарии и др. можно размещать в подстрочных ссылках.

4.6. Цитаты. При использовании цитат обязательно обозначение границ заимствованных материалов в целях различения авторского и неавторского текстов. При прямом (дословном) цитировании границами служат кавычки, в которые заключается цитата, после которой ставится отсылка на источник. При передаче своими словами идей, концепций, точек зрения других лиц) левой границей служит вводная конструкция типа «В работе

И. Л. Михайлова...», «По мнению специалистов...», «Современные цивилисты трактуют...» и т. д. Правой границей является отсылка на источник заимствования.

4.7. Ссылки. Даются ссылки на источники всего заимствованного материала (прямая цитата, парафраз, фактический материал, таблица, рисунок и др.).

ПРИМЕР ПРИСТАТЕЙНОГО СПИСКА

Список источников

1. Конев Е. Прогнозируемые векторы развития зарубежных медиа // Журналистика—2018: состояние, проблемы, перспективы : материалы 20-й Междунар. науч.-практ. конф. (15—16 нояб., 2018, БГУ). Минск : БГУ, 2018. С. 294—297.

2. Огилви Д. Тайны рекламного двора — советы старого рекламиста. М. : Ассоциация работников рекламы, 2005. 61 с.

3. Браславец Л. А. Социальные сети как средства массовой информации: к постановке проблемы // Вестн. ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 125—132.

4. Murphy D. Ireland and the Crimean War. Dublin : Four Courts Press, 2002. 262 p.

References

1. Konev E. Projected vectors of development of foreign media, Journalism-2018: state, problems, prospects : materials of the 20th International Scientific and Practical Conference (November 15—16, 2018, BSU). Minsk, BGU, 2018, pp. 294—297.

2. Ogilvi D. Secrets of the advertising yard — tips of an old advertiser, Moscow, Associacija rabotnikov reklamy, 2005, 61 p.

3. Braslavets L.A. Social networks as mass media: towards the formulation of the problem, Bulletin of the VSU. Series: Philology. Journalism, 2009, no. 1, pp. 125—132.

4. Murphy D. Ireland and the Crimean War. Dublin, Four Courts Press, 2002, 262 p.

ПРИМЕР СТРУКТУРЫ СТАТЬИ

Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 42—54.

Siberia Humanitarian. 2023;(1):42—54.

Этнокультурное наследие

Научная статья

УДК (номер проставляет автор)

EDN (номер проставляет редакция)

Этнокультурное наследие в современной России

Иван Сергеевич Сидоров¹, Игорь Павлович Петров²

¹ Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация

² Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация

¹ kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/> (представляется автором)

² ipp86@mail.ru

Аннотация

Ключевые слова

Для цитирования: Сидоров И. С., Петров И. П. Этнокультурное наследие в современной России // Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 42—54. EDN XXXXXX.

Ethnocultural heritage of modern Russia

Ivan S. Sidorov¹, Igor P. Petrov²

¹ Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation

² Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation

¹ kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/>

² ipp86@mail.ru

Abstract

Keywords

For citation: Sidorov I.S., Petrov I.P. Ethnocultural heritage of modern Russia. *Siberia Humanitarian*. 2023;(1):42—54. (In Russ.). <https://elibrary.ru/xxxxxx>.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Список источников

References

Информация об авторах

Сидоров Иван Сергеевич — доктор политических наук, профессор, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Петров Игорь Павлович — магистрант, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: ipp86@mail.ru

Information about the authors

Ivan S. Sidorov — Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Igor P. Petrov — Master's Student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: ipp86@mail.ru

Статья поступила в редакцию 00.00.2023; одобрена после рецензирования 00.00.2023; принята к публикации 00.00.2023.

The article was submitted 00.00.2023; approved after reviewing 00.00.2023; accepted for publication 00.00.2023.